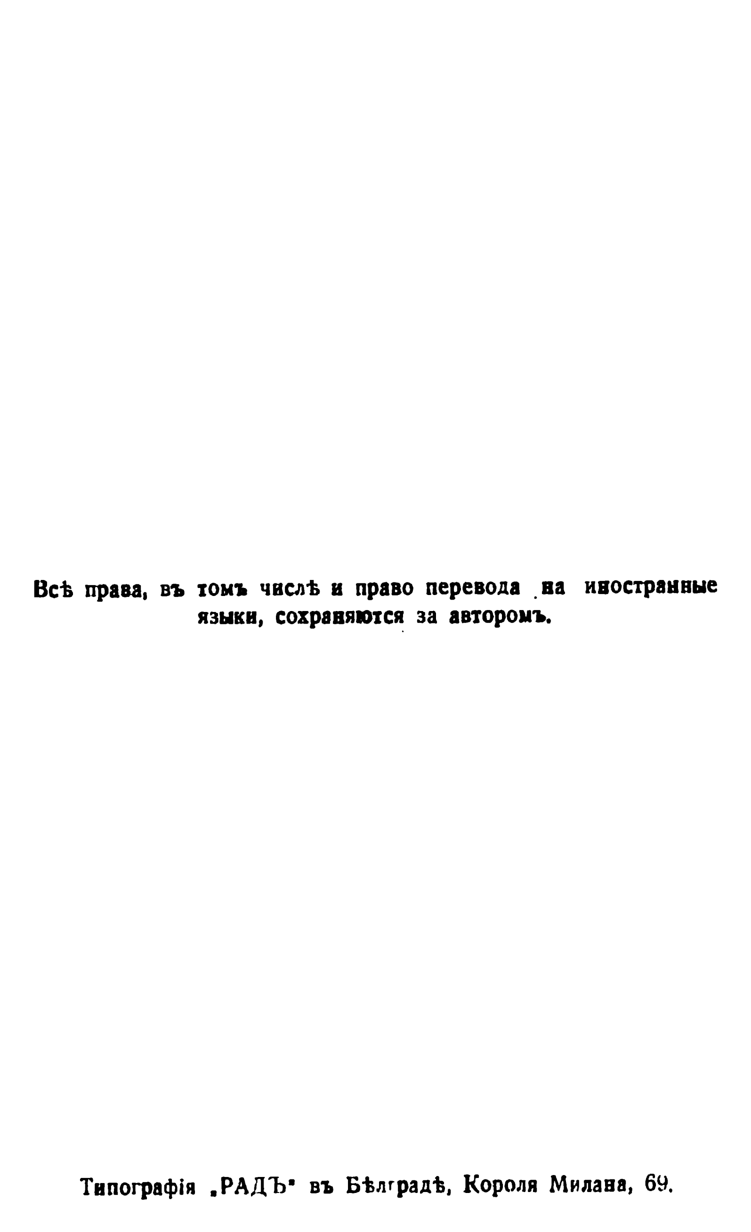
А. РЕННИКОВЪ

ДИКТАТОРЪ МІРА

РОМАНЪ БУДУЩАГО

БѢЛГРАДЪ
Книгоиздательство М. А. Суворина „Новое Время".
1925

Всѣ права, въ томъ числѣ и право перевода на иностранные языки, сохраняются за авторомъ.

Типографія „РАДЪ“ въ Бѣлградѣ, Короля Милана, 69.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Разсвѣло. Поблѣднѣвъ въ лучахъ зари, въ небѣ одна за другой меркли ночныя свѣтовыя рекламы. Медленно спускались внизъ къ своимъ ангарамъ на отдыхъ дирижабли электрической станціи съ висящими, уже погасшими, ночными солнцами. На четырехъ гигантскихъ башняхъ Берлина и Шарлоттенбурга затихли передъ дневной смѣной гудящіе вентиляторы, очищающіе дневной воздухъ... И сирена „Рабочаго Дворца“ радостнымъ воемъ возвѣстила объ оффиціальномъ началѣ дня.

Проснулся городъ, зазвенѣлъ, загудѣлъ. Потянулись по небу громоздкіе аэробусы, отвозящіе рабочихъ на фабрики. Взметнулись съ площадокъ домовъ частные аэропланы, отошелъ съ воздушной платформы Friedrichstrasse-Bahnhof первый утренній цепеллинъ-поѣздъ. Среди многоэтажныхъ домовъ въ тѣснинахъ улицъ запорхали на автоптерахъ, на автопланахъ продавцы булокъ, разносчики, торговки... И въ семь часовъ въ куполѣ „Храма Труда“ въ Тиргартенѣ ударилъ гулкій автоматическій гонгъ, и надъ городомъ пронесся громкій голосъ Прокуратора Германской Соціалистической Республики:

— Привѣтъ трудящимся!

Послѣ чего въ небѣ грянулъ веселый маршъ.

— Газеты!

У окна квартиры доктора Штейна, находящейся

въ 18-омъ этажѣ, на автоптерѣ виситъ въ воздухѣ газетчикъ. Уже 10 часовъ утра, а двѣ главныя берлинскія газеты „Arbeiter Tageblatt“ и „9 Uhr 25 Minuten Morgens Zeitung“ выходятъ около этого времени. Докторъ Штейнъ встаетъ изъ-за стола, подходитъ къ окну.

— Благодарю васъ. А „Lustige Blätter“?

— Не вышелъ. Задержанъ цензурой.

— А что?

— Не знаю. Говорятъ, изъ-за рисунка. До-свиданья!

Докторъ Штейнъ садится снова за столъ, придвигаетъ пустую чашку женѣ, разворачиваетъ „Arbeiter Tageblatt“.

— Аріадна, налей, пожалуйста.

Жена Штейна—русская. Въ 1920 году, тридцать лѣть тому назадъ, когда ей было всего два года, ея мать, вдова офицера, бѣжала изъ Петербурга въ Берлинъ и здѣсь вышла впослѣдствіи замужъ за нѣмца-профессора. Дочь давно могла бы вернуться на родину: уже много лѣтъ, какъ въ Россіи, послѣ длительной военной диктатуры, возстановилась монархія, условія жизни стали легче, чѣмъ во всей остальной Европѣ. Но развѣ она что-нибудь помнитъ о Петербургѣ? Кромѣ того, отчимъ умеръ только въ прошломъ году, мать не хотѣла его оставлять... А сама Аріадна два года назадъ вышла замужъ за Штейна.

— Прочесть тебѣ телефонограммы?

— Нѣтъ... Спасибо...

Она неподвижно смотритъ въ окно на повисшій между крышами лоскутъ синяго неба. И этотъ

прорывъ кажется страшнымъ. Все вокругъ понятно: окна, каріатиды, аэропланные зонты на площадкахъ. А онъ—прозрачный... Искрящійся. И—безъ дна... Въ безконечность...

— Ты, что: нездорова?

— Нѣтъ...

Она смотритъ въ глаза спокойно, равнодушно. Штейнъ пожимаетъ плечами.

— Не пойму я тебя, Аріадна!

— Да, должно быть...

Онъ нервно пробѣгаетъ столбцы, на нѣкоторое время останавливается взглядомъ, затѣмъ снова рыщетъ среди многотысячныхъ строкъ.

— Можетъ быть, опять что-нибудь насплетничала Бенита?

— Ахъ, оставь... Просто—настроеніе.

— Настроеніе! Два года, все настроеніе!

Она апатично беретъ со стола вторую газету, просматриваетъ.

Какъ все надоѣло! Во Франціи попрежнему конфликтъ между Палатой Депутатовъ и Рабочимъ Сенатомъ... Законопроэктъ объ уменьшеніи налога на лицъ свободныхъ профессій не утвержденъ... Возвращенъ обратно въ Палату... Въ Англіи забастовка художниковъ... Въ Швеціи — страхованіе семей рабочихъ на случай запоя главы семьи... Въ Тимбукту, на югѣ Сахары, сгорѣлъ кафешантанъ „Казино"... Во время исполненія кордебалетомъ популярной пантомимы „Грезы рабочаго"... .

Отвратительная пантомима!.. Какъ назойлива ея бездарная музыка, съ рожками, гудками, стукомъ ложекъ въ тарелки! Каждый день воздуш-

ный городской оркестръ посылаетъ съ неба попурри этой пошлости во всѣ окна... И нѣтъ спасенія нигдѣ...

Она вздыхаетъ, встаетъ, подходитъ къ буфетному шкапу.

— Ты не бралъ моей книги, Отто?

Штейнъ поднимаетъ голову.

— Да. Она въ кабинетѣ.

— Ты читалъ?

— Нѣтъ... Ей не мѣсто на буфетѣ, когда есть книжныя полки.

Аріадна отвѣчаетъ молча—презрительной скучающей улыбкой. Выходитъ изъ столовой, возвращается. У нея въ рукахъ — изданіе дешевой стеклянной библіотеки, получившей большое распространеніе въ послѣдніе годы. Вмѣсто прежнихъ бумажныхъ листовъ—одна только пластинка формата книги. Вдѣлана въ деревянную раму. Вставивъ штепсель и нажимая сбоку пружину, можно на матовой поверхности послѣдовательно проявлять всѣ страницы. Одну за другой.

Книги эти дешевле. И, кромѣ того, посвящены оккультизму, мистикѣ чиселъ, спиритизму, телепатіи... Самымъ моднымъ вопросамъ сороковыхъ годовъ.

— Такъ, такъ... — задумчиво стучитъ Штейнъ по столу пальцами. — Опять, значитъ, придется въ Рейхстагѣ призывать демократовъ къ порядку... Ты что читаешь? „Жизнь за гробомъ"?

Голосъ—чуть заискивающій, съ напускною веселостью. Она удивленно смотритъ.

— Да.

— Я просматривалъ... Глупость. Хотя я и не крайній соціалистъ, чтобы отрицать Бога... Хотя я и не клерикалъ, чтобы въ Него вѣрить... Но все въ ней такъ бездоказательно! Кстати...

Онъ улыбается, нагибается надъ газетой, протягиваетъ женѣ.

— Вотъ, прочти... Это тебя, навѣрно, заинтересуетъ... „Таинственное радіо". Въ отдѣлѣ „Смѣсь".

Она покорно кладетъ книгу на столъ, просматриваетъ.

— Гдѣ?

— Не нашла? Ну, дай я. Погоди... Вотъ... Слушай:

„Таинственное радіо".

„Центральная міровая радіостанція на Монбланѣ 18-го апрѣля получила отъ подчиненныхъ станцій различныхъ частей свѣта донесенія о странномъ перерывѣ въ работѣ, происшедшемъ 17 апрѣля. Въ продолженіе получаса волны какого-то могущественнаго аппарата парализовали дѣятельность станцій, послѣ чего всѣми ими записано слѣдующее сообщеніе неизвѣстно откуда:

Съ вами говоритъ Диктаторъ міра. Приказываю вамъ немедленно, по полученіи сего, оповѣстить правительства всѣхъ державъ земного шара, что съ настоящаго момента, 12 часовъ дня по гринвичскому времени, я, по милости Божьей, принялъ власть надъ земнымъ человѣчествомъ. Перваго мая, въ день вашего праздника, будетъ изданъ первый приказъ по народамъ и націямъ. Да исполнится воля Божья. Человѣчество должно обрѣсти себя. Мною будутъ возстановлены попранныя де-

мократіей и соціализмомъ духовныя цѣнности. Свобода творческаго духа, исканіе правды, уваженіе къ человѣку, любовь къ Богу возродятся снова, чтобы указать людямъ утерянный путь. Горе народамъ, пожелавшимъ идти наперекоръ мнѣ. Горе правителямъ, не исполнившимъ моихъ распоряженій. Президенты, Короли, Императоры, Палаты, Сенаты, Совѣты, военачальники, арміи всего міра, флоты всего міра—все отнынѣ подчинено мнѣ. Въ моей власти жизнь и смерть всѣхъ живущихъ. И одинъ только надо мною повелитель—Всемогущій Господь."

— Ну-ка, дай номеръ... Что это? Шутка, конечно ..

Аріадна заинтересовалась.

— Хорошо, если шутка...—смѣется Штейнъ, вставая.—Но дѣло, навѣрно, значительно проще и хуже. Вѣдь, радіотелеграфисты нашего времени даютъ наибольшій процентъ психическихъ заболѣваній!.. Погоди... Кажется, звонятъ?

Штейнъ выходитъ въ переднюю, открываетъ дверь, ведущую въ лифтъ, любезно говоритъ съ кѣмъ-то.

— Аріадна! Ты можешь выйти?

— А что, Отто?

— Это баронъ. Уѣзжаетъ сегодня, пришелъ проститься...

II

Мать Аріадны сегодня плохо себя чувствуетъ, лежитъ въ постели. Отто не возвращается изъ Рейхстага, очевидно, обѣдаетъ въ ресторанѣ съ

пріятелями... А къ тремъ часамъ приходитъ Бенита, предлагаетъ совершить на аэропланѣ загородную прогулку.

— Аппаратъ до восьми часовъ не нуженъ отцу,—говоритъ она.—Хочешь въ Дрезденъ, къ Альтмюллеру? Выпьемъ кофе, вернемся...

Бенита, какъ всегда, веселая, добродушная. Ея отецъ, — предсѣдатель союза объединенныхъ германскихъ метельщиковъ улицъ и помощникъ комиссара труда. Живется ей недурно—казенный автомобиль, аэропланъ, два автоптера, на взморьѣ у Свинемюнде въ лѣтнее время подводная лодка... И, кромѣ того, безплатные билеты повсюду: въ оперу, въ театръ Пантомимъ, въ фонокинематографы...

— Поѣзжай, дѣточка, — говоритъ Аріаднѣ Софья Ивановна. — Мнѣ сейчасъ лучше... А тебѣ надо освѣжиться: посмотри, какая ты блѣдная.

— Летимъ?—подтверждаетъ Бенита.

Аріадна условливается, что къ шести часамъ обязательно—назадъ. Она уже готова въ дорогу: на ней высокій бѣлый шлемъ съ синей лентой вокругъ, спускающейся до пояса сзади, мягкое деревянное черное манто...

Однако, звонокъ въ передней измѣняетъ планъ.

— Въ Дрезденъ?—презрительно усмѣхаясь, говоритъ знаменитый изобрѣтатель докторъ Штральгаузенъ, поздоровавшись и освѣдомившись у дамъ, куда онѣ собираются.—Что вы нашли интереснаго въ Дрезденѣ, не Цвингеръ ли? Я предложу вамъ, mesdames, другой проэктъ, если угодно: осмотрѣть мою лабораторію.

— А какъ нашъ стереопортретъ? — вспоминаетъ Аріадна.

— Относительно него и залетѣлъ...—самодовольно улыбается Штральгаузенъ.—Ваша Frau Mutter вышла великолѣпно, скажу безъ хвастовства. Но вы, вотъ, не такъ... А мнѣ очень хотѣлось бы, Gnädige, демонстрировать передъ публикой свое изобрѣтеніе именно на вашемъ портретѣ. Разрѣшите сегодня снять снова?

— Навѣрно, я вамъ буду мѣшать, господа,—многозначительно смѣется Бенита.

А Аріадна, избѣгая навязчивыхъ глазъ Штральгаузена, говоритъ строго, спокойно:

— Нѣтъ, если мы полетимъ, то полетимъ всѣ вмѣстѣ, Бенита.

Въ дорогѣ почти не говорили, хотя моторъ, работающій на переходѣ вольфрама въ гелій, былъ совершенно беззвученъ, а заостренная къ носу глухая каюта не передавала внутрь воздушнаго вопля. Штральгаузенъ самъ управлялъ. Поднявъ аппаратъ надъ Берлиномъ, онъ поставилъ его неподвижно, далъ дамамъ возможность полюбоваться панорамой, и затѣмъ, взявшись за рычагъ, обернулся:

— Можно уже?

Шпицы и купола зданій отбросило всторону. Метнулся къ западу Рабочій Дворецъ, графлеными строчками подъ прозрачнымъ поломъ зарябили мутныя улицы. Надъ предмѣстьями города

мелькнули фабричныя трубы, давно не дымившія, упраздненныя переходомъ промышленности на энергію атомнаго распада... И черезъ двадцать минутъ у плоскаго берега Одера, между Франкфуртомъ и Фюрстенбергомъ, аппаратъ уже мягко спускался къ лабораторіи „Ars“, пользовавшейся міровой славой, благодаря работамъ Штральгаузена въ области искусственнаго превращенія матеріи въ энергію.

— Я согласенъ съ вами, Frau Штейнъ, что одушевленность невозможно получить техническими средствами, — снисходительно говорилъ Штральгаузенъ, сидя за столомъ въ своемъ кабинетѣ съ узкими рѣшетчатыми окнами и стараясь при помощи кофейника съ чашками и бутылки съ ликеромъ быть радушнымъ хозяиномъ.—Но намъ до сихъ поръ неизвѣстно, въ концѣ концовъ, что такое одушевленность... Вѣдь, если мнѣ удастся технически зафиксировать внѣшнія проявленія отдѣльнаго человѣка во всей ихъ совокупности, а затѣмъ воспроизвести ихъ,—можетъ быть, этотъ снимокъ самъ окажется живымъ человѣкомъ?

— Не совсѣмъ понимаю,—нерѣшительно-произнесла Аріадна.

— Вообще не люблю философіи, — капризно поморщилась Бенита.—Я лучше еще разъ разсмотрю картины...

Бенита встала, подошла къ длинной черной стѣнѣ, на которой въ узкихъ золоченыхъ рамахъ висѣли яркіе движущіеся портреты, улыбавшіеся, что-то говорившіе нѣмымъ ртомъ, многозначительно кивавшіе головами. Это были—миніатюрные ки-

нематографическіе экраны, лишенные, однако, громоздкой надобности въ проэкціонныхъ фонаряхъ.

— Я вамъ объясню свою мысль... — удовлетворенно скосилъ глаза Штральгаузенъ, глядя вслѣдъ уходящей Бенитѣ.—Вѣдь теперь, послѣ того, какъ тайна превращенія матеріи въ энергію технически къ нашимъ услугамъ, мы перешагнули прежнее заблужденіе, будто техника простая служанка промышленности. Уже восемь лѣтъ, Frau Штейнъ, какъ міръ промышленной техники сталъ только одной незначительной областью всего великаго цѣлаго—того, что профессоръ новой магіи Коллисъ называетъ пантехникой. Да, мы подошли къ магическому періоду техники, къ техномагіи, это внѣ всякихъ сомнѣній. Человѣкъ въ старое время при помощи изобрѣтеній копировалъ то, что по частямъ находилось у него самого въ организмѣ: рычаги рукъ и ногъ, зрительныя стекла глазъ, мембрану уха... Все было развито, усилено, усовершенствовано... Но все было разбито на части, раздроблено... Старая техника не могла сложить подобныя части въ одно органическое цѣлое. Она не могла ихъ связать, вдохнуть въ нихъ то, что вы до сихъ поръ называете душой. Для старой техники было только важно доведеніе нашихъ отдѣльныхъ свойствъ до грандіозныхъ размѣровъ: вмѣсто рукъ—подъемные краны, вмѣсто скромнаго глаза—телескопъ въ 100 дюймовъ въ діаметрѣ... И техномагія, какъ протестъ противъ смѣшенія всей техники съ технологіей, ставитъ передъ собою основной задачей заниматься именно не такимъ мертвымъ анализомъ, а творческимъ

синтезомъ. Цѣль котораго — достиженіе полной одушевленности.

— Что же? Снова что-нибудь вродѣ гомункулуса?

Аріадна говорила робко, смущенно. Но глаза свѣтились, обычная грусть смѣнилась живымъ интересомъ.

— Нѣтъ, именно не гомункулуса!—пренебрежительно улыбнулся Штральгаузенъ. — Наивныя времена гомункулуса безвозвратно прошли. Мы пойдемъ къ достиженію одушевленности новыми путями. Сначала добьемся воспроизведенія матеріальныхъ образовъ живого обычнаго человѣка, затѣмъ—созданіемъ одухотвореннаго великана, руки котораго будутъ подъемными кранами, а глаза телескопами. Первый путь мнѣ уже ясенъ—мы скоро преодолѣемъ его. Ну, а что касается второго...

Штральгаузенъ смолкъ, загадочно посмотрѣлъ на Аріадну, всталъ.

— Пока займемся, однако, первымъ. Вотъ я сейчасъ покажу вамъ полученные стереопортреты... Вы сами убѣдитесь, что эта задача мною почти рѣшена.

Въ темномъ, совершенно пустомъ залѣ, со стѣнами затянутыми чернымъ сукномъ и лишенными какихъ бы то ни было отверстій для доступа дневного свѣта, Штральгаузенъ нажатіемъ кнопки засвѣтилъ длинную трубку, на подобіе гейслеровой.

и залилъ все пространство зала нѣжнымъ фіолетовымъ свѣтомъ.

Затѣмъ онъ прошелъ къ противоположной стѣнѣ, у которой, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, было расположено четыре аппарата. И медленнымъ вращеніемъ винтовъ сталъ наводить объективныя отверстія приборовъ на центральное мѣсто зала, гдѣ съ потолка спускался короткій металлическій стержень.

— Вы съ кого хотите начать? — раздался со стороны аппаратовъ озабоченный голосъ.—Съ себя?

— Все равно, докторъ... Ну, пусть мама сначала...

Аріадна волновалась, но старалась не показывать этого. Что же касается Бениты, то послѣдняя не на шутку тревожилась:

— Дорогая моя, а съ нами ничего не случится?

— Хорошо, пусть сначала Frau Müller,—глухо произнесъ Штральгаузенъ, скрываясь въ нишѣ стѣны, откуда шли къ приборамъ электрическіе провода.—Вы простите, я сейчасъ потушу свѣтъ, и вамъ нѣсколько мгновеній придется пробыть въ темнотѣ.

Фіолетовая трубка погасла. Въ черномъ мракѣ стояла жуткая тишина, прерываемая иногда далекими тихими шорохами. Но прошло десять, двѣнадцать секундъ—и центръ зала началъ постепенно свѣтлѣть. Подъ металлическимъ стержнемъ на полу образовалось матовое пятно; затѣмъ постепенно наверхъ стало вытягиваться дрожащее неясное облачко, принимая форму человѣческаго тѣла.

— Сейчасъ наведу на фокусъ,—донеслось изъ глубины недовольное бормотаніе Штральгаузена.— Эманометръ что-то капризничаетъ...

— Мама!—тихо вскрикнула Аріадна. На полу, посреди зала, окруженная свѣтящимся воздухомъ, стояла Софья Ивановна, уже не въ видѣ дрожащаго расплывчатаго призрака, а совсѣмъ живая, реальная.

— Ты бы лучше безъ меня снималась, Адикъ,— недовольно заговорилъ по-русски снимокъ Софьи Ивановны.—Не люблю я эти новѣйшія изобрѣтенія... Иди, стань на мое мѣсто!

— Вы можете подойти къ своей матери, Frau Штейнъ,—торжественно произнесъ, стоя у ниши, Штральгаузенъ.—Обнимите ее, потрогайте: не бойтесь испортить.

Аріадна сдѣлала нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ, но Бенита испуганно потянула сзади за руку.

— Не ходи... Ради Бога!

— Хотите, чтобы я?—послѣ нѣкоторой паузы насмѣшливо спросилъ докторъ.—Хорошо, сію минуту... Закрѣплю только...

Черезъ нѣсколько секундъ въ глубинѣ зала послышались увѣренные шаги.

Сіяніе въ центрѣ пересѣкла быстрая тѣнь. И Штральгаузенъ подошелъ къ дамамъ.

— Идемте, mesdames. Прошу васъ обратить вниманіе не на свѣтовое изображеніе этихъ портретовъ, которое давно уже извѣстно, а на осязательное и тепловое. Вотъ, смотрите,—продолжалъ онъ, когда всѣ втроемъ приблизились къ Софьѣ

Ивановнѣ.—Вы видите? Протяните руку... Настоящее живое плечо!... Голова... Глаза... Вы простите, что я невѣжливъ по отношенію къ вашей почтенной матушкѣ... Но это, вѣдь, не сама она... Копія. Лицо—теплое. И рука, тоже. Троньте руку... Чувствуете?

— Твердая...—вздрогнула Аріадна.

— Но упругая?

— Да...

— И такой температуры, какъ живая?

— Да...

— Докторъ, можетъ быть, можно сидя?—печально заговорилъ портретъ.—Хорошо,—повеселѣвъ произнесъ онъ послѣ небольшой паузы.—Адикъ, дай стулъ. Это прямо безобразіе,—прошепталъ затѣмъ портретъ сердито по-русски,—таскаешь старуху во время прогулокъ Богъ знаетъ по какимъ мѣстамъ!

Недовольные глаза матери на мгновеніе встрѣтились съ глазами Аріадны и повернулись дальше. Подъ Софьей Ивановной очутился стулъ; кисть чьей-то руки на одно мгновеніе показалась на спинкѣ, затѣмъ исчезла.

— Адикъ,—продолжала Софья Ивановна,—онъ проситъ что-нибудь сказать тебѣ на память. Такъ вотъ что... Если, дѣйствительно, портретъ выйдетъ такимъ, какъ онъ говоритъ, немедленно уничтожь его, когда я умру. Неприлично мнѣ послѣ смерти продолжать говорить, улыбаться, оставаться на ощупь такою, какою была при жизни... Я не хочу этого, Адикъ. Слышишь?

III

Они возвращаются въ Берлинъ къ сумеркамъ. Уже задолго, съ Фюрстенвальде, видны ослѣпительные диски только что зажженныхъ ночныхъ солнцъ. На бывшихъ фабричныхъ трубахъ у окраинъ стоятъ призрачные великаны, размахивающіе огромными флаконами, коробками, туфлями, разстилающіе передъ собою въ воздухѣ разнообразныя яркія цвѣтныя ткани. Западъ еще горитъ оранжевымъ отблескомъ, но на нѣжной вечерней зелени неба уже пробиваются плакаты: „Питайтесь искусственнымъ бѣлкомъ д-ра Гейна", „Радуйтесь, лысые!" „Весь міръ носитъ обувь изъ аллюминіевой кожи"...

Въ эти часы первый воздушный ярусъ Берлина всегда оживленъ праздной веселой толпой летательныхъ аппаратовъ. Въ трехъ направленіяхъ— на Фюрстенвальде, на Потсдамъ и на Ораніенбургъ образуются встрѣчныя ленты фланирующей публики, отдыхающей послѣ законченнаго дневного труда. Громоздкихъ аппаратовъ не видно—они давно переведены на будничную дѣловую работуй Среди рѣдкихъ небольшихъ моноплановъ на нѣсколько человѣкъ—больше всего автоплановъ,—съ однимъ или двумя креслами,—работающихъ надъ головой безшумнымъ винтомъ въ прозрачномъ каркасѣ.

— Вы очень быстро идете,—недовольно говоритъ Штральгаузену Бенита.—Я не могу хорошенько разсмотрѣть знакомыхъ! Ади, это не Буркгардтъ съ дамой?

— Не знаю...

— Навѣрно! У него надъ аппаратомъ голубой фонарь... Какая обида—проскочили. Herr Кунце!... —кричитъ она, нагибаясь,—летите сюда!... Я хочу вамъ сказать нѣсколько словъ. Herr Кунце,—протягиваетъ она руку вынырнувшему снизу молодому человѣку съ двумя красными мерцающими фонарями,—папа очень недоволенъ, что вы не занесли до сихъ поръ проэкта памятника неизвѣстному германскому металлисту. Зайдите завтра вечеромъ, я предупрежу... А вы почему здѣсь? Развѣ Мелита летаетъ не по Ораніенбургской линіи? Ну, завтра поговоримъ... Хорошо, хорошо. До-свиданья.

Огни цвѣтныхъ фонарей—къ центру Берлина—гуще. Публика по преимуществу изъ рабочихъ союзовъ, изъ правящихъ соціалистическихъ круговъ, изъ среды торговцевъ и промышленниковъ тѣхъ предпріятій, которыя обложены пока въ видѣ поощренія не особенно высокимъ налогомъ.

— Не люблю этой сутолоки...—хмурится Аріадна, кутаясь въ мягкую ткань манто.—Скучная, сѣрая толпа... Повернемъ назадъ...

— А по твоему что-же: лучше внизу, на улицахъ? У этихъ нищихъ—художниковъ, писателей, теоретиковъ?... Погоди: это кто? Али, смотри—Отто! Честное слово, Отто!

Навстрѣчу аэроплану среди шумной толпы приближался двумѣстный автопланъ съ зеленымъ и краснымъ огнями. Аппаратъ шелъ медленно; обгонявшіе сбоку и сверху сосѣди недовольно оборачивались, такъ какъ несоразмѣренностью хода онъ мѣшалъ общему движенію. Забывъ о рулѣ, док-

торъ Штейнъ о чемъ-то горячо спорилъ съ сидѣвшей рядомъ баронессой Остерроде, очевидно, успокаивалъ ее, въ чемъ-то оправдывался, а аппаратъ, лишенный управленія, автоматически шелъ, не лавируя, не считаясь съ пролетчиками.

— Я его окликну, Ади!—взволновалась Бенита.—Мнѣ удобнѣй отсюда. Хочешь?

— Не надо, Бенита.

— Какъ не надо? Ты именно покажи, что мы замѣтили. Это Богъ знаетъ, что такое съ его стороны! Каждый разъ аффишируетъ... Я окликну, Ади! А?

— Оставь... Не смѣй... Докторъ, можетъ быть, уже снизимся къ Potsdamerplatz? Мнѣ что-то холодно... Вѣтеръ.

Бениту завезли домой по дорогѣ, и Штральгаузенъ, какъ видно, разсчитывалъ, что Аріадна пригласитъ его на вечеръ къ себѣ. Однако, у нея разболѣлась голова. Она поблагодарила за прогулку, попросила какъ-нибудь прилетѣть на-дняхъ, стала прощаться.

— Когда оба снимка будутъ переведены на карманные аппараты,—сладко проговорилъ Штральгаузенъ, не отрываясь глядя въ глаза, — я попрошу разрѣшенія поднести ихъ вамъ на память.

— Нѣтъ, докторъ... Это неудобно... Черезъчуръ большая любезность...

— Но если это доставитъ мнѣ удовольствіе? Откажете?

— Хорошо... Мы поговоримъ... Послѣ. Я сейчасъ устала...

— А одинъ снимокъ будетъ у меня въ кабинетѣ. Около письменнаго стола... Всегда. Всю жизнь. Спокойной ночи!

Софьѣ Ивановнѣ къ вечеру стало значительно лучше. Она встала съ постели, приготовила чай, поджидала дочь въ столовой за накрытымъ столомъ.

— Я бы тебѣ вообще совѣтовала остерегаться и самого Штральгаузена и его изобрѣтеній, — недовольно замѣтила она въ отвѣтъ на разсказъ Аріадны о всемъ видѣнномъ въ лабораторіи. — Хотя онъ и знаменитость, и почетный членъ всѣхъ Академій, — но мнѣ напоминаетъ манерами совсѣмъ не ученаго, а провинціальнаго фокусника прежняго времени.

Она закашлялась, сдѣлала нѣсколько глотковъ, пытливо посмотрѣла на дочь.

— А за твое отсутствіе, знаешь, новость... Очень интересная...

— Новость?

Аріадна поблѣднѣла. Въ многозначительномъ и въ то же время ласковомъ тонѣ почувствовала для себя что-то тревожное.

— Звонилъ по телефону какой-то профессоръ... Представился. Фамилія русская, но точно не разобрала: какъ будто, Корельскій. Говоритъ, что прилетѣлъ по дѣламъ изъ Петербурга, привезъ мнѣ пакетъ отъ Владиміра Ивановича.

Невольный страхъ не обманулъ. Аріадна сразу, съ первыхъ словъ матери, почувствовала, что рѣчь будетъ именно о Владимірѣ. Почему пришло

въ голову? Владиміръ уѣхалъ въ Россію два года назадъ... Послѣ той сцены ревности, которая такъ ее оскорбила, заставила даже на зло выйти замужъ за Штейна... Два года она старалась не думать... Запретила матери вспоминать... И почему, вдругъ, сейчасъ — та сказала: „интересная новость“, а у нея сразу въ мысляхъ — Владиміръ?

— Я не приму...—холодно произнесла Аріадна, вставая со стула и переставляя на буфетѣ посуду, чтобы скрыть волненіе.

— Кого? Профессора?

Софья Ивановна испугалась.

— Да.

— Ну, и характеръ!... Вѣдь, это глупо, въ концѣ концовъ, Адикъ!

— Что глупо?

— Да вообще все... Вся ваша ссора. Ты прости, Адикъ. Не мое дѣло... Я знаю. Но, вѣдь, Владиміръ Ивановичъ такой хорошій, такой благородный... Если не ты, такъ я его цѣню... Уважай мое мнѣніе! Среди всѣхъ этихъ несчастныхъ тупыхъ демократовъ и соціалистовъ — онъ такой умница, такая свѣтлая голова. Никто изъ нихъ и въ подметки ему не годится.

— Ну, да... И что же?

— А то, что нельзя быть озлобленной такъ долго, Адикъ. Не хорошо, милая. Поссорились, не подошли другъ къ другу — и кончено. Но къ чему злоба? Адикъ, когда профессоръ придетъ—будь любезной, не уходи къ себѣ, какъ обыкновенно дѣлаешь, когда кто-нибудь тебѣ не нравится.

Для меня сдѣлай. Я очень люблю Владиміра Ивановича.

— Для тебя?

Аріадна задумалась.

— Ну, поди ко мнѣ... Я тебя поцѣлую. Что ты такъ плохо выглядишь? Устала? Адикъ, а ну, наклонись...

Аріадна нагнулась. Съ замираніемъ сердца ждала чего-то.

— А знаешь что, Адикъ?

— Что?

— Ты его д[illegible]хъ поръ любишь, Адикъ.

— Нѣтъ!

— Только его, Адикъ... Я знаю.

— Нѣтъ!

Аріадна круто повернулась. Быстро вышла изъ комнаты.

IV

Профессоръ Корельскій оказался очень милымъ и интереснымъ человѣкомъ. Держалъ онъ себя просто, естественно, говорилъ увлекательно, часто не безъ остроумія. И совершенно подкупилъ Софью Ивановну презрительнымъ своимъ отношеніемъ какъ къ соціалистамъ, такъ и къ безсильной оппозиціи къ нимъ со стороны европейской демократіи.

За жизнью въ Россіи Софья Ивановна слѣдила внимательно по распространенной петербургской газетѣ „Крестьянинъ", которую аккуратно выписывала уже много лѣтъ. Но Корельскій, конечно, сооб-

щилъ ей въ живомъ изображенiи много того, чего не можетъ дать никакая газета.

— Да, да, — вздохнула Софья Ивановна, выслушавъ разсказъ о дѣятельности Земскаго Собора за послѣднее время. — Опять, значитъ, начинается старое! Когда Соборъ собирался разъ въ годъ, отъ него былъ и толкъ и польза... А теперь что-жъ такое? Чѣмъ отличается онъ отъ всѣхъ этихъ рейхстаговъ, палатъ и сенатовъ? Только и дѣлаютъ, что болтаютъ, интригуютъ, мутятъ народъ... Я бы на мѣстѣ Царя просто разогнала всю эту публику, и дѣло съ концомъ...

— Ну, это легче сказать, чѣмъ сдѣлать, — улыбнулся Корельскiй. — Такое теченiе въ Петербургѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ, конечно, есть. Но для этого нужно опираться на реальную силу, а армiя, къ сожалѣнiю, въ значительной степени распропагандирована партiей радiотелеграфистовъ. Если вы подсчитаете голоса Собора по всѣмъ професciямъ, то увидите, что всецѣло поддерживаютъ правительство только духовенство, профессора университетовъ, педагоги, студенты и ассоцiацiя россiйскихъ кустарей. Крестьянскiй союзъ занимаетъ центральное выжидательное положенiе... Мужики всегда такъ: „моя хата съ краю“... А все остальное — въ сильнѣйшей оппозицiи къ власти: сахарозаводная партiя, суконная, башмачная, текстильный прогрессивный союзъ, восемнадцать рабочихъ ассоцiацiй, группа кинематографистовъ - республиканцевъ, радiотелеграфисты - индивидуалисты... Если законопроэктъ о новомъ измѣненiи конституцiи

пройдетъ, Императоръ безусловно отречется отъ престола.

— Что вы говорите! Значитъ, опять смута?

— Не знаю... Можетъ быть.

Корельскій задумался. Быстрымъ, какъ будто, случайнымъ взглядомъ, окинулъ сидѣвшую за столомъ Аріадну и съ презрѣніемъ добавилъ:

— Что же... Этого надо было ожидать. Вѣдь, когда народамъ даютъ право высказываться, они всегда ходятъ по кругу, какъ лошади въ циркѣ. Сегодня морда въ одномъ направленіи, завтра — въ другомъ. А въ центрѣ движенія — пусто.

— Я помню наши времена... Когда была еще барышней...—грустно заговорила Софья Ивановна.— Вѣдь, что происходило въ Петербургѣ передъ революціей! Не приведи Господи. Всѣ будто только того и желали, чтобы сдѣлаться бѣженцами. Въ Государственной Думѣ не засѣданія, сплошная истерика. Въ газетахъ не статьи, а прокламаціи. Потомъ видѣла здѣсь, въ Берлинѣ, многихъ изъ этихъ почтенныхъ дѣятелей. Не соціалистовъ, конечно,—я съ ними, какъ и съ чумными, никогда дѣла не имѣла... А своихъ—монархистовъ, націоналистовъ. „Ну, что, миленькіе, — спрашиваю, — устроили прогрессивный блокъ? Прогрессируете въ Берлинѣ-то?“ А они — вмѣсто того, чтобы плакать, — улыбаются. На черта сваливаютъ: „Чертъ попуталъ, Софья Ивановна“. Скажу вамъ правду, я на нашихъ правыхъ всегда больше злилась, чѣмъ на лѣвыхъ. Тѣ что? Тѣмъ все равно — Царь не Царь, Россія не Россія... Лишь бы разбитое корыто послѣ революціи раздѣлить по программѣ поровну.

А наши куда смотрѣли? Чертъ попуталъ! А зачѣмъ черта къ себѣ пускали? Что они отъ черта ждали: что тотъ ради ихъ прекрасныхъ глазъ ангеломъ себя проявитъ?

— Мамочка, тебѣ налить?

Аріадна прервала нарочно. Когда Софья Ивановна начинала вспоминать прошлое, ее трудно было остановить. Въ особенности, если собесѣдникъ нравился.

— Да, налей... Я, дорогой мой... Простите, ваше имя - отчество?

— Глѣбъ Николаевичъ.

— Глѣбъ Николаевичъ. Я, миленькій, много за свое время всего передумала. И покойный мужъ Гансъ всегда со мной соглашался... Не только за жизнь въ Петербургѣ, но и здѣсь, когда бѣженкой была, ясно почувствовала, что это за публика русскій народъ, когда надъ нимъ палки нѣтъ. Не то что рабочій какой-нибудь, или мужикъ... Генералъ даже, почтенный генералъ и тотъ равновѣсіе теряетъ! Стоитъ, растерянный, какъ былинка въ полѣ, отъ всякихъ фантазій качается. Только при крѣпкомъ начальствѣ русскій человѣкъ и бываетъ уменъ. И въ глазахъ тогда смыслъ, и разговоръ настоящій, солидный, и походка съ достоинствомъ. А что происходило послѣ революціи? Вы мальчуганомъ тогда были, вамъ не вспомнить, конечно... Но я видѣла: серьезные люди, уважаемые—и вдругъ не узнать: приготовишки какіе-то. Сорванцы! Будто во дворъ на большую перемѣну выскочили! Гансъ правду говорилъ: „Помни, Сонни, ваша русская культура принадлежитъ къ тѣмъ продуктамъ, которые по-

лучаются подъ прессомъ, какъ, вино, напримѣръ, или масло". Я сначала даже, признаться, обижалась. А потомъ согласилась. Безъ нажима изъ русскаго человѣка, дѣйствительно, ничего не получишь: какъ виноградъ—перезрѣетъ, свалится и загніетъ

— Правильно, правильно, совершенно согласенъ,—съ удивленіемъ поглядѣлъ на бойкую старушку Корельскій. — Просвѣщенный абсолютизмъ для насъ, русскихъ, конечно, самая лучшая форма, это показала исторія. Но я все же думаю, что эти мысли справедливы не только по отношенію къ Россіи, а вообще ко всему человѣчеству. Въ Петербургѣ, скажу вамъ по секрету, давно образовалась тайная интернаціональная лига, которая поставила цѣлью свержение соціалистическихъ и демократическихъ правительствъ и возстановленіе всюду просвѣщеннаго абсолютизма. Форма, конечно, не такая, какая была въ 18-мъ вѣкѣ... Сейчасъ время другое. И ошибокъ повторять не слѣдуетъ. Однако, повѣрьте мнѣ: не только русскій, но вообще всякій народъ всегда инстинктивно радъ, когда власть надъ нимъ осуществляется сама собою, а не по его желаніямъ и выборамъ. Владиміръ Ивановичъ, съ которымъ мы нерѣдко бесѣдовали на эту тему, идетъ даже дальше. Онъ считаетъ, что достойному правителю гораздо приличнѣе сначала получить власть, а потомъ симпатіи народа, чѣмъ сначала симпатіи, а потомъ власть...

До сихъ поръ о Владимірѣ Ивановичѣ ни Софья Ивановна, ни тѣмъ болѣе Аріадна не разспрашивали Корельскаго. Корельскій же, знакомясь съ дамами, въ свою очередь, только передалъ

краткій привѣтъ, а затѣмъ, зная о ссорѣ, рѣшилъ дипломатически выжидать, пока собесѣдницы поднимутъ сами разговоръ о его другѣ.

— Ахъ, мы тоже такъ часто говорили съ Владиміромъ Ивановичемъ обо всемъ этомъ!—радостно улыбнулась при воспоминаніи о Павловѣ Софья Ивановна.—Его непримиримость и, какъ бы сказать, внутренній аристократизмъ—меня всегда приводили въ такой восторгъ! Кстати, вы ничего еще не сказали... Ну, какъ онъ? Женился, навѣрно?

— Нѣтъ... Не женатъ.

— А гдѣ сейчасъ? Въ Петербургѣ?

— Нѣтъ... Уѣхалъ... довольно давно.

— Что вы! Уѣхалъ... А Сорокины говорили, что тамъ. Будто снова профессоромъ физики. Что же? Въ провинціи?

— Нѣтъ... Вначалѣ онъ, дѣйствительно, читалъ лекціи въ Университетѣ... Но зимой прошлаго года отчего-то захандрилъ, рѣшилъ бросить научную дѣятельность, продалъ патентъ на зрительный приборъ для слѣпыхъ за огромную сумму и уѣхалъ. На островъ Яву.

— На Яву? Да что вы? Навсегда?

Въ восклицаніи Софьи Ивановны слышалось искреннее сожалѣніе.

— Да, навсегда... Съ нимъ вообще что-то сдѣлалось въ послѣднее время... Во-первыхъ, разочарованіе въ политическомъ строѣ Россіи... Послѣ того, какъ Земскій Соборъ ограничилъ права Императора... Затѣмъ общій скептицизмъ по отношенію къ нашей цивилизаціи... Увлеченіе идеей, будто человѣкъ долженъ вернуться къ первобытному

состоянію и начать послѣ этого свое совершенствованіе на новыхъ началахъ... Прежде чѣмъ переѣхать на Яву, Владиміръ Ивановичъ около двухъ мѣсяцевъ пробылъ въ Америкѣ. Ликвидировалъ тамъ отношенія съ одной фирмой... А затѣмъ купилъ участокъ земли около Зондскаго Пролива, выстроилъ домъ, развелъ садъ... И живетъ отшельникомъ.

— Какъ жаль, какъ жаль! — вздохнула Софья Ивановна, съ упрекомъ бросивъ взглядъ на Аріадну. Та молча сидѣла, какъ-то странно выпрямившись на стулѣ. — Теперь, можетъ быть, намъ не придется и увидѣться съ нимъ... А вы были на Явѣ? Видѣли, какъ устроился?

— Да, леталъ къ нему въ началѣ весны... На „Ильѣ Муромцѣ"... У насъ теперь есть разъ въ недѣлю курьерскіе: „Петербургъ—Калькутта—Мельбурнъ". Домъ у него отличный—дворецъ, если хотите. И природа... Фантастическая. Ява вообще всегда отличалась диковинными цвѣтами, животными... Тамъ, возлѣ Батавіи, цѣлый естественно-научный городокъ, нѣсколько пріютовъ для престарѣлыхъ англійскихъ казенныхъ огородниковъ. Живетъ Владиміръ Ивановичъ совсѣмъ обособленно, ни съ кѣмъ не знакомится, есть, конечно, прислуга, сторожа... Былъ я всего три дня... Недолго. Но бесѣдуемъ мы теперь часто, благодаря микрорадіотелефону, который недавно изобрѣтенъ въ Америкѣ. Кстати, по порученію Владиміра Ивановича я привезъ одинъ экземпляръ этой новинки и вамъ. Разрѣшите взять изъ передней пакетъ?

Раскрывъ небольшой аллюминевый ящичекъ, Корельскій осторожно вынулъ изъ ватной обертки блестящій цилиндрическій приборъ размѣромъ не больше чайнаго стакана. Онъ осмотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, поочередно нажалъ нѣсколько кнопокъ, приложилъ аппаратъ къ уху, поставилъ, наконецъ, на столъ.

Софья Ивановна и Аріадна молчали. Старушка сильно волновалась, на морщинистыхъ щекахъ даже выступило нѣчто вродѣ румянца. Аріадна была блѣднѣе обыкновеннаго, каріе глаза стали совсѣмъ черными, подъ надломленными сосредоточенными бровями, будто ушли вглубь...

— Хотите, можетъ быть, вызвать? — любезно обратился Корельскій къ Софьѣ Ивановнѣ.—Я настрою на его волну... У насъ сочетаніе С — 13.

— Кого? Владиміра Ивановича? Конечно... Господи! Господи!..

Старушка перекрестилась.

Корельскій придвинулъ къ себѣ аппаратъ, нажалъ сначала одну кнопку, затѣмъ другую. Надавилъ сверху миніатюрный рычагъ.

— Владиміръ!

Молчаніе.

— Владиміръ? Ты въ кабинетѣ?

Молчаніе.

— Навѣрно, сейчасъ подойдетъ, — отодвинулся отъ стола Корельскій, — аппаратъ будетъ у него гудѣть, пока не услышитъ... А удобная вещь, — продолжалъ онъ, съ любовью взглядывая на телефонъ. — Вы можете поставить гдѣ-угодно въ комнатѣ и разговаривать въ другомъ концѣ, не подходя

близко... Вообще, какъ развилась за эти десять лѣтъ микротелефонія! Ага... Простите...

Со стола раздался нѣжный гармоническій звукъ. Будто аккордъ отдаленнаго органа. Затѣмъ громкій голосъ ясно и четко проговорилъ:

— Я слушаю. Это ты, Глѣбъ?

— Да... Угадалъ, — улыбнулся Корельскій. — Здравствуй, Владиміръ. Я исполнилъ порученіе: аппаратъ стоитъ сейчасъ въ квартирѣ у Софьи Ивановны и Аріадны Сергѣевны. Обѣ дамы тутъ, возлѣ меня. За столомъ.

— Владиміръ Ивановичъ, здравствуйте, миленькій, здравствуйте,—придвинулась Софья Ивановна къ аппарату, вытянувъ шею и ласково кивая впередъ головой.—Сколько времени о васъ ни слуху, ни духу! Какъ живете? Нехорошій вы!..

— Здравствуйте, Софья Ивановна, — отвѣтилъ сдержанный, но какъ будто взволнованный, голосъ, —Вы говорите: нехорошій? А что? Опять въ чемъ-нибудь провинился?

— Нѣтъ, нѣтъ... Я шучу. Я такъ счастлива, дорогой, что слышу васъ! Скажите—неужели вы говорите сейчасъ съ Явы?

— Да, съ Явы...

— Боже, Боже... Вотъ чудеса! Адикъ, ты не здоровалась? Погодите, Владиміръ Ивановичъ. Съ вами будетъ сейчасъ говорить Аріадна... Адикъ... Ну?

— Здравствуйте, Владиміръ Ивановичъ, — съ усмѣшкой въ лицѣ проговорила Аріадна, медленно разставляя слова, точно съ усиліемъ.—Очень рада встрѣтить васъ на Явѣ... Что подѣлываете? Отдыхаете?

— Адикъ!..—укоризненно прошептала Софья Ивановна.

— Да, отдыхаю,—иронически отвѣтилъ голосъ Павлова.—Если бы вы знали, Аріадна Сергѣевна, какая здѣсь природа... Все можно забыть!

— Я представляю... Конечно.

— А какъ докторъ? Попрежнему депутатомъ въ Рейхстагѣ?

— Отто? Да... Въ этомъ году въ президіумѣ... Товарищемъ предсѣдателя. Ну, очень рада... Съ вами будетъ сейчасъ говорить мама, Владиміръ Ивановичъ...

— Что со мной случилось?—неестественно весело проговорилъ Павловъ въ отвѣтъ на длинную рѣчь Софьи Ивановны о прежнемъ его интересѣ къ общественной жизни и о неожиданности перехода къ отшельничеству.—Ничего, увѣряю васъ. Никакого перелома!... Глѣбъ Николаевичъ, очевидно, сгустилъ краски. Конечно, общественность мнѣ порядкомъ надоѣла... Объ этомъ вы уже давно знаете... Видѣть сразу много головъ, много ногъ... Слышать гулъ голосовъ... Мысли... Крики... Призывы. Скучно! Я теперь, Софья Ивановна, уже, слава Богу, не депутатъ, не физикъ, не профессоръ, а просто на просто цвѣтоводъ и праздный наблюдатель природы. И безконечно радъ этому.

— Счастливецъ!—вздохнула Софья Ивановна. —Я васъ такъ понимаю! Вѣдь, подумайте: у насъ въ городѣ въ прошломъ году вырубили послѣднія деревья въ Тиргартенѣ, чтобы поставить памятники великимъ соціалистамъ. Великихъ соціалистовъ, разумѣется, оказалось такъ много, что получилось

нѣчто вродѣ братскаго кладбища. А дерево оставили только одно: окутали проволочной сѣткой, огородили и таблицу прибили. Чтобы школьники знали. Вы для чего цвѣты разводите, Владиміръ Ивановичъ: такъ? Или для продажи? А что у васъ —какіе сорта? Я когда-то занималась...

— Что хотите... Розы, камеліи, азаліи, гортензіи... Туберозы, хризантемы, гарденіи...

— Боже!

— Цвѣтущія деревья есть—мимозы, олеа фрагрансъ, магноліи, питосфорумъ.

— Милый! Вотъ если бы мнѣ къ вамъ!

Корельскій улыбнулся при восклицаніи Софьи Ивановны. Аріадна нахмурилась.

— А вы хотите?—раздался ласковый смѣхъ.— Такъ вотъ... пріѣзжайте! Будемъ вмѣстѣ разводить, ухаживать... На экспрессѣ долетите въ 36 часовъ. Всего 7000 километровъ.

— Ну, что вы! Это я такъ...—встревожилась старушка.—Куда мнѣ на Яву! Такое путешествіе не для старухи. Я до сихъ поръ, вотъ, боюсь, когда меня Адикъ вытаскиваетъ на аэропланѣ за городъ... Адикъ... Ты какъ думаешь: могу развѣ я?

— Тебѣ виднѣе, мама. Не знаю...

Аріадна встала, провела рукой по лбу, поправила волосы.

— Мнѣ что-то нехорошо. Я пойду, прилягу. Вы простите меня,—устало улыбнулась она Корельскому.—Владиміръ Ивановичъ, до свиданья...

Штейнъ въ этотъ день вернулся послѣ полуночи. Софья Ивановна засидѣлась съ Корельскимъ и съ голосомъ Владиміра Ивановича до одиннадцати часовъ и не замѣтила, какъ прошло время. О слабости, которая была днемъ, уже не вспоминала. Безъ умолку говорила, сначала о политикѣ, потомъ о театрѣ, объ изобрѣтеніяхъ, объ увлеченіи дочери магіей, спиритизмомъ, оккультизмомъ. Осторожно, какъ бы случайными ,вопросами, Павловъ выпыталъ отъ Софьи Ивановны всѣ подробности жизни Штейновъ, узналъ объ ихъ холодныхъ отношеніяхъ другъ къ другу, объ увлеченіи Отто баронессой. Вначалѣ Софья Ивановна была въ своей откровенности нѣсколько сдержана; но когда Владиміръ Ивановичъ заявилъ, что Корельскій—его лучшій другъ, отъ котораго онъ ничего никогда не скрываетъ, высказалась до конца, отвела душу.

— Если разрѣшите, я васъ буду часто тревожить,—сказалъ на прощаніе повеселѣвшій голосъ Владиміра Ивановича.—Вамъ это не будетъ въ тягость, скажите правду?

— Вы знаете, что къ вамъ я всегда относилась,какъ къ родному...—растроганно произнесла Софья Ивановна.—Каждый день буду обязательно вызывать. И вы тоже. Спокойной ночи, мой милый.

— Спокойной ночи, Софья Ивановна. Хотя мнѣ, собственно говоря, вставать пора. У меня утро.

Телефонъ глухо щелкнулъ. Корельскій всталъ, подошелъ прощаться.

— Заходите, пожалуйста...—ласково протянула

руку старушка.—И почаще... Всегда буду рада... А? Хотите что-то сказать?

Она вздрогнула. Онъ оглянулся,- придвинулся ближе, протянулъ два небольшихъ кружка съ выпуклымъ дномъ.

— Желтую мембрану, — прошепталъ онъ, — оставьте въ квартирѣ у баронессы... Зеленую — въ комнатѣ Аріадны Сергѣевны. Можетъ быть, это упроститъ дѣло...

V

Празднованіе перваго мая въ этомъ году, какъ и обычно за послѣднее десятилѣтіе, было обставлено въ Берлинѣ большою торжественностью. Съ ранняго утра дома разукрасились розовыми флагами съ изображеніемъ рычага и наклонной плоскости—гербомъ Германской Соціалистической Республики. Надъ городомъ рѣяли воздушныя машины, обвитыя искусственными бумажными цвѣтами, спускавшія внизъ длинныя разноцвѣтныя ленты съ надписями: „Счастье республики — въ страхованіи рабочихъ!“ „Да здравствуютъ пенсіи!“ „Слава въ элеваторахъ Хлѣбу!“

Въ воздухѣ играло нѣсколько шумныхъ оркестровъ главныхъ гвардейскихъ полковъ имени Мануфактуры, Кожи, Сахара, Муки. Въ третьемъ ярусѣ, съ высоты трехъ километровъ, аэропланы сбрасывали картонныя бомбы, разрывавшіяся съ гуломъ, обсыпавшія крыши и улицы веселыми хлопьями конфетти. И надъ окраинами города длинные громоздкіе дирижабли грохотали орудіями,

салютуя воздушнымъ процессіямъ отдѣльныхъ заводовъ и фабрикъ.

Докторъ Штейнъ около десяти часовъ вышелъ изъ дому. Первое мая было однимъ изъ рѣдкихъ дней, когда соціалисты и независимая демократія объединялись, когда праздникъ правительства былъ также праздникомъ и оппозиціи. Въ этотъ день въ Рейхстагѣ, по обыкновенію послѣднихъ лѣтъ, происходило торжественное засѣданіе обѣихъ палатъ — Рейхстага и Рабочаго Государственнаго Совѣта. И предсѣдательствовалъ на засѣданіи Прокураторъ Республики.

До начала торжества оставалось почти два часа. Штейнъ поднялся по лифту на площадку крыши сосѣдней гостиницы, махнулъ тростью:

— Аэро!

Онъ сдѣлалъ нѣсколько оффиціальныхъ короткихъ визитовъ — супругѣ предсѣдателя союза кельнеровъ, женѣ главы металлистовъ, семьѣ покойнаго предсѣдателя рабочихъ центральной электрической станціи... И къ одиннадцати часамъ былъ уже въ Рейхстагѣ. Остававшійся свободный часъ можно было бы, конечно, посвятить баронессѣ Остерроде. Но Софья Ивановна почему-то собиралась сегодня до обѣда навѣстить баронессу. Благоразумнѣе, поэтому, свой визитъ отложить на вечеръ...

— Что новаго, Фрицъ? — весело спросилъ Штейнъ молодого журналиста Гольбаха, усѣвшись на мягкій диванъ въ помѣщеніи бюро печати при Рейхстагѣ. Гольбахъ былъ извѣстенъ въ Берлинѣ, какъ талантливый публицистъ и репортеръ.

Но по обычаю, установившемуся за послѣднее время, соціалистическіе журналисты обыкновенно вставали, когда въ помѣщеніе входили члены ихъ партіи. И Гольбахъ почтительно вскочилъ.

— Первый телефонъ уже принятъ съ Эйфелевой, господинъ докторъ,—проговорилъ онъ, чуть-чуть изогнувъ спину.—Изъ Рима тоже полчаса назадъ получили.

— Садись, Фрицъ... Ты же работаешь...

— Покорно благодарю... Желаете, можетъ быть, ознакомиться?

— А что... Есть особенное?.. Что въ Парижѣ?

— Въ Парижѣ печально, господинъ докторъ Палата депутатовъ отказалась отъ совмѣстнаго чествованія... Въ видѣ протеста за особый налогъ на профессоровъ философіи. Сообщаютъ, будто ожидаются даже безпорядки со стороны членовъ Академіи наукъ...

— Ого! Осмѣлѣли. Интересно... Еще что?

— Въ Константинополѣ кое-что... Президентъ арабской республики объявилъ по случаю перваго мая амнистію... Всѣмъ мулламъ, осужденнымъ за отпѣваніе усопшихъ... А вотъ еще... чуть не забылъ! Только что получено. Вы изволили читать около недѣли назадъ замѣтку о таинственномъ радіо?

— Сумасшедшаго? Помню... Да.

— Точно такъ, сумасшедшаго. Такъ сегодня опять... Но уже болѣе любопытно. Я бы сказалъ, если позволите, даже тревожно.

— Да что ты? А ну... Покажи-ка...

— Сейчасъ... Сію минуту... Пятый листъ, восьмой, десятый... Вотъ.

Гольбахъ сдѣлалъ значительное выраженіе лица, не лишенное, однако, сознанія скромнаго своего соціальнаго положенія, робко кашлянулъ, началъ:

„Еще о таинственномъ радіо...

Центральная міровая радіостанція на Монбланѣ сообщаетъ объ удивительномъ случаѣ, происшедшемъ на ней сегодня въ семь съ половиной часовъ утра. Находившіеся на станціи служащіе, въ числѣ ста двадцати пяти человѣкъ, въ разгаръ очередной своей работы, вдругъ одновременно почувствовали какое-то легкое недомоганіе. Вслѣдъ затѣмъ неожиданно наступило полное оцѣпенѣніе. Никто не могъ ни пошевельнуться, ни произнести слова, ни разслышать, ни увидѣть, что происходитъ вокругъ. Находясь въ полномъ сознаніи, служащіе тѣмъ не менѣе пробыли въ этомъ оцѣпенѣніи ровно полъчаса, по истеченіи которыхъ явленіе исчезло...“

— Атмосферное электричество!—презрительно пробормоталъ Штейнъ.

— Простите?.. Атмосферное?

— Индукція... Вліяніе аппаратовъ, мало ли что!

— Это возможно, конечно. Индукція... Но, вотъ, разрѣшите дальше... Дальше значительно хуже... „Спустя пятнадцать минутъ радіотелеграфъ той же станціи принялъ странное сообщеніе, которое въ связи съ предыдущимъ происшествіемъ наводитъ на тревожныя размышленія. Мы приводимъ текстъ сообщенія полностью, предоставляя публикѣ самой сдѣлать выводы:

„Я, Диктаторъ міра, объявляю всѣмъ подвластнымъ мнѣ народамъ Европы, Америки, Азіи, Афри-

ки, Австраліи и Островов, что съ сего числа, перваго мая, мною предпринимаются въ порядкѣ постепенности коренныя соціальныя и политическія реформы во благо человѣчества и во имя Всемогущаго Бога.

Съ прискорбіемъ наблюдая всеобщее оскудѣніе духа среди ввѣреннаго моей власти населенія Земного Шара; съ отеческой жалостью видя угнетеніе лучшихъ моихъ сыновей худшими, разумныхъ глупыми, ученыхъ неучами, честныхъ мошенниками, застѣнчивыхъ наглыми, утонченныхъ безвкусными; со страхомъ взирая на постоянную борьбу за власть, на которую уходитъ драгоцѣнное для самоусовершенствованія время; съ безпокойствомъ наблюдая, какъ интересы народовъ оберегаются тѣми, отъ которыхъ народы сами должны оберегать себя, а тюрьмы строятся тѣми, кто долженъ самъ быть немедленно въ нихъ заключенъ... Видя, обозрѣвая, наблюдая все это, я со смиреніемъ въ сердцѣ передъ Господомъ Богомъ и съ твердой рѣшимостью передъ земнымъ человѣчествомъ приступаю къ осуществленію своихъ начертаній.

А посему, въ первую очередь, повелѣваю:

Въ недѣльный срокъ со дня сего эдикта распустить всѣ парламенты міра, всѣ палаты верхнія, нижнія, всѣ Совѣты, Соборы и Сенаты, обладающіе законодательной властью. Закрыть клубы и бюро всѣхъ партій и фракцій. Обратить въ благотворительный фондъ всѣ партійныя суммы, всю недвижимость ихъ и всю движимость. Императорамъ, Королямъ, Президентамъ, Прокураторамъ и

всѣмъ правительствамъ міра оставаться на своихъ мѣстахъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ моихъ распоряженій.

Въ случаѣ неисполненія сего эдикта за № 1, мною будетъ примѣнена къ непокорнымъ столицамъ первая мѣра наказанія:

Всеобщій двигательный и чувствительный параличъ населенія срокомъ на 24 часа: отъ 12 час. 8-го мая по 12 час. 9 мая.

Дано въ крѣпости Аръ, 1 мая 1950 г.“

— Какъ это понять?—послѣ нѣкотораго молчанія задумчиво произнесъ Штейнъ, взявъ въ руки бюллетень и перечитавъ снова его. Онъ съ тревогой почувствовалъ, что къ концу чтенія текста его праздничное веселое настроеніе куда-то исчезло.— Что ты на это скажешь, Фрицъ?

— Я? Мнѣ трудно самому... Безъ указаній...— уклончиво пробормоталъ Гольбахъ.—Во всякомъ случаѣ, многоуважаемый докторъ, когда я прочелъ незадолго передъ вами эту телефонограмму Штральгаузену, онъ отнесся къ ней чрезвычайно серьезно. Даже удивительно, какъ нервно принялъ извѣстіе... Простите, телефонъ. Изъ Гринвича...

Гольбахъ направился къ аппарату, въ которомъ раздалось гудѣніе, и возлѣ котораго пишущая машинка быстро защелкала, автоматически записывая текстъ.

— Чепуха!—тряхнулъ головой Штейнъ, съ улыбкой вставая и направляясь къ двери въ залъ засѣданій.—Просто,—навѣрно, шутка центральной станціи по случаю праздника!..

Онъ уже закрылъ за собой дверь, когда испу-

ганный Гольбахъ громко воскликнулъ, держа въ рукѣ листъ:

— На Гринвичской станціи тоже оцѣпенѣли!

VI

Обычай дѣлать визиты перваго мая получилъ давно распространеніе во всей Европѣ. Не только правящіе соціалистическіе круги, но оппозиціонная демократія и даже непримиримые тайные роялисты и члены нелегальныхъ противоправительственныхъ лигъ восприняли первомайскій обычай. Аріадна въ этотъ день съ утра принимала визитеровъ и до изнеможенія варила въ электрическомъ кофейникѣ кофе, сама принося, унося и промывая стерилизаторомъ чашки. Какъ извѣстно, декретомъ Прокуратора Республики уже три года какъ воспрещено гражданамъ пользоваться трудомъ наемной прислуги.

Чтобы избѣжать визитеровъ, Софья Ивановна съ полдня отправилась въ городъ, намѣреваясь, между прочимъ, зайти къ баронессѣ Остерроде взять одолженный ей номеръ повареннаго журнала „Автокулинаръ". За время отсутствія Софьи Ивановны, у Аріадны перебывало визитеровъ не мало. Залеталъ предсѣдатель союза кельнеровъ, Herr Шмидтенъ, изящный молодой человѣкъ, разсказавшій о всеобщемъ увлеченіи Европы новымъ шампанскимъ „Универсаль", приготовляемымъ изъ искусственнаго алкоголя и антрацита. Были Herr Брандтъ, простодушный глава рабочаго союза „Мясные Консервы", Herr Кунце, чиновникъ комисса-

ріата воздушныхъ дорогъ, знакомый Бениты; было еще много другихъ: докторъ Штейнъ вообще пользовался симпатіей и демократическихъ круговъ и правительственныхъ сферъ, какъ лидеръ партіи праваго соціалистическаго центра въ Рейхстагѣ. И кругъ знакомствъ его былъ довольно разнообразенъ.

Отъ баронессы Софья Ивановна вернулась въ сопровожденіи Штральгаузена. Въ это время Herr Кунце, пересидѣвшій другихъ визитеровъ, мучилъ Аріадну своими разсужденіями о современномъ искусствѣ и подробно передавалъ содержаніе серьезныхъ драматическихъ пьесъ, которыя видѣлъ въ послѣднее время.

— Ну, и что же?—равнодушно смотрѣла Аріадна на пестрый галстухъ Кунце. — Кончается все хорошо?

— Если бы, хорошо, Gnädige! Но въ томъ-то и дѣло: содержаніе великолѣпно, а финалъ глупъ. Стоило тратить деньги на одну женщину, чтобы жениться потомъ на другой? Рецензентъ „Arbeiter Tageblatt“ правъ, что такія пьесы деморализующе дѣйствуютъ на хозяйственныя способности зрителя... Конечно, пьеса, если и привлекательна, то только трюками. Удивляюсь, напримѣръ, какъ этотъ Альбертъ, возлюбленный Минны, бросаясь съ потолка зрительнаго зала на сцену, не разбивается! А въ циркѣ бываете?

— Нѣтъ... Нѣсколько лѣтъ, кажется, не была...

— Очень жаль! „Circus Maximus“ сейчасъ великолѣпенъ. Возьмите хотя бы осла Джимми, который рѣшаетъ задачи на составленіе уравненій съ

двумя неизвѣстными! А докторъ Крагенъ? Политическій эксцентрикъ, какъ его называютъ?.. Удивителенъ! Кто угодно изъ публики даетъ тему — и онъ, представьте, сразу произноситъ блестящую парламентскую рѣчь. Съ цифрами, съ аргументами, съ историческими справками. И для какой угодно партіи. Кстати, можетъ быть, соберемся сегодня вмѣстѣ? Жалѣть не будете, Gnädige!

— Нѣтъ, благодарю... Какъ-то нѣтъ настроенія...

— А въ „Рабочій Дворецъ“? Сегодня—пантомима „Романъ въ фаланстерѣ“... Погодите, что еще даютъ? Я помню репертуаръ: Въ Opernhaus'ѣ „Капиталистъ-скиталецъ“... Въ опереттѣ Тиргартена „Превращеніе элементовъ“. Въ опереттѣ Куно „Машина Мюнхгаузена“. Въ драматическомъ въ Шарлоттенбургѣ, кажется, мелодрама „Дитя металлиста“... Въ фоно-кино-Паласѣ—„Загадочный девятиугольникъ...“ Въ фоно-кино-Казино...

— Здравствуйте, докторъ,—обрадованно произнесла Аріадна, прервавъ вдохновенныя перечисленія молодого человѣка.—Мама, была у баронессы?

— Да. Мы вмѣстѣ оттуда. Взяла журналъ...

Не добившись согласія, Herr Кунце грустно откланялся. Софья Ивановна отправилась на кухню. И Аріадна осталась въ гостиной съ докторомъ.

— Вы простите, что я противъ правила, — печальнымъ, несвойственнымъ для него, тономъ проговорилъ Штральгаузенъ.—Теперь пять минутъ четвертаго, а, вѣдь, въ три всѣ визиты безъ приглашенія кончаются... Но я бы хотѣлъ, Frau Аріадна,

сегодняшній вечеръ обязательно провести у васъ. Мнѣ, въ общемъ, очень нехорошо...

Онъ былъ неузнаваемъ. Гдѣ обычная самоувѣренность? Снисходительность? Покровительственное отношеніе къ собесѣднику?

— Ну, конечно!—дружески произнесла Аріадна.—Вы, вѣдь, знаете, какое удовольствіе доставляютъ ваши бесѣды... А что съ вами? Непріятность какая-нибудь?

То, что всегда такъ не нравилось въ немъ,— сейчасъ какъ будто исчезло. И ей представилось: если бы онъ былъ всегда такимъ... Простымъ.. Геніальный умъ при отсутствіи рисовки, при искренности, при интересной внѣшности...

— Непріятность?—поднялъ онъ на нее грустные глаза.—Я самъ не знаю... Да, конечно, непріятность. Даже больше: горе. Нѣтъ, нѣтъ!—вскочилъ вдругъ онъ, страдальчески улыбаясь.—Счастье! Я пойду дальше! Я сдѣлаю больше! Но только...

Онъ сѣлъ. Сидѣлъ долго молча, опустивъ голову, не двигаясь. Затѣмъ посмотрѣлъ на нее... Совсѣмъ не тѣмъ взглядомъ, который ей всегда бывалъ такъ непріятенъ. Въ этомъ взглядѣ сейчасъ—какъ будто надежда на что-то, тоска въ то же время...

— Вы понимаете, Frau Аріадна,—заговорилъ онъ, наконецъ,—несмотря на то, что меня всюду такъ цѣнятъ, оказываютъ знаки вниманія, уваженія... Мнѣ некому даже открыться. Некому разсказать о томъ внутреннемъ, что происходитъ въ отвѣтственныя минуты. У меня нѣтъ друга! А когда голова кружится... Когда вдругъ или блескъ...

Или неудача... Вродѣ смерти... Провалъ на всю жизнь... Когда... Напримѣръ...

— Докторъ... Что съ вами?

— Нѣтъ, нѣтъ. Сейчасъ пройдетъ. Нѣтъ, нѣтъ.

Онъ закрылъ глаза, виновато улыбаясь и мягко проводя ладонью по виску, точно успокаивая его. Что случилось? Аріадна никогда не питала къ Штральгаузену большого расположенія. Но сейчасъ онъ былъ такъ несчастенъ... Такъ подавленъ... Горемъ? А, можетъ быть, радостью? Дѣйствительно, вѣдь, онъ одинокъ... Замкнутъ... Она объ этомъ раньше не думала...

— Вы не хотите? — спросилъ вдругъ онъ тихо, съ искривленнымъ лицомъ, которое сдѣлалось такимъ дѣтскимъ, безпомощнымъ. — Вы откажетесь? Нѣтъ?

— Въ чемъ дѣло? Докторъ...

Аріаднѣ стало страшно.

— Вы разсмѣетесь? Вотъ, если я скажу: будьте другомъ. Моимъ... Навсегда...

— Мы, вѣдь, и такъ, докторъ...

— Нѣтъ, нѣтъ. Совсѣмъ. Чтобы бѣжать. Бросить все. Я прокляну это... Лабораторію. Славу. Не надо ничего... Не нужно больше. Матерія... Энергія... Ужасныя волны... Пусть будутъ прокляты! Душа есть, Аріадна, есть!.. Вотъ, у васъ—у васъ... Я ее вижу... Большая. Неизвѣстная. И у себя... нашелъ. У себя! Сегодня... Весь міръ беретъ у меня волны... Матерію. А кому — она? Хотите, Аріадна? Возьмете?

— Докторъ...

— Не полюбите? Нѣтъ? И не смѣйте! Я не-

искрененъ. Да! Не все говорю! Да, да! Скрываю. Честолюбіе... Тщеславіе... Прогнилъ въ нихъ... Насквозь. И души, можетъ быть, нѣтъ. Ну, отлично! Ясно. Прощайте!

— Докторъ... — протянула руку Аріадна, — вы хорошій, славный... Когда вы успокоитесь, тогда...

— Не полюбите?

— Докторъ... Не надо этого...

— Не надо?.. Да, да... Да, пора. Вѣдь, теперь четверть... Извините — задержалъ. Прощайте, Frau Штейнъ!.. Очень радъ былъ... До свиданья!..

Наступалъ вечеръ. Сгущались сумерки. Аріадна сидѣла въ мягкомъ креслѣ у окна, при свѣтѣ электрическаго городского солнца дочитывала недавно вышедшую въ свѣтъ книгу Штральгаузена. Уже около мѣсяца, какъ онъ поднесъ ей этотъ экземпляръ, снабдивъ его длиннымъ витіеватымъ автографомъ. Но до сегодняшняго дня она успѣла прочитать только предисловіе президента Академіи наукъ, введеніе самого автора и нѣсколько первыхъ главъ. Называлась книга: „Колебанія отъ нуля до безконечности" и, судя по первымъ главамъ, была какъ будто сухой, спеціальной. Но со второй части начинались любопытныя мысли. Въ главѣ „новые виды энергіи" Штральгаузенъ развивалъ предположенія о томъ, что человѣческій организмъ въ скрытомъ видѣ воспринимаетъ всѣ колебанія эфира въ обѣ стороны отъ свѣтового спектра. Если сотни билліоновъ колебаній нами ощущаются, то почему не ощущаются десятки билліоновъ? Бил-

ліоны? Милліоны? Осязаніе, быть можетъ, и есть то ощущеніе, которое соотвѣтствуетъ одной изъ группъ этихъ волнъ? Внутренчіе органы тѣла, быть можетъ, тоже специфически реагируютъ на эти низшія эфирныя волны, точно такъ же, какъ глазъ реагируетъ на свѣтовую группу лучей? А если такъ, то нельзя развѣ предположить, что и всѣ наши аффекты, и всѣ настроенія, и ощущенія здоровья и ощущенія слабости—результатъ воздѣйствія невидимыхъ физическихъ раздражителей? Этихъ неизвѣстныхъ лучей ниже свѣтовыхъ и выше свѣтовыхъ—до безконечности.

Аппаратъ, надъ созданіемъ котораго, судя по заявленію въ книгѣ, работаетъ теперь авторъ, долженъ дать возможность получить всѣ эти колебанія въ постепенной градаціи. Нѣтъ сомнѣнія, утверждаетъ Штральгаузенъ, что послѣ опытовъ съ воздѣйствіемъ подобнаго аппарата на живые организмы, можно будетъ добиться грандіозныхъ открытій. Опредѣлить, какія колебанія приводятъ мертвую клѣтку къ жизни, какія вызываютъ стремленіе къ питанію, къ размноженію. И, быть можетъ, будетъ найдена та группа, подобно колебаніямъ свѣта, которая производитъ иннервацію, возбуждаетъ нервную ткань, разрушаетъ ее, даетъ въ концѣ концовъ то, что мы называемъ мыслью?..

— Аппаратомъ вызывать мысль!..—задумалась Аріадна, опустивъ книгу на колѣни. — Аппаратомъ оживлять мертвую клѣтку... Возбуждать и разрушать нервную ткань... Какъ смѣшно было читать это хотя бы десять лѣтъ назадъ, до открытія Штральгаузеномъ искусственнаго уничтоженія мате-

ріи! А между тѣмъ... Странно, что могло его сегодня такъ взволновать? Она, конечно, давно замѣчала... Старалась дѣлать видъ, что не видитъ...

— Прости, дорогая, что опоздалъ, но это проклятое оффиціальное положеніе...

Аріадна обернулась. Голосъ Отто! Развѣ пришелъ?

— Отто!..

Въ отвѣтъ ничего. Аріадна съ тревогой встала, прошла въ переднюю, заглянула въ кабинетъ, въ спальню.

— Мама, ты слышала?

Она стояла возлѣ кухни, дверь которой выходила въ конецъ передней. У электрической плиты что-то мѣсила и лѣпила Софья Ивановна.

— Что, Адикъ?

Софья Ивановна низко нагнулась, съ интересомъ разглядывая тѣсто.

— Ты слышала голосъ мужа?

— Да. Онъ въ гостиной?

— Нѣтъ его! А что ты слышала?

— Не разобрала. Какъ будто извинялся, что поздно... А что?

— Ничего... А гдѣ твой аппаратъ?

— Владиміра' Ивановича? Тутъ... На полкѣ... Въ чемъ дѣло? Развѣ Оттомаръ не вернулся?

— Нѣтъ...

Софья Ивановна удивленно посмотрѣла на дочь, повернулась, усиленно стала искать что-то на столѣ.

— Не понимаю, въ такомъ случаѣ, Адикъ. Вотъ, можетъ быть, у окна... Пролеталъ? Въ окно крикнулъ?..

— Ты думаешь? Можетъ быть...

Успокоенная Аріадна вернулась въ гостиную. Сумерки кончились, но она не зажигала пока электричества. Въ открытое окно, выходившее на улицу, видны сосѣднія площадки и крыши домовъ, высится вдали обвитый электрическими лампочками куполъ Рабочаго Дворца, горятъ вертящимися фонтанами фейерверка верхушки бывшихъ фабричныхъ трубъ. И наверху воздухъ—въ безшумной огненной бурѣ. Распадаются блѣдныя луны, падаютъ разноцвѣтныя звѣзды, взадъ и впередъ мчатся молніи, ударяя среди визга и хохота въ аппараты, украшенные свѣтовыми гирляндами.

Шумъ и говоръ повсюду — въ небѣ, на улицахъ, на крышахъ съ площадками. И среди хаоса электричества и гула человѣческихъ жизней—сверху и снизу неотвязная музыка, скачущій мотивъ моднаго танца „dog-love".

— Ну, иди ко мнѣ... — произнесъ сзади Аріадны обиженный голосъ баронессы Остерроде. — Я прощаю...

— Сознаешь, что глупо?—разсмѣялся Штейнъ. — Ну, то-то же!..

Аріадна обернулась. Со страхомъ оглядывала пустую комнату.

— Если ты будешь такъ со мной разговаривать, я опять замолчу!—снова послышалось громко рядомъ. — Сядь сюда... Поцѣлуй руку!

— Только руку?

— Пока. Значитъ, домой не заѣзжалъ?

— Нѣтъ.

— А къ Frau Гомперцъ?

— Тоже.

— Клянешься?

— Какая смѣшная! Конечно, клянусь.

— Въ такомъ случаѣ, можешь сюда... И сюда. Погоди, какой нетерп...

. Слова оборвались. Въ гостиной, разрѣзанной на яркія части ближайшимъ солнцемъ, трепещутъ въ прорывахъ огни фейерверка. Тѣнь какого-то аппарата прочертила на полу черный уголъ, исчезла. Наверху звуки „dog-love“ смѣнились веселымъ маршемъ.

— Мама!

Аріадна выбѣжала, столкнулась въ передней съ Софьей Ивановной. Вслѣдъ за матерью она подошла къ двери гостиной, остановилась, смотрѣла внутрь освѣтившейся комнаты, слѣдила за тѣмъ, какъ Софья Ивановна внимательно осматривала стѣны.

— Оставь, Отто... Довольно!..

— Еще... Любимая... Родная...

— Ты съ ума сошелъ!.. Мы сейчасъ будемъ ужинать...

— Не хочу... Не хочу... Не хочу...

Софья Ивановна быстро повернулась къ столу. Приложила ухо. Подняла круглую зеленую пластинку съ неглубокимъ выпуклымъ дномъ.

— Нашла!

Она съ суровымъ лицомъ подошла къ дочери, вырвала пальцами тонкую мембрану, смяла въ комокъ, брезгливо бросила на полъ.

— Проклятыя изобрѣтенія!..

А Аріадна стояла въ дверяхъ—застывшая.

— Это онъ! — не отрывала она взгляда отъ страшнаго комочка на полу. — Это онъ... Ужасъ... Ужасъ...

— Кто онъ? Скажи?..

— Штральгаузенъ!

Аріадна опустила голову на плечо матери. Долго вздрагивала. Съ тѣхъ поръ какъ уѣхалъ Владиміръ, она плакала въ первый разъ.

VII

На слѣдующій день Аріадна съ матерью переѣхала на Engelsstrasse въ огромный новый городской домъ, гдѣ сдавались по дешевой цѣнѣ отдѣльныя меблированныя комнаты.

Послѣ смерти мужа Софья Ивановна получала, ежемѣсячную пенсію, на которую, хотя и скромно можно было жить вдвоемъ. Кромѣ того, покойный Гансъ Мюллеръ завѣшалъ женѣ свой небольшой пятиэтажный желѣзо-бетонный домъ съ садомъ на одной изъ окраинныхъ улицъ Дрездена...

Онѣ обѣ твердо рѣшили переѣхать послѣ ликвидаціи имущества въ Петербургъ. Уже ни что больше не связывало съ жизнью въ Берлинѣ. И Корельскому, принявшему въ судьбѣ Софьи Ивановны и Аріадны искреннее теплое участіе, не пришлось долго ихъ уговаривать.

Вообще Корельскій теперь былъ неразлученъ съ ними. Помогъ переѣхать, устроиться, бралъ на себя всѣ непріятныя хлопоты, организовалъ дѣло спѣшной продажи дома, а по вечерамъ ежедневно проводилъ время съ дамами, приходя къ нимъ, или приглашая куда-нибудь въ загородные сады.

— Числа девятаго или десятаго можете переѣзжать въ Петербургъ,—заявилъ онъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней.—Только что вернулся изъ Дрездена, наладилъ все. На восьмое число условился съ покупателями, что вы, Софья Ивановна, лично пріѣдете.

— Восьмого? Отлично. А какъ идутъ поѣзда?

— Къ чему поѣзда! Мы полетимъ, Софья Ивановна. Это быстрѣе и проще.

— Ну, нѣтъ. Я поѣду. Вѣдь, до Дрездена верстъ триста летѣть, не меньше. И потомъ дорого стоитъ. Мы не пролетаріи, миленькій!

— Мы съ мамой вамъ такъ благодарны за все, Глѣбъ Николаевичъ... —добавила Аріадна, видя, что Софья Николаевна, не поблагодаривъ, сразу перешла къ дѣлу.

— Благодарны?.. — удивленно посмотрѣла на Аріадну старушка. — А какъ же иначе? Ахъ, да. Вы, профессоръ, не обижайтесь, дорогой, что я иногда такъ... Безъ формальностей. Вѣдь, вы теперь у насъ совсѣмъ свой!

— Конечно...

Корельскій улыбнулся, взялъ руку Софьи Ивановны, поцѣловалъ.

— Хорошій вы!

Аріадна тоже стала привыкать къ Глѣбу Николаевичу. Будучи сама скрытной и замкнутой, она тѣмъ не менѣе цѣнила въ людяхъ простоту и искренность. А Корельскій именно казался такимъ.

— Кстати... Въ Петербургѣ мой другъ, приватъ - доцентъ Пальминъ, уже подыскиваетъ вамъ комнату, — вспомнилъ Корельскій. — Я говорилъ

утромъ по телефону. Къ сожалѣнію только, теперь тамъ нелегко найти помѣщеніе.

— А что?

— Сейчасъ пересмотръ конституціи... Съѣхалось много народа. Ораторы, лидеры, представители... Банкеты вездѣ, засѣданія.

— Нечего людямъ дѣлать! А въ какой части ищетъ? Только не на Васильевскомъ, голубчикъ. Не люблю я Васильевскій: скучный, однообразный.

— Ну, это, можетъ быть, было когда-то,—разсмѣялся Корельскій. — Теперь вы Васильевскаго Острова не узнаете. Такіе небоскребы! А гдѣ хотите? Въ старой центральной части, конечно, нечего думать. Тамъ никто и не живетъ: все—учрежденія, конторы, канцеляріи. Если угодно, попрошу взять въ Лѣсномъ, или на Лахтѣ. Въ Бѣлой части тоже недурно.

— Въ какой Бѣлой?

— Очень хорошее мѣсто. Развѣ не встрѣчали въ газетѣ? Новый центръ, прекрасныя улицы... Между прежней Новой Деревней и Озерками.

— Новой Деревней? Ахъ, да. Вспоминаю, читала. Да, да, не узнать мнѣ, дѣйствительно, Петербурга!—вздохнула старушка. — Вѣдь Гостинный-то дворъ въ наше время какой былъ? Всего въ два этажа. А теперь, шутка ли сказать, — двѣнадцать!

На слѣдующій день Корельскій зашелъ за Софьей Ивановной, чтобы отправиться вмѣстѣ къ нотаріусу. Аріадна осталась одна, сѣла у окна, стала вышивать на платкѣ мѣтку.

... Какъ это все неожиданно! Налетѣло, разрушило... Освободило. Почему сама раньше не

сдѣлала? Вѣдь, было такъ ясно и безъ того... Чужіе, совсѣмъ чужіе! Слава Богу, онъ велъ себя благородно. Безъ сценъ, безъ оправданія... Когда прощался, на глазахъ были слезы. Очевидно, любилъ. Да она потому и терпѣла. Не все ли равно? Жизни не было... Съ тѣхъ поръ, какъ съ Владиміромъ кончено, — все кончено. Какіе глупые бываютъ концы! Можетъ быть, и она неправа? Вѣдь, онъ могъ и не придавать обиднаго смысла словамъ, съ которыхъ все началось... „Я твоему сознанію вѣрю, а инстинкту не вѣрю. Ты можешь измѣнять..." Это теперь она другая... А тогда? Тогда, дѣйствительно, дразнила... Видѣлась съ Отто... Къ чему?

Аріадна вздохнула, повернулась въ креслѣ, взглянула на столъ.

... Такъ близко, такъ жутко... Всегда рядомъ, будто вмѣстѣ... Если бы только знать навѣрно — такой ли, какъ раньше!.. Должно быть — какъ у всѣхъ: утихло, заглохло... Сдѣлалось просто воспоминаніемъ—ничѣмъ больше... Но почему этотъ, сверкающій?.. Неужели для мамы? Они часто ведутъ бесѣды. Она молчитъ... За все время сказала нѣсколько словъ. А если для этихъ словъ и прислалъ? Чтобы услышать? Почувствовать близость? Нѣтъ, нѣтъ... Не такой... Только забывъ, можетъ возобновить. Все прошло, исчезло. Теперь, навѣрно, другая... Вмѣстѣ. Всегда. Смотритъ ей въ глаза, какъ смотрѣлъ... Улыбается... Два года смерти изъ за него. Впереди — то же самое... А онъ упрекалъ: „Говоришь, что навсегда, вѣчно. У тебя вѣчности надолго не хватитъ..."

Аріадна подошла къ столу, сѣла, придвинула аппаратъ.

— Владиміръ!..

Пальцы обѣихъ рукъ обхватили металлъ, голова опустилась. Взглядъ застылъ среди блестящихъ колецъ. Искаженное чужое лицо смотрѣло оттуда.

... Холодный... Безжизненный... Кончено. Кончено. А раньше, когда-то!.. Все для нея. Улыбка... Взглядъ... Каждое слово. Въ послѣдній разъ, передъ ссорой... помнитъ: въ Швейцаріи. Было холодно. Между двухъ озеръ, среди зелени, проск[illegible]ъ Интерлакенъ. По дорогѣ на Эйгеръ ползъ игрушечный поѣздъ... Вблизи вершины Юнгфрау, надъ ледникомъ, въ который смотрятъ изъ каменной глыбы окна станціи „Eismeer" — предложилъ: хочешь на небо? Вверхъ, вверхъ, вверхъ—безъ конца—пока работаетъ винтъ! Тамъ, вмѣстѣ, смерть... Вдвоемъ... Выше всѣхъ. Все равно—ты разлюбишь. Все равно—счастье кончится...

Надъ Юнгфрау стоялъ аппаратъ... Они рядомъ. Молчали. Ледяною тропою уходили вершины, одна за другой, въ обѣ стороны съ провалами къ глубокимъ долинамъ. И тихо, тихо, безъ конца: твой, твой, твой... Мой? Теперь? Прежній? Владиміръ!..

Въ рукахъ прозвучалъ нѣжный органъ.

— Я слушаю. Глѣбъ, ты?

Аріадна вскочила. Въ лицѣ—хлеснувшая кровь. Тяжело дыша, поднявшись на цыпочки, застыла. Пряча за спиною руки, стала тихо, крадучись, отходить.

— Софья Ивановна?.. Вы у телефона?

— Софьи Ивановны нѣтъ.

— Это вы, Аріадна Сергѣевна? — Голосъ Владиміра затуманился. — Вы вызывали?

— Я? Нѣтъ... Да... Я прибирала столъ. Зацѣпила... Простите.

— Ахъ, вотъ что... Значитъ—какъ же?.. Закрыть? Или...

— Какъ хотите. Закройте...

— Хорошо! До-свиданья.

Телефонъ щелкнулъ. Аріадна подбѣжала къ окну. Закрыла глаза, частымъ дыханіемъ схватилась за воздухъ.

...Зачѣмъ не остановила? Зачѣмъ?

Она стояла. Долго. Безъ движенія. Затѣмъ быстро повернулась, подошла къ телефону, нажала рычагъ.

— Софья Ивановна?

— Нѣтъ, я.

— Аріадна... Сергѣевна?

— Да, я. Я хочу... Поговорить...

— Со мной? Очень радъ.

— Разскажите... Что-нибудь... Вообще...

— О себѣ?

— Нѣтъ... Не о себѣ... Не обо мнѣ. О постороннемъ. О Явѣ... Я буду сидѣть. Вышивать... Хотите?

Въ отвѣтъ—долгая пауза.

Онъ началъ какъ будто съ улыбкой, съ грустной шутливостью:

— Вотъ лежу сейчасъ на травѣ... Подъ большимъ манговымъ деревомъ. Аппаратъ возлѣ меня... Красный муравей пытается взобраться, изслѣдовать...

Скоро вечеръ у насъ. Солнце смотрится въ океанъ. Отъ горизонта, я вижу, ко мнѣ идетъ широкій сверкающій путь. Никогда люди не говорили мнѣ, что я такъ великъ. Что солнце свяжетъ меня съ собою такою царской дорогой...

Океанъ тамъ, внизу. За воздушными корнями манглій, научившихся бороться съ приливами. Я люблю его по утрамъ,—раннимъ утромъ, когда царь явскихъ вулкановъ, великанъ Смеру, играетъ солнечнымъ дискомъ, долго держитъ его за спиною, увѣряя прибрежные острова, что солнце погибло. Въ тихій день, такъ нѣжна голубая вода — океанъ можетъ не доказывать величія серьезностью: ему вѣрятъ безъ этого. Тихо плещетъ волной, точно рябью пруда. Какъ дитя шепчетъ у берега, перебирая песчинки.

Надо мной, подъ вѣтвями манго, вьются чудесныя бабочки. Хотите знать, какъ ихъ звать? Papilio Blumei. Золотисто-зеленыя, съ тонкими крылышками, съ лазурно-голубыми подвѣсками. Мы давно познакомились. Въ прошломъ августѣ, когда я пріѣхалъ, онѣ показали опушку, у которой въ чащѣ деревьевъ снѣжными гроздьями зацвѣли орхидеи. Трудно этимъ деревьямъ жить въ такой тѣснотѣ. И, всетаки, на вѣтвяхъ пріютили чужіе кор-

ни... Согласились отдать послѣднія силы, чтобы цвѣла красота.

Здѣсь друзей у меня много... И такъ покойно душѣ! Каждый день, ровно къ полдню, когда круглый бамбуковый столъ подъ питосфорумомъ заполняется завтракомъ, на звонъ тарелокъ приходитъ изъ парка застѣнчивый Аноа, маленькій буйволъ. Появляется за нимъ со своимъ клыкастымъ мужемъ бабируза...

Мы всѣ завтракаемъ молча. Всѣ уважаемъ мысли другъ друга. Самое главное понимаемъ безъ словъ. О пустякахъ говорить не желаемъ. И когда послѣ этого, черезъ паркъ идемъ на берегъ посмотрѣть, что принесъ на волнахъ океанъ, хитрый Аноа отстаетъ среди зелени. Дѣлаетъ видъ, будто онъ садоводъ...

Вотъ теперь здѣсь, подъ деревомъ, я одинъ. Цѣлый день Аноа не было: очевидно, не въ духѣ. Но наверху, надо мной, на широкихъ листьяхъ другіе друзья: муравьи. Мохнатые, красные. Мои коллеги, ученые, называютъ ихъ oecophylla. Какъ oecophylla называютъ ученыхъ—не знаю. И каждый день вижу ихъ настойчивый трудъ, вижу, какъ изъ манговыхъ листьевъ они лѣпятъ на вѣтвяхъ цѣлый домъ въ видѣ огромнаго шара... Я замѣтилъ: они притягиваютъ листья, какъ акробаты, челюстями поднимая другъ друга. Я узналъ: клей для постройки получаютъ отъ своихъ же личинокъ, щекоча ихъ усами.

Да, какая культура!.. Хоть бы когда-нибудь человѣкъ научился для общественной работы находить цементъ въ самомъ себѣ. Хоть бы челю-

сти его хватали ближняго не для того, чтобы разрушать, а чтобы строить дворцы!..

Иногда, во время блужданій у берега въ своей скромной лодкѣ, вижу сифонофоры... Вы не устали, Аріадна Сергѣевна? Я—о постороннемъ...

— Говорите!

— Можетъ быть, теперь... вы?

— Видите сифонофоры. И что же?

— Вижу часто... На голубой водной поверхности.. Флотилія красноватыхъ стеклянныхъ шаровъ. Каждый шаръ—это парусъ. Его соткали, скроили медузы, плывущія подъ нимъ дружной семьей. И у нихъ тамъ, [illegible]ри, водолазный колоколъ. Аппаратъ для нагнетанія воздуха. Кто изъ насъ можетъ соткать изъ себя парусъ? Безъ станка, безъ орудія, безъ пролетаріата?

Много знаю теперь я того, о чемъ не думалъ раньше. Это у нихъ, у скромныхъ и мудрыхъ, нужно учиться. Аргиронета-паукъ увѣряетъ: для уютныхъ жилищъ можно лѣпить кирпичи изъ своего тѣла и воздуха... Пурпурная улитка показываетъ: смотрите, какъ нужно воздвигать неприступныя крѣпости!.. Электрическій скатъ говоритъ: я презираю ваши электрическія станціи, баттареи, аккумуляторы...

Да, сколько знанья. Сколько умѣнья... Какая культура! Въ нашихъ человѣческихъ бѣдствіяхъ, какъ я вижу, всецѣло виноватъ преступный ужасный питекантропъ. Живя здѣсь, когда-то, на Явѣ, положилъ онъ начало проклятію человѣческой жизни. Это онъ, первый испугался солнца и свѣта. Грозъ и бурь. Воды и воздуха. Онъ бѣжалъ,

чтобы скрыться... Схватился за чужую одежду. За рычагъ, колесо. И никогда намъ уже не защитить себя отъ внѣшняго міра безъ мрачной взаимной вражды. Безъ рабства, безъ противорѣчій, безъ тупика, въ которыхъ рушатся цивилизаціи во всѣ времена, у всѣхъ народовъ... Я каждый день вижу въ кокосовой рощѣ семьи явскихъ летающихъ лягушекъ, добившихся того, что у нихъ выросли, наконецъ, крылья-перепонки... И мнѣ стыдно... Лягушки могутъ, если захотятъ. Мы—не въ силахъ. Безъ постороннихъ предметовъ, аппаратовъ, орудій—ничто. Бездарнѣе лягушки. Ничтожнѣй моллюска...

— Я знаю, вы это говорили въ насмѣшку...— тихо произнесла Аріадна.

— Надъ чѣмъ?

— Надъ просьбой... О постороннемъ... А между тѣмъ...

— Между тѣмъ?

— Это было такъ хорошо... Скажите: почему вашъ голосъ теперь—среди какого-то гула? Я слышу глухіе удары...

— Это приливъ... Океанъ шумитъ.

— Океанъ?

Молчаніе.

— До-свиданья, Владиміръ Ивановичъ.

— Спокойной ночи...

Аппаратъ замеръ.

VIII

Они сидятъ втроемъ, рядомъ, на скамьѣ аэробуса. Софья Ивановна долго упрямилась, прежде чѣмъ согласилась летѣть. Однако, заманчиво: теперь только девять часовъ, а къ сумеркамъ можно вернуться, окончивъ все дѣло.

Аэробусъ длинный, громоздкій. Мѣстъ 120, по шесть человѣкъ въ отдѣленіи. Обыкновенно по буднимъ днямъ, какъ говорятъ, свободно. Но сегодня публики масса. Многіе стоятъ посрединѣ, въ проходѣ, хватаясь за ремни во время качки на воздушныхъ ухабахъ. Кто-то бранится...

— Миттенвальде!—кричитъ кондукторъ.—Господинъ, уберите свертокъ, нельзя пройти! Кто въ Миттенвальде? Прошу на заднюю площадку, въ мегапарашютъ!

Противъ Софьи Ивановны на скамьѣ двѣ толстыя нѣмки. Судя по яркимъ шелковымъ платьямъ, жены рабочихъ. Рядомъ съ ними—мрачный господинъ, углубленный въ газету.

— Берта, можетъ быть, въ Миттенвальде?

— Ты думаешь? Нѣтъ, лучше до слѣдующей. Безопаснѣе... Вилли!

— Ну?

Мрачный господинъ, скрипя воротникомъ, медленно поворачиваетъ шею.

— Вилли. Гдѣ слѣземъ?

— Гдѣ хотите. Мнѣ все равно. Глупости!

Аэробусъ гудитъ. Остановка. Пассажиры на Миттенвальде проходятъ на корму аэробуса, отдѣленную отъ главнаго корпуса желѣзной рѣшеткой,

начинаютъ медленно вмѣстѣ съ площадкой проваливаться внизъ.

Въ пять минутъ мегапарашютъ успѣваетъ спуститься, вернуться назадъ съ новыми путниками. Кондукторъ смыкаетъ площадку, щелкаетъ затворомъ.

— Готово!

— Вы на прогулку, навѣрно? — не удерживается Софья Ивановна, чтобы не заговорить съ сосѣдками.—Погода хорошая, пріятно на воздухѣ.

Ей не только интересно, однако. Хочется забыть о высотѣ, не думать о томъ, что до земли, по крайней мѣрѣ, полъ-километра. И, къ удивленію, вмѣсто вѣжливаго обычнаго отвѣта, презрительный возгласъ той, которая ближе:

— Хороша прогулка, къ дьяволу. Бѣжимъ изъ Берлина, вотъ что!

— Берта!

Мрачный господинъ укоризненно смотритъ. Бросаетъ косой взглядъ на Аріадну, обращается къ Софьѣ Ивановнѣ.

— Ничего не могу съ ними подѣлать, мадамъ, —какъ бы извиняясь, говоритъ онъ, съ негодованіемъ кивая на спутницъ. — Прочли въ газетахъ о какомъ-то идіотскомъ радіо и увѣряютъ, что сегодня въ Берлинѣ будетъ свѣтопреставленіе.

— Въ какихъ газетахъ?

Софья Ивановна вопросительно смотритъ на Аріадну, на Корельскаго. Корельскій удивленно пожимаетъ плечами. Аріадна вспоминаетъ, разсказываетъ матери о недавней радіо-телефонограммѣ съ Монблана.

— Интересно!... Кто же это могъ сдѣлать Адикъ?

— Вы не думайте, мадамъ, что только онѣ такъ...— снова иронически говоритъ пассажиръ, стараясь показать свою интеллигентность. — Потому такъ много народу и ѣдетъ сегодня, что среди населенія ходятъ эти глупые слухи. Вчера работницы у насъ увѣряли, будто сегодня надъ Берлиномъ появится призракъ послѣдняго Кайзера и разрушитъ Рабочій Дворецъ. Одна женщина говорила тоже—что нужно 8-го числа ожидать грозы: пойдетъ градъ, который разобьетъ всѣ дома, всѣ заводы и фабрики. Вы сами знаете, мадамъ, какая теперь публика! Невѣжество, темнота: каждый читаетъ газеты, ну, конечно, и сбивается съ толка.

Обѣ спутницы пассажира презрительно молчатъ, поджавъ губы. Передъ остановкой Люббенъ онѣ торопливо вскакиваютъ, снимаютъ съ металлической сѣтки саквояжи съ провизіей и, не прощаясь, исчезаютъ въ проходѣ. А рабочій, снисходительно качаетъ имъ вслѣдъ головой, встаетъ, галантно приподнимаетъ шляпу:

— Adieu!

И, какъ будто, случайно задерживается взглядомъ на Аріаднѣ.

Домъ былъ проданъ. Софья Ивановна получила чекъ на 200 тысячъ гроссъ-марокъ на Дрезденскій національный банкъ, хотѣла немедленно получить по этому чеку и къ тремъ часамъ къ обѣду вернуться въ Берлинъ...

Но было уже четверть двѣнадцатаго. А всѣ учрежденія въ республикѣ, не исключая и банковъ, работали только съ восьми до десяти и съ трехъ до пяти. Волей-неволей пришлось ждать трехъ часовъ. Аріадна предложила пойти въ Цвингеръ, осмотрѣть галлерею. Но Софья Ивановна воспротивилась. Ей вообще былъ непріятенъ по воспоминаніямъ Дрезденъ, а Цвингеръ въ особенности. Никто теперь не зналъ, никому никогда, даже дочери, она не разсказывала этого. Но Гансъ, съ которымъ она прожила мирно и дружно двад цать шесть лѣтъ, однажды во время ихъ лѣтняго пребыванія въ Дрезденѣ преступно увлекся какой-то учительницей. Чтобы никто изъ мѣстныхъ граждан не сплетничалъ, онъ назначалъ свиданія въ Цвингерѣ, въ той самой угловой маленькой комнатѣ, гдѣ помѣщалась Сикстинская Мадонна, и куда усталые туристы-демократы и соціалисты обыкновенно не доходили. Такъ бы и не раскрылась эта ужасная исторія, если бы не сестра Софьи Ивановны — Елена, нынѣ покойная, которая внезапно пріѣхала въ гости и черезъ часъ по пріѣздѣ, умывшись и переодѣвшись, отправилась въ Цвингеръ.

— Ну, если не хотите, покатаемся до обѣда по Эльбѣ,—предложилъ Корельскій.—Вы согласны, Аріадна Сергѣевна?

Прогулка въ Саксонскую Швейцарію заняла часа полтора. Небольшая быстроходная лодка, снабженная гидролизаторомъ, производившимъ передвиженіе путемъ разложенія воды на водородъ и кислородъ, — мчала ихъ, поднимая сзади бурля-

щую пѣну. Промелькнула нѣжно-зеленая луговая часть Эльбы. Поднялись оголенныя скалы, подобныя башнямъ, осколкамъ безчисленныхъ береговыхъ крѣпостей. Показался справа, высоко на горѣ, старый замокъ Кенигштейнъ...

— Не люблю я Саксоніи,—говорила за обѣдомъ на терассѣ фешенебельнаго ресторана „Zum goldenen Proletär" Софья Ивановна.—И народъ непривѣтливый, и женщины какія-то неискреннія... Аріадна, ты что на второе?

— Я? Консервы бизона...

— А на сладкое?

— Радіоторгъ...

Къ половинѣ третьяго кончили. По случаю продажи дома Софья Ивановна разошлась—заказала шампанское „Универсаль". Корельскій, со своей стороны, предложилъ къ кофе ликеръ. И всѣ втроемъ, стали говорить о томъ, какъ устроится жизнь въ Петербургѣ. Аріадна повеселѣла, нѣсколько разъ вступала въ пикировку съ Корельскимъ по вопросу о женскомъ трудѣ, объявила о твердомъ желаніи своемъ по пріѣздѣ въ Петербургъ искать службу...

— Гибель Берлина! Небывалая катастрофа въ Берлинѣ! Телефонъ! Телеграфъ! Радіо!

Газетчикъ-мальчишка заметался по терассѣ, бросаясь отъ столика къ столику, потрясая листами. Гулъ испуганныхъ голосовъ отвѣтилъ выкрикамъ. Застучали о бетонъ стулья, загремѣли вилки, ножи, вокругъ мальчишки—толпа, внутри—летящіе вверхъ клочья бумаги.

— Не всѣ! Не всѣ! Не могу такъ!

Корельскій вырвалъ изъ рукъ растерявшагося газетчика листъ. Софья Ивановна дрожала. Аріадна встала, съ удивленіемъ смотрѣла... Напрягая голосъ, чтобы преодолѣть шумъ, Корельскій читалъ дамамъ, нервно раздѣляя слова:

БЕРЛИНЪ ОЦѢПЕНѢЛЪ!

СТРАШНОЕ ПРОИСШЕСТВІЕ!

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Экстренное приложеніе къ „Dresdener Sozialistischer Beobachter".

„Потсдамское радіо срочно сообщаетъ намъ о потрясающемъ несчастьѣ, постигшемъ сегодня столицу Республики. Аппараты, вылетѣвшіе изъ Потсдама въ Берлинъ послѣ 12 часовъ дня, застали въ столицѣ зрѣлище невиданное когда-либо въ исторіи человѣчества. Все шестимилліонное населеніе города, не исключая представителей власти, членовъ Рабочаго Государственнаго Совѣта, депутатовъ Рейхстага и даже самого Прокуратора Республики—впало въ состояніе глубокаго столбняка. Никакими мѣрами привести въ чувство хотя бы кого-либо изъ берлинцевъ не удалось. Прокураторъ найденъ въ остолбенѣломъ положеніи въ креслѣ за своимъ письменнымъ столомъ съ широко раскрытыми немигающими глазами и съ удивленнымъ выраженіемъ лица. Сидѣвшій за столомъ напротивъ комиссаръ народнаго здравоохраненія окаменѣлъ, держа въ рукѣ докладъ о принудительномъ леченіи неврастеніи у лицъ свободныхъ про-

фессій. Въ залѣ засѣданій Рейхстага—мертвая тишина, несмотря на присутствіе 428 депутатовъ и президіума въ полномъ составѣ. Говорившій съ ораторской трибуны членъ партіи „Panem et circenses“—докторъ Гейвце найденъ лежавшимъ передъ трибуной на столѣ среди онѣмѣвшихъ стенографистокъ. Въ городѣ начались пожары. На улицахъ—публика безъ движенія. Много катастрофъ. Городскія предпріятія не работаютъ. Вылетѣвшая изъ Потсдама правительственная комиссія установила, что оцѣпененіе охватило не только Берлинъ и Шарлоттенбургъ, но и близъ лежащія мѣста: Герцфельде, Кепеникъ, Тельтовъ. Въ Миттенвальде юго-восточная часть городка осталась нетронутой, сѣверо-западная подверглась участи Берлина. Высланными изъ Потсдама воинскими частями приняты мѣры къ охранѣ города и прекращенію пожаровъ...“

IX

Съ большимъ трудомъ Корельскому удалось достать въ Дрезденѣ наемный аэро. Почти всѣ улетѣли къ Берлину съ пассажирами, падкими до всякаго рода происшествій и зрѣлищъ. Растерявшаяся Софья Ивановна сначала предложила остаться, переночевать, подождать, пока событія выяснятся. Но Корельскій вполнѣ благоразумно рекомендовалъ не брать сейчасъ изъ банка денегъ и немедленно возвращаться домой на случай пожаровъ и грабежей. Кромѣ того, ему самому нужно обязательно въ Берлинъ, гдѣ онъ оставилъ въ номерѣ гостиницы важныя дѣловыя бумаги.

Уже издали—на горизонтѣ будто черная туча.

Гигантской стаей застилаютъ небо десятки тысячъ аппаратовъ, кружатся, подобно воронамъ, надъ безмолвнымъ городомъ, облетаютъ окраины, стараются снизиться, быстро вздымаются кверху. На вершинѣ купола Рабочаго Дворца, на площадкѣ, гдѣ для Прокуратора Республики установленъ мощный звуковой прожекторъ, потсдамскій комиссаръ, временно принявшій на себя власть, отдаетъ распоряженія, слышныя далеко вокругъ:

— Всѣмъ аппаратамъ отойти къ Лихтенбургу! Разрѣшенія для влета на трубѣ № 8! Спускъ въ городъ по очереди!

— Алло! Дорогу!

— Осадите!

— Именемъ Республики!

Крича въ рупоры, угрожая примѣненіемъ газовъ, колонна потсдамскихъ воздушныхъ милиціонеровъ напираетъ на аппараты, оттѣсняетъ къ востоку. Постепенно туча перемѣщается къ окраинѣ. Надъ центромъ города остается высоко вверху величественный бронированный крейсеръ; нѣсколько развѣдочныхъ аппаратовъ вьются вокругъ, поблескивая стеклянными крыльями въ лучахъ заходящаго солнца.

На площадкѣ бывшей фабричной трубы Лихтенбурга Софья Ивановна, Аріадна и Корельскій показываютъ свои документы. Послѣ долгихъ разспросовъ дежурный офицеръ пишетъ бумагу, прикрѣпляетъ къ аппарату зеленый флагъ.

— При спускѣ пропускъ предъявить ближайшему патрулю. Флагъ передать комиссару части. Слѣдующій!

Гуськомъ, одинъ за другимъ, плывутъ къ центру аппараты съ зелеными флагами, расходятся въ стороны, осторожно снижаются. У Karlstrasse, на углу Arbeitallee, къ аэроплану подходитъ начальникъ патруля, прочитываетъ разрѣшеніе, отрываетъ талонъ.

— На квартиру съ вами пойдетъ милиціонеръ... Herr Мюнстеръ, примите!...

До Bebelstrasse—недалеко. Осторожно ступая, боясь произнести слово, Софья Ивановна идетъ посреди между Аріадной и Корельскимъ, со страхомъ озирается по сторонамъ.

На троттуарѣ, близко другъ къ другу, иногда цѣлыми грудами, лежатъ неподвижные оцѣпенѣвшіе прохожіе. Широко раскрывъ глаза, смотритъ въ небо господинъ въ котелкѣ, держа въ одной рукѣ трость, въ другой букетъ живыхъ цвѣтовъ. Возлѣ лежащей недалеко дамы уперся ногами въ асфальтъ окаменѣлый бульдогъ въ намордникѣ, съ цѣпочкой, идущей отъ шеи къ блѣдной рукѣ. Кое-гдѣ, прислонившись къ стѣнѣ, стоятъ, схватившись за выступъ, одинокія фигуры съ застывшимъ на лицѣ изумленіемъ. Витрины во многихъ мѣстахъ выбиты, торчатъ изъ стеклянныхъ дыръ ноги; въ угловомъ магазинѣ, въ дверяхъ, раскрывъ объятья и прильнувъ къ стеклу расплющеннымъ носомъ, стоитъ приказчикъ, улыбаясь безсмысленной неизмѣнной улыбкой. И среди улицы время отъ времени — сѣрая куча аэропланныхъ облом-

ковъ, разбитые автопланы, изуродованныя тѣла, пятна крови на камнѣ.

Между крышами, за угломъ, застряла уродливая масса радіоцеппелина, съ исковерканнымъ остовомъ, съ разбитой каютой. На перекресткѣ, среди площади, два столкнувшіеся на стрѣлкѣ вагона трамвая врылись—одинъ въ бокъ другого. За каждымъ изъ нихъ—безконечный поѣздъ съ безмолвными пассажирами. А на газонѣ, за тонкой рѣшеткой, наскочивъ на памятникъ Лассаля, лежитъ на боку автомобиль; шофферъ, выпавъ на клумбу, прильнулъ къ цвѣтамъ.

Иногда, вдругъ, пугая отчетливостью, одиноко зазвонятъ на ближайшей колоннѣ городскіе часы. Гдѣ-то, въ одномъ изъ огромныхъ домовъ, въ квартирѣ съ открытыми на улицу окнами, механическое піанино съ заводомъ на 24 часа играетъ старинный вальсъ изъ „Фауста“. Зловѣщи эти звуки на общемъ фонѣ гробового молчанія. Страшной кажется искусственная одушевленность инструмента среди общей безжизненности.

Неожиданно вдоль улицы, бросая жуткія тѣни, тревожа воздухъ, промчится вдругъ на автоптерѣ корреспондентъ съ механическимъ перомъ, съ записной книжкой въ рукахъ, съ зеленымъ флагомъ надъ головой въ качествѣ пропуска. Иногда—за однимъ, слѣдомъ, другой. Третій... Обгоняютъ, перекликаются. Торопливо взлетаютъ, заглядываютъ въ окна, записываютъ, бросаются внизъ, рыщутъ вблизи зданій правительственныхъ учрежденій, вьются вокругъ Рейхстага, Рабочаго Совѣта, Ратуши.

— Mesdames! Monsieur!

Изъ за угла къ вздрогнувшей Софьѣ Ивановнѣ радостно бросается прилично одѣтый господинъ съ лихорадочно возбужденнымъ лицомъ. Котелокъ —на затылкѣ, въ рукахъ длинная черная трубка.

— Я васъ прошу! Будьте любезны! На одну минуту! Разрѣшите взять на фильму. Въ качествѣ чудесно спасшихся...

— Простите, мы только что прибыли,—возражаетъ Корельскій.—Насъ не было въ Берлинѣ.

— Изъ Дрездена мы,—поясняетъ Софья Ивановна.

— Все равно, madame! Безразлично, monsieur! Позвольте представиться: сотрудникъ информаціоннаго фильмъ-агентства „Cinema de deux Mondes"... Коэнъ...

— Идемъ, Аріадна,—тревожно прикасается къ плечу дочери Софья Ивановна.

— Одну минуту, madame... Что вамъ стоитъ, monsieur? Если угодно, я могу заплатить. По три доллара. Четыре! Мнѣ необходимо, чтобы вы вылѣзли изъ подъ обломковъ моноплана... Мнѣ крайне нужно, madame! Вообще, въ городѣ совсѣмъ мало живыхъ экземпляровъ. Все неподвижно, теряетъ всякій эффектъ!.. Можетъ быть согласитесь, mademoiselle, сыграть нѣсколько сценъ? При вашей прекрасной внѣшности мы можемъ поставить: „Жена разыскиваетъ на улицѣ окоченѣвшаго мужа". „Горе неутѣшной дочери, вернувшейся изъ Дрездена". „Безумная". Гримъ и костюмы имѣются, mademoiselle! Я уплачу гонораръ!

— Идемъ, Аріадна...

Онѣ у себя, въ комнатѣ. Корельскій ушелъ съ миліціонеромъ въ гостиницу, обѣщалъ вернуться, остаться съ ними, пока будетъ нужно. Софья Ивановна, разбитая, усталая, лежитъ на кровати. Аріадна сидитъ у окна, со страхомъ смотритъ на городъ.

— Я, все-таки, не понимаю его,—больнымъ голосомъ говоритъ съ постели старушка.—Какія волны? Развѣ можно волнами приводить въ столбнякъ?

— Можетъ быть, кто-нибудь изобрѣлъ, мама. Теперь ничего нѣтъ чудеснаго.

— Проклятое время!..

Вокругъ тихо. Въ окно—ни звука. За безконечнымъ хаосомъ крышъ гаснетъ красный закатъ. Надъ нимъ—синій балдахинъ тучъ съ каймою изъ пламени.

— Frau Мюнце лежитъ возлѣ двери...—шепчетъ Софья Ивановна.—Разбила тарелку. Осколки валяются...

— Я видѣла.

— Если бы Корельскій оттащилъ всторону... Ее. И того... Музыканта. Совсѣмъ близко около насъ. Страшно. Не буду спать...

— Они же не умерли, мама.

— Все равно... Еще хуже. Волны! Кто могъ? Корельскій говоритъ—въ Берлинѣ преступникъ?

— Да... въ Берлинѣ. Или въ окрестностяхъ. Недалеко.

— А какъ же... Монбланъ? Вѣдь тамъ тоже было.

— Монбланъ? Правда... Не понимаю.

Опять тихо. Внизу, на углу, солдаты пикета зажгли розовый фонарь. Наверху, высоко въ гаснущемъ небѣ, воздушный крейсеръ сіяетъ созвѣздіемъ иллюминаторовъ.

— Скорѣе правъ нѣмецъ... Въ Дрезденѣ... — бормочетъ сквозь сонъ старушка.—Навѣрно поляки... Или французы... Какой-нибудь газъ... Порошекъ... Нѣсколько лѣтъ... назадъ... было, вѣдь... И теперь...

Софья Ивановна спитъ. Въ окнѣ—темно. Нѣтъ ночныхъ солнцъ, рекламъ, зарева города. Чуть замѣтнымъ силуэтомъ стоитъ куполъ Рабочаго Дворца, башня ближайшаго вентилятора безшумно тонетъ въ грозовой тучѣ. На углу, возлѣ розоваго, новый—бѣлый фонарь. И иногда, будто свѣтляки, проносятся взадъ и впередъ зеленые огоньки автоптеровъ. Вотъ одинъ поднялся. Выше и выше. Приближается. Подъ рефлекторомъ видна фигура летящаго...

— Штральгаузенъ!

— Я цѣлый день безпокоился...—задыхаясь, нервно говоритъ докторъ, держась на одной высотѣ съ окномъ, стараясь приблизить аппаратъ къ стѣнѣ.—Гдѣ вы были? Я зналъ ваше окно... Изучилъ... Вы не видѣли?.. Каждый вечеръ... Мимо... Вамъ страшно?

Онъ улыбается. Лицо—искривлено хитростью. Въ глазахъ жуткая радость.

— Да, ужасное событіе,—сухо говоритъ Аріадна. Увѣренная въ томъ, что мембрану подбросилъ Штральгаузенъ, она не можетъ побороть въ себѣ

отвращенія къ нему.—Вы, навѣрно, знаете, докторъ, что это. Волны или газы...

— Объяснить?

Штральгаузенъ—совсѣмъ у окна. Выдвинувшись изъ аппарата, держится за подоконникъ рукой. Смотритъ пристально.

— Ну... какъ же?

Аріадна дрожитъ.

— Не знаете?

Онъ смѣется. Тихо, хихикающе. Глаза—полны злого счастья. Лицо—въ складкахъ загадочнаго самодовольства.

— Не знаете? Лучи или газы? А можетъ быть, спросите—кто? Хотите знать кто? Не донесете? Не откроете? У васъ душа есть! Да! Сказать вамъ?

— Вы?..

— Я.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Петербургъ понравился Аріаднѣ. Послѣ шумнаго безпокойнаго Берлина, гдѣ демократія культивировала внѣшній блескъ техническихъ достиженій послѣдняго времени, столица Россійской Имперіи показалась тихой, сосредоточенной, немного даже угрюмой.

Здѣсь не было этого увлеченія завоеваніемъ воздуха, безконечной толкотни и снованія по небу. Дома — значительно ниже, уличное движеніе проще. По ночамъ освѣщался городъ, какъ въ старину, простыми электрическими фонарями на улицахъ. И ни одной свѣтовой рекламы на небѣ: по постановленію Городской Думы, согласно пожеланію Патріарха, подобные плакаты запрещены уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

До сихъ поръ никто изъ солидныхъ петербуржцевъ не позволялъ себѣ передвиженія на автопланѣ, а тѣмъ болѣе на автоптерѣ, чтобы не ронять своего достоинства передъ столичною чернью. До сихъ поръ эта область ограничивалась только предѣлами увеселеній и спорта. Когда въ Европѣ начался переходъ съ пѣшеходнаго передвиженія на автоптерный полетъ, Петербургомъ тоже на нѣсколько мѣсяцевъ овладѣлъ этотъ послѣдній крикъ моды. Но практически для русскихъ людей такое движеніе въ неопредѣленныхъ воздушныхъ рамкахъ оказалось немыслимымъ, и послѣ многочисленныхъ столкновеній съ человѣческими жертва-

ми, мода быстро исчезла. Только по праздникамъ молодежь и республикански-настроенная передовая часть интеллигенціи тянулась по небу въ направленіи на Сестрорѣцкъ и на Павловскъ ко времени начала традиціонныхъ симфоническихъ концертовъ. Но въ эти дни наряды полиціи бывали значительно усилены, и по пути слѣдованія аппаратовъ надъ каждымъ перекресткомъ улицъ высоко въ воздухѣ парилъ городовой въ бѣлыхъ перчаткахъ, съ палкой въ рукѣ, чтобы указывать русло.

Приватъ-доцентъ Пальминъ нашелъ Софьѣ Ивановнѣ и Аріаднѣ уютную меблированную квартирку въ Бѣлой части, между Новой Деревней и Озерками. Здѣсь, въ новыхъ многоэтажныхъ домахъ, на недавно застроенныхъ улицахъ, поселились главнымъ образомъ бывшіе эмигранты, бѣжавшіе въ Европу во время владычества большевиковъ. Квартира выходила окнами на Корниловскій Проспектъ, и Софья Ивановна, сидя у окна четвертаго этажа съ вязаньемъ въ рукахъ, наслаждалась. Тишина, нѣтъ въ небѣ музыки, никто мимо не пролетаетъ, не заглядываетъ въ комнату, а на Проспектѣ мирно, спокойно. Чинно бредетъ по троттуарамъ публика, деревья вдоль аллеи зеленѣютъ молодою листвой... И тамъ, напротивъ, странныя для отвыкшаго глаза родныя русскія вывѣски: „Сапожная мастерская А. Полковникова", „Книжный магазинъ Славянская Взаимность", „Торговыя бани Сапогова"...

— Мамочка, посмотри, кого я привела!

У Аріадны радостный видъ. Она раскраснѣ-

лась отъ ходьбы, въ глазахъ веселые солнечные лучи, изъ подъ шляпы безпорядочно набѣгаютъ на виски волосы.

— Ната?

Софья Ивановна нѣжно цѣлуетъ подругу дочери, треплетъ по плечу, усаживаетъ противъ себя въ кресло. Наташа училась вмѣстѣ съ Аріадной и съ Бенитой въ одномъ пансіонѣ и всѣ праздники проводила у Софьи Ивановны, принявшей участіе въ судьбѣ одинокаго ребенка.

— Совсѣмъ не узнала бы, совсѣмъ!—любовно удивляется Софья Ивановна, гладя Наташу по рукѣ и взглядывая одобрительно на Аріадну.—Ну, что? Какъ живешь? Вышла замужъ, конечно?

— Мама, я же тебѣ говорила!—укоризненно смѣется Аріадна.

— Ахъ, да. Конечно. Твой мужъ редакторъ газеты?.. Вѣрно. Злобинъ.

Наташа громко смѣется:

— Злобинъ, Софья Ивановна, Злобинъ. Дайте поцѣловать еще разъ! Милая вы!

— Ну, отлично, будемъ, значитъ, встрѣчаться... —удовлетворенно говоритъ Софья Ивановна, принимаясь за вязанье.—Знакомыхъ вѣдь у насъ, кромѣ Корельскаго и Пальмина, пока никого. Есть, конечно, старые, по Берлину, изъ бѣженцевъ. Но гдѣ ихъ найдешь! Капитанъ Горевъ, напримѣръ... Часто ходилъ къ намъ, шофферомъ былъ. Сейчасъ, говорятъ, генералъ, командуетъ гвардейскимъ полкомъ. И Петровскій тоже... Стекла, помню, вставлялъ. Теперь на Пулковскую обсерваторію вернулся, астрономію здѣсь, въ Университетѣ, читаетъ...

Но ты сама какъ? Что новаго? Говорятъ, у васъ тоже не лучше 8-го числа было?

— Вы про столбнякъ? Ахъ, не говорите, Софья Ивановна. Ужасъ! Что было на слѣдующій день! Манифестаціи, понимаете, митинги... Совѣтъ министровъ собирался. Соборъ экстренное засѣданіе устроилъ. А рабочіе, подумайте, какой позоръ, — перепугались! „Если Соборъ не распустится,—кричали на митингахъ, — мы его сами распустимъ! Мы не желаемъ больше столбенѣть!" И священниковъ замучили. Потребовали окропить каждый домъ въ рабочихъ кварталахъ, каждую комнатку. Наши прогрессивныя газеты, конечно, обвиняютъ правительство. Куда оно, въ самомъ дѣлѣ, смотритъ? Что оно дѣлаетъ? „Корма" вчера, напримѣръ, напечатала громовую статью „Quousque tandem?" Великолѣпно раздѣлала министра внутреннихъ дѣлъ! Я вамъ занесу номеръ, непремѣнно прочтите. А соціалистическія „Ночи" призываютъ къ ниспроверженію строя. „Будь власть въ нашихъ рукахъ,—говорятъ въ передовой,—мы бы ни въ коемъ случаѣ не допустили". И правда: развѣ это возможно, скажите? Въ столицѣ! Въ центрѣ Россіи!

— Хорошо... Но причемъ тутъ строй, милочка, если столбнякъ?

— Какъ причемъ, Софья Ивановна? Очень причемъ! Страшно причемъ. Сегодня—столбнякъ, завтра—параличъ, послѣ-завтра—общая смерть, а общественность — молчи? Нѣтъ, вы посмотрите, въ такомъ случаѣ, что пишутъ въ провинціи! Разоблачаются пикантныя вещи! „Одесскія Вѣсти" изъ достовѣрныхъ источниковъ узнали, напримѣръ, что

таинственный изобрѣтатель столбняка подкупленъ Департаментомъ Государственной Охраны для устройства еврейскихъ погромовъ. Такъ и пишутъ въ статьѣ „Столбнякъ и евреи". Украинская „Рідна Хата" тоже... призываетъ Украйну отдѣлиться, если Петербургъ хоть одинъ еще разъ заснетъ. А что касается Кубани, то... Ахъ, да! Ади, а какъ же съ лондонскимъ платьемъ? Если мнѣ понравится, не будь въ претензіи, дорогая: обязательно закажу такое. Имѣйте въ виду, господа, у Ковалевой заказывать лучше всего. Недорого, со вкусомъ, и отъ васъ два шага: налѣво по Корниловскому Проспекту до Галлиполійской улицы, на углу... Я тебѣ покажу, сговоримся.

— А ты сама-то гдѣ живешь, Ната?—улыбается въ отвѣтъ на скачущую рѣчь Наташи Софья Ивановна.

— Я? Совсѣмъ рядомъ. Направо. Въ тупикѣ графа Бобринскаго. Во вторникъ у меня религіозно-философскій вечеръ, господа, манихеи Кудашевъ и Мержеевскій будутъ говорить... Вы обязательно должны быть! Познакомитесь, Софья Ивановна съ мужемъ. Нѣтъ, нѣтъ, не возражайте. Это рѣшено и подписано. Ади, ну, какъ же съ платьемъ? Показывай!..

II

— Можетъ быть, поѣдемъ на Стрѣлку?

Они идутъ рядомъ, Корельскій и Аріадна. Невскій Проспектъ, по обыкновенію, весь въ движеніи, окаймленъ на троттуарахъ безконечной лентой про-

хожихъ. Аріадна только что сдѣлала нѣсколько покупокъ, Корельскій несетъ свертки.

— Мама будетъ ждать, Глѣбъ Николаевичъ.

— Вы второй разъ отказываете, — недовольно усмѣхается Корельскій. — Вѣдь, въ автомобилѣ на всю поѣздку часъ. Развѣ такъ много?

— Хорошо, если хотите... Поѣдемъ.

Она замѣчаетъ, что онъ въ послѣднее время очень обидчивъ. И въ то же время слишкомъ предупредителенъ, даже навязчивъ. Тогда на лицѣ — приторная улыбка, съ претензіей на интимность, глаза становятся нехорошими, взглядъ напоминаетъ Штральгаузена.

— Макаръ Петровичъ! Прошу!

Ожидавшій на углу Большой Конюшенной собственный автомобиль Корельскаго беззвучно подкатываетъ къ троттуару. Корельскій усаживаетъ Аріадну, садится. Сначала ѣдутъ медленно, среди гущи моторовъ, затѣмъ у небоскреба на углу Михайловской, гдѣ помѣщается теперь лучшая въ Петербургѣ „Американская Гостиница", сворачиваютъ.

— Я все собираюсь въ Музей Александра III, — говоритъ Аріадна, глядя налѣво, когда повернули на Сербскую улицу, бывшую Итальянскую. — Мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть это знаменитое полотно „Оставленіе Севастополя".

— Да, чудесная вещь. Хотите, пойдемъ на дняхъ? Обязательно побывайте и на весенней выставкѣ „Художники—Богу". Скоро закроется.

— Да, я читала... Это гдѣ? Въ Таврическомъ Дворцѣ?

— Что вы, въ Таврическомъ! Въ Таврическомъ —Общество покровительства животнымъ..Испоконъ вѣковъ. А „Художники—Богу“ въ вашемъ же рай. онѣ—за Врангелевскимъ Плацомъ.

Они проѣзжаютъ мимо Лѣтняго Сада. Слѣва на Марсовомъ Полѣ, величественный храмъ-памятникъ, стилизованный въ духѣ новгородскихъ церквей, посвященный памяти Императора Николая II. На четырехъ углахъ Поля, соединенныхъ оградою, часовни въ честь жертвъ Третьяго Интернацiонала. На Каменноостровскомъ автомобиль идетъ быстрѣе. Остался сзади новый крикливый фронтонъ Акварiума, промелькнулъ заново выстроенный гигантскiй Лицей... На Каменномъ Островѣ другъ за другомъ плывутъ великолѣпныя виллы, дворцы, на Елагиномъ—среди зелени парка бельведеры, фонтаны... И старые, неприкосновенные задумчивые пруды.

— Можетъ быть, пообѣдаемъ?—предлагаетъ Корельскiй, сходя съ автомобиля на Стрѣлкѣ и подавая руку Арiаднѣ.—Здѣсь недурно кормятъ.

— Спасибо, я уже обѣдала, Глѣбъ Николаевичъ.

— Но, можетъ быть, такъ... слегка?

— Нѣтъ, благодарю.

Они входятъ въ американское Казино, роскошное зданiе, построенное на прозрачныхъ стеклянныхъ сваяхъ. Безконечная терасса съ воздушными колоннами выдается далеко въ устье рѣки. Надъ нижнимъ ярусомъ—еще три, переплетенныхъ узорными арками, увѣнчанныхъ причудливой никкелевой крышей. Поднявшись на лифтѣ, Корельскiй ведетъ Арiадну по верхней терассѣ на крыло

площадки, висящее надъ самой водой, занимаетъ свободный столикъ.

— Карточку, пожалуйста!

Послѣ долгихъ просьбъ Корельскому удается уговорить Аріадну съѣсть осетрины и выпить бокалъ шампанскаго.

Она сидитъ молча, смотритъ вдаль, на виднѣющееся у горизонта блѣдное море. А въ памяти —вчерашнія слова матери: „Онъ какъ будто и приличный человѣкъ, но не могу одного понять: на какія средства живетъ. Не на жалованье же профессора физіологіи!“ Въ самомъ дѣлѣ: у него, вѣдь, свой автомобиль, аэропланъ, огромная, по его словамъ, квартира, поваръ, нѣсколько человѣкъ прислуги... И широкій образъ жизни, слишкомъ подчеркнутое презрѣніе къ деньгамъ.

— Еще бокалъ... Разрѣшите?

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Я васъ прошу... Вѣдь, это не „Универсаль“. Настоящее, крымское.

— Вы знаете, я не люблю вина, Глѣбъ Николаевичъ.

— За благополучный пріѣздъ... За Петербургъ. Да? Одинъ глотокъ.

— Не могу. Достаточно.

— На всякій случай налью. Пусть стоитъ.

Корельскій сегодня самоувѣренъ и веселъ. Приказавъ подать кофе, наливаетъ ей безъ спроса ликеръ, откидывается на спинку стула, часто пристально смотритъ.

— Не могу, все-таки, разобрать васъ, Аріадна Сергѣевна,—многозначительно говоритъ онъ, по-

требовавъ вторую бутылку. — Вѣдь, вы по натурѣ и очень добрая и удивительно женственная... А между тѣмъ—сколько упорства! Не думаете-ли, что это вліяніе Германіи?

— Не думаю.

Она слабо улыбается. Онъ радъ, что вызвалъ улыбку, придвигаетъ стулъ ближе.

— Сначала, когда съ вами знакомишься, думаешь, что вы вполнѣ взрослая, настоящая женщина. И серьезность всегда, и стремленіе быть положительной. А, вотъ, когда присмотришься ближе узнаешь,—ясно видишь, что просто ребенокъ. Настоящее дитя, еще совсѣмъ не проснувшееся.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Аріадна чуть-презрительно щурится. Спокойно смотритъ въ узкіе глаза на раскраснѣвшемся бритомъ лицѣ.

— Владиміръ Ивановичъ говорилъ о васъ кое-что...—продолжаетъ Корельскій, на мгновеніе сдѣлавшись задумчивымъ, какъ будто бы даже слегка недовольнымъ.—Конечно, не много, онъ тоже достаточно скрытенъ... Но на основаніи его словъ я думалъ, когда не былъ знакомъ, что вы гораздо шаблоннѣе, примитивнѣе. Вѣдь, въ васъ именно цѣнна эта своеобразная чистота духа, особенная брезгливость къ житейской пошлости. Вы, въ общемъ, еще не жили на землѣ, Аріадна Сергѣевна. Все еще по дѣтски спите и грезите. Но зато тотъ, кто разбудитъ,—да! Тотъ будетъ, дѣйствительно счастливъ. Онъ будетъ богомъ. Ваше здоровье!

— Скажите, что это за вальсъ?

Аріадна показываетъ глазами въ сторону ор-

кестра. На лицѣ—равнодушіе. И Корельскій съ улыбкой отвѣчаетъ, стараясь придать язвительность тону:

— Изъ старой оперетты „Электрофикація.“ Нравится?

— Мелодично...

III

Аріадна вернулась не въ духѣ. Открывъ парадную дверь, услышала веселые голоса въ столовой, осторожно направилась къ спальнѣ, стараясь пройти незамѣченной.

— Адикъ, ты? Мы тебя ждемъ!

Пришлось выйти къ гостямъ. Это были—генералъ Горевъ и профессоръ Петровскій, которыхъ Аріадна помнила съ дѣтства. Горевъ пополнѣлъ, посѣдѣлъ, принялъ барскій холеный видъ. Петровскій сильно постарѣлъ, осунулся, сгорбился. Но глаза подъ очками такіе же добрые, ласковые. И бородка, какъ раньше, козлиная, только — сѣдая.

— Узнаешь, Адикъ? Господа, помните мою маленькую дикарку? Познакомьтесь!

— Мы, вотъ, вспоминали наше бѣженское житье-бытье, — весело говоритъ генералъ Аріаднѣ. —Профессоръ—свое стекольное дѣло, а я чистку машины. Знатно работали!

— Да, было время...—сочувственно улыбается Аріадна.—Мамочка, дай я помогу.

Она садится за самоваръ, начинаетъ хозяйничать. А профессоръ треплетъ бородку, говоритъ мечтательно, грустно:

— Что же... Положа руку на сердце, могу сказать—вспоминаю свою молодость всегда съ удовольствіемъ. Голодалъ-то я какъ! Холодалъ!.. А теперь—особая нѣжность къ прошлому. Будто ты и не ты... Сейчасъ просто—обыватель, рядовой гражданинъ. А тогда что-то значительное. Важное. Хотя и стекольщикъ.

— Это вѣрно, профессоръ. Вотъ и я напримѣръ... Два года зимою и лѣтомъ, помню, шинели съ себя не снималъ. Кое-гдѣ уже просвѣчивало это самое, въ чемъ мать родила. А, между тѣмъ, какъ гордъ былъ! Ясно чувствовалъ, что все-же не кто-нибудь я, а гвардіи капитанъ! Вы сколько: много на стеклахъ-то своихъ вырабатывали?

— Да какъ вамъ сказать... Не помню точно. Иногда—билліоны, иногда милліоны. Смотря по курсу.

— Со своею замазкой?

— Ну, а какъ же. Конечно. Вотъ, если что съ неудовольствіемъ до сихъ поръ вспоминаю, такъ это, знаете, профессіональный союзъ. Принимать не хотѣли, мошенники... Запрещали работать.

— Ну, какъ же. Помню! Вѣдь и со мною—то же самое. Два мѣсяца клянчилъ, пока дали билетъ. Швейцаръ, слава Богу, протекцію оказалъ.

— Я имъ показывалъ удостовѣреніе изъ Пулкова. Что я, молъ,—астрономъ-наблюдатель, что съ телескопами обращаться умѣю. Никакихъ разговоровъ. Аусгешлоссенъ!

— Хо-хо! Вотъ вамъ свобода и равенство! Значитъ, какъ же: контрабандой работали?

— Контрабандой, конечно. Какъ многіе. Несу,

обыкновенно, свои стекла, завернувъ въ простыню, будто пакетъ... И высматриваю по сторонамъ: всѣ ли дома въ порядкѣ? Не зіяетъ ли гдѣ? Особенно пріятно бывало послѣ бури. Или грозы... Урожайно.

— Хо-хо! Урожайно! И у меня, сказать правду, тоже дѣло вначалѣ не клеилось. Сильно бѣдствовалъ, когда пріѣхалъ изъ Крыма. Но на счастье сто французскихъ франковъ въ карманѣ было, а марка, вы помните, падала. Размѣнялъ я, это, сначала десять, получилъ 500 марокъ, прожилъ. Потомъ другіе десять размѣнялъ, получилъ 20 тысячъ, прожилъ. Третьи десять затѣмъ размѣнялъ, 250 тысячъ получилъ, прожилъ. Когда до послѣдней десятки дошелъ—3 билліона имѣлъ... Ну, а тутъ какъ разъ подвернулось: помощникъ шоффера... Шофферъ. И пошло! Хорошее время было, профессоръ, ей-Богу. А?

— Что и говорить... Сказка!

— Адикъ, тебя Владиміръ Ивановичъ вызывалъ,—вспоминаетъ послѣ ухода гостей Софья Ивановна.—Можетъ быть, поговоришь? Какое-то дѣло...

— Дѣло?

На лицѣ Аріадны пренебреженіе.

Софья Ивановна вздыхаетъ. Она никакъ не можетъ понять, почему нынѣшняя молодежь такъ упряма и злопамятна. Два года, кажется, прошло со времени ссоры, пора бы забыть. А между тѣмъ—телефонъ въ распоряженіи около мѣсяца—и они говорили другъ съ другомъ одинъ только разъ.

Каждый день Софья Ивановна бесѣдуетъ съ Владиміромъ, бесѣдуетъ много и долго. Но онъ объ Аріаднѣ только спроситъ изъ вѣжливости вскользь— какъ здоровье; а та даже не слушаетъ, когда аппаратъ въ комнатѣ; читаетъ книгу, шьетъ, иногда просто уходитъ...

— Какъ-нибудь послѣ, мамочка,—лѣниво говоритъ Аріадна, садясь на диванъ возлѣ своего рабочаго столика.—Я устала... И потомъ нужно сегодня обязательно кончить романъ. Обѣщала завтра утромъ вернуть Наташѣ...

IV

Наконецъ отъ Бениты — письмо. Почтальонъ принесъ только что, и Аріадна читаетъ его за завтракомъ Софьѣ Ивановнѣ вслухъ.

Бенита пишетъ:

„Дорогая, дорогая Ади. Если бы ты знала, какъ мнѣ безъ тебя тоскливо! Правда, мы во многомъ съ тобой не сходимся, но причемъ взгляды, когда столько хорошихъ воспоминаній дѣтства. Я тебѣ должна написать большое, большое письмо, но все зависитъ отъ того, опоздаетъ-ли Herr Кунце, или нѣтъ. Мы съ нимъ сговорились сегодня идти на засѣданіе въ Рейхстагъ: будутъ пренія о Диктаторѣ Міра... Увижу, конечно, и твоего мужа. Если очень настаиваешь, могу сказать: бывшаго мужа. Ади, все-таки, ты очень странная женщина! Мы какъ-то летали вмѣстѣ ужинать въ Варнемюнде, провели очень пріятно вечеръ — не подумай только плохого, ради Бога!.. И онъ удивлялся, по-

чему это ты такъ внезапно и безъ видимой причины... Ты развѣ что-нибудь видѣла? Или кто-нибудь пролеталъ мимо оконъ баронессы и разсказалъ? Я не рѣшалась при прощаніи тебя разспрашивать, но, должна сознаться, ты поступила слишкомъ сурово. Бѣдный Отто такъ страдаетъ! Мы сговорились завтра встрѣтиться, очевидно, онъ хочетъ поговорить о любви къ тебѣ. Напишу все подробно.

У насъ за это время сенсаціонная новость, о которой ты, можетъ быть, уже знаешь по вашимъ газетамъ: исчезъ Штральгаузенъ. Въ послѣдній разъ его видѣли въ лабораторіи въ пятницу, на слѣдующій день послѣ [illegible] отъѣзда. Служащіе лабораторіи разсказываютъ, что онъ въ среду и въ четвергъ сидѣлъ запершись у себя въ кабинетѣ и надъ чѣмъ-то спѣшно работалъ. Затѣмъ, въ пятницу утромъ приказалъ приготовить свой аппаратъ, уложилъ въ него провизію, какія-то бутылки и склянки, подзорную трубу, въ разобранномъ видѣ нѣсколько неизвѣстныхъ приборовъ—и улетѣлъ, обѣщавъ вернуться къ вечеру. Уже скоро двѣ недѣли, а его нѣтъ. Администрація вскрыла на-дняхъ кабинетъ, но тамъ ничего особеннаго не нашла. Были какіе-то чертежи, большой глобусъ, валялись на полу географическія карты.

Что съ нимъ произошло, какъ ты думаешь? Я знаю, онъ былъ къ тебѣ неравнодушенъ, можетъ быть, это въ связи съ твоимъ отъѣздомъ? Если вы сговорились, и ты знаешь, гдѣ онъ, напиши, дорогая, даю слово, что буду хранить тайну, какъ сфинксъ. Ади, а ты бы написала что-нибудь Отто. Хотя бы нѣсколько строкъ. Онъ такъ будетъ радъ!

Послѣ вашей исторіи онъ даже пересталъ бывать у баронессы, во всякомъ случаѣ вчера, нѣтъ, не вчера, а тогда, когда мы летали, онъ увѣрялъ меня, что все уже кончено..."

— Ну и ловкая женщина!—изумленно качаетъ головой Софья Ивановна. А Аріадна внимательно перечитываетъ мѣсто, въ которомъ говорится объ исчезновеніи Штральгаузена, и тихо шепчетъ, какъ бы въ отвѣтъ на свои мысли:

— Значитъ, въ другомъ мѣстѣ... Не въ лабораторіи...

Кто-то рѣзко звонитъ у парадной двери. Держа въ рукѣ полуденный выпускъ „Крестьянина", Корельскій торопливо здоровается, съ неестественной нервностью говоритъ:

— Простите, что не въ урочное время... Но проѣзжалъ мимо... Только что купилъ газету. Оказывается—новый эдиктъ Диктатора.

Аріадна понимаетъ: воспользовался случаемъ. Но Софья Ивановна испуганно сѣменитъ навстрѣчу:

— Что вы? Опять? Батюшки!

— „22-го сего мая,—читаетъ за столомъ Аріадна,—истекаютъ двѣ недѣли со дня примѣненія мною къ непокорнымъ столицамъ первой мѣры наказанія: всеобщаго паралича на однѣ сутки.

Любезные моему сердцу народы!

Не для устрашенія, не для террора, не ради личныхъ выгодъ и честолюбивыхъ намѣреній принялъ я на себя тяжкое бремя власти надъ земнымъ человѣчествомъ.

Я знаю, дѣти мои, что вы стремитесь къ лучшей, осмысленной жизни, хотите рая земного, жаж-

дете блаженства тѣла и духа. И знаю я, что тщетны до сихъ поръ всѣ ваши усилія.

Вамъ не найти этого счастья, дѣти мои, счастья даже временнаго, случайнаго, пока будете искать вы его путемъ всенародныхъ скопленій, сборищъ, митинговъ, референдумовъ, голосованій, баллотировокъ, прислушиваясь къ мнѣнію не только мудрѣйшихъ, но и глупѣйшихъ согражданъ. Уже скоро два вѣка, какъ Европа изнемогаетъ отъ тщетныхъ усилій найти въ себѣ общую народную волю, отыскать общее народное чувство, осознать общую народную мысль. Не только два вѣка, еще двадцать вѣковъ вы будете пребывать въ тяжкихъ мукахъ исканія и ничего не достигнете, ничего не найдете. Ибо общей воли у народовъ нѣтъ. Общаго чувства нѣтъ. Общей мысли нѣтъ.

А посему повелѣваю:

Къ двѣнадцати часамъ ночи, съ 22-го на 23-е сего мая, распустить навсегда всѣ представительныя учрежденія, согласно эдикту № 1. Въ дополненіе къ сему, приказываю: передъ роспускомъ, особымъ актомъ, подписаннымъ народными представителями, объявить провозглашеніе абсолютной монархіи, съ правомъ наслѣдованія престола старшимъ въ родѣ. Въ странахъ съ монархическимъ образомъ правленія передать полноту неограниченной власти нынѣ здравствующимъ Императорамъ, Королямъ, Князьямъ. Въ странахъ республиканскаго строя утвердить въ монаршихъ правахъ нынѣ временно возглавляющихъ эти страны Президентовъ, Прокураторовъ, Диктаторовъ, Правителей. Всякая политическая пропаганда послѣ

провозглашенія монархіи воспрещается подъ угрозою смертной казни какъ въ средѣ противниковъ новаго строя, такъ и въ средѣ сторонниковъ. О дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ всѣмъ Монархамъ надлежитъ сноситься со мною.

Въ случаѣ неисполненія сего эдикта за № 2, мною будетъ примѣнена къ непокорнымъ столицамъ вторая мѣра наказанія:

Безсрочный всеобщій двигательный и чувствительный параличъ, съ ежедневнымъ перерывомъ на два часа, вплоть до того дня, пока столицею не будетъ выражена полная покорность моей единоличной волѣ. Въ подтвержденіе подлинности сего эдикта, населеніе всего Земного Шара, безъ исключенія, будетъ подвергнуто легкому оцѣпененію на одинъ часъ 22-го сего мая съ семи до восьми часовъ утра по гринвичскому времени.

Дано въ крѣпости Аръ, 21 мая 1950 г.".

— Что же теперь дѣлать?—испуганно говорила Софья Ивановна, смотря поочередно то на дочь, то на Корельскаго.—Опять, господа, столбнякъ?

— Да, какъ видите,—презрительно хмурится Корельскій.—Этотъ Диктаторъ не можетъ, очевидно, ничего остроумнѣе придумать.

— Бѣжать, можетъ быть?—продолжаетъ волноваться старушка. — Но куда? Теперь вездѣ будетъ, некуда даже скрыться!.. Адикъ, какъ ты думаешь: уѣхать намъ?

— Безполезно уѣзжать, мама...—разсѣянно отвѣчаетъ Аріадна, у которой сейчасъ въ глазахъ странный блескъ, а на щекахъ румянецъ. — Какъ это, все-таки, удивительно! „Тяжкое бремя власти надъ земнымъ человѣчествомъ"... „Повелѣваю!"

— Нужно, въ такомъ случаѣ, цѣлое утро не выходить изъ дома... — бормочетъ Софья Ивановна. — Лечь въ постель и переждать... Да. Вотъ только для сердца, не знаю... Глѣбъ Николаевичъ, для сердца это не вредно?

Корельскій, видимо, раздраженъ. Но старается казаться спокойнымъ.

— Не думаю, Софья Ивановна. Развѣ только при очень плохомъ здоровьѣ можетъ что-нибудь случиться. У васъ развѣ больное сердце?

— Нѣтъ, слава Богу, до сихъ поръ не страдала. Погодите, господа... Вызову-ка я Владиміра Ивановича.

Она торопливо подходитъ къ этажеркѣ, беретъ аппаратъ въ руки.

— Владиміръ Ивановичъ! Вы здѣсь?

— Здѣсь, Софья Ивановна. Здравствуйте...

— Владиміръ Ивановичъ, душенька... Вы очень заняты?

— Нѣтъ, ради Бога... Просто копаюсь въ саду. А что? Сдѣлалъ, знаете, только что любопытное открытіе съ огнецвѣтникомъ. Вамъ знакомъ этотъ цвѣтокъ, Софья Ивановна?

— Огнецвѣтникъ? Нѣтъ, не помню. Голубчикъ. Владиміръ Ивановичъ, я хочу...

— Незнакомъ? Удивительное растеніе, Софья Ивановна. Сколько разъ я встрѣчалъ его и у насъ,

въ Россіи, и въ Германіи, въ Исполинскихъ горахъ. И никогда не подозрѣвалъ, какъ коварно и преступно это существо по своему образу жизни.

— Да? Преступно?.. А у насъ, знаете, Владиміръ Ивановичъ...

— Мнѣ недавно одна фирма прислала по моей просьбѣ сѣмена... — весело продолжаетъ Павловъ.—Хотѣлось имѣть у себя нашъ родной европейскій цвѣтокъ. У него на тонкомъ стебелькѣ букетикъ прелестныхъ желтыхъ цвѣточковъ, и сверху, надъ желтыми, посреди — фіолетовый. Представьте, посѣялъ, самъ слѣдилъ за грядкой, пололъ траву... И что же? Завялъ!

— Къ чему это?—пренебрежительно пожимаетъ плечами Корельскій.

— Владиміръ Ивановичъ, погодите, миленькій...

— Сію минуту окончу. Въ чемъ же вы думали бы,—дѣло? Въ климатѣ? Ничуть не бывало. Оказывается, просто полоть траву не нужно. Когда я вырвалъ нѣсколько штукъ, обслѣдовалъ корни, то увидѣлъ, что передо мной не невинный скромный цвѣтокъ, а ужасный хищникъ, нападающій своими корнями на корни сосѣднихъ травъ. Высасывающій у нихъ ихъ собственные, съ трудомъ заработанные, соки.

— Интересно. Да... Очень... Владиміръ Ивановичъ, дорогой, а у насъ опять непріятность. Представьте: снова эдиктъ Диктатора Міра!

— Да что вы? Опять?

— Опять. Завтра обѣщалъ усыпить на одинъ часъ. А затѣмъ—безсрочно. Имѣйте, кстати, въ виду, что одинъ часъ будутъ спать не только сто-

лицы, а и весь Земной Шаръ. Коснется, значитъ, и васъ... Смотрите, будьте завтра осторожны, голубчикъ!

— Какъ? И насъ? — удивляется Павловъ. Въ тонѣ его голоса, хотя и ироническомъ, слышна тревога.—А мы то причемъ, Софья Ивановна? Кажется, Ява не такой центръ, чтобы съ нею считаться. Во всякомъ случаѣ,—большое спасибо. Приму мѣры. Можетъ быть, разскажете подробности? Не затруднитъ васъ?

Софья Ивановна, волнуясь, передаетъ содержаніе эдикта, высказываетъ свои опасенія. И когда Павловъ начинаетъ успокаивать, совѣтуетъ утромъ оставаться въ городѣ и уѣзжать только въ томъ случаѣ, если Соборомъ къ вечеру не будутъ приняты условія Диктатора, Корельскій громко произноситъ:

— Здравствуй, Владиміръ. Ты не безпокойся, пожалуйста, за Софью Ивановну: въ случаѣ паники, мы всѣ улетимъ къ ночи на моемъ аэропланѣ. А какъ у васъ? Въ батавскихъ газетахъ ничего еще не было?

— Сейчасъ должна прійти почта, посмотрю. Кстати, Глѣбъ. Я тебя вызывалъ нѣсколько разъ вчера, вызывалъ и сегодня. Все время не было. Въ чемъ дѣло, Глѣбъ?

— Ни въ чемъ, Владиміръ. Просто былъ занятъ.

Корельскій отвѣчаетъ сухо, пренебрежительно. Но затѣмъ, вдругъ, поднимается, дѣлаетъ надъ собою усиліе, принимаетъ добродушный веселый видъ.

— Владиміръ,—мягко добавляетъ онъ,—не сердись, дорогой. Я вчера былъ по твоему же дѣлу... Все идетъ благополучно. Заказъ на луковицы сдѣлалъ.

— А въ Парижъ когда, Глѣбъ?

— На той недѣлѣ ѣду, не бойся. Ниццкія розы самъ вышлю. Сейчасъ же.

V

Къ восьми часамъ у Софьи Ивановны все готово. Собственно говоря, ничего не нужно готовить, но почему-то встала она очень рано—въ шесть часовъ, привела въ порядокъ квартиру, заставила кухарку Дашу какъ слѣдуетъ натереть суконкой полъ въ гостиной и въ столовой, сама вездѣ вытерла пыль, тщательно причесалась, надѣла нарядное платье.

— Адикъ, который часъ?

— Пять минутъ девятаго.

— Охъ... Приближается!.. А ты знаешь навѣрно, что у насъ около девяти, когда въ Гринвичѣ семь? Я не вѣрю, Адикъ!

— Ну, какъ не вѣрить, мамочка... Вѣдь, Глѣбъ Николаевичъ самъ по картѣ высчитывалъ. И въ вечернихъ газетахъ сказано.

— Мало ли что въ газетахъ бываетъ сказано! Адикъ, пойдемъ уже въ спальню, а? Ляжемъ, дѣтка!

— Еще цѣлый часъ, мама.

— Кто его знаетъ, часъ-ли! А вдругъ—въ вычисленіяхъ ошибка? Или самъ Диктаторъ перепутаетъ? Вставай.

— По моему, я могла бы прекрасно оставаться въ этомъ креслѣ. Смотри: высокія ручки. Спинка...

— Ради Бога! Съ ума сошла! Упасть хочешь?

— Вѣдь, я сижу глубоко...

— Адикъ, не спорь! Прошу! Посмотри, видишь, что на улицѣ дѣлается... Боже! Боже!

Софья Ивановна со страхомъ смотритъ въ окно. По проспекту въ обѣ стороны бѣгутъ, торопясь по домамъ, запоздалые прохожіе. Съ жуткимъ грохотомъ опускаются въ магазинахъ желѣзныя шторы. Зловѣще завывая сиренами, проносятся мимо автомобили. Гдѣ-то слышится плачъ.

— Я положу возлѣ себя чашку. И платокъ для компресса. Адикъ, хочешь? Можетъ быть, дурно станетъ...

— Мама, вѣдь, ты же читала, что никакой опасности нѣтъ. Лишь бы не упасть съ высоты... Въ Берлинѣ ни одного смертнаго случая въ квартирахъ. И здѣсь. Успокойся, милая.

— Да я и не безпокоюсь. Откуда ты взяла? Ну, идемъ, ради Создателя! Дверь въ гостиную оставлю: пусть больше воздуха. И занавѣску спущу... Кажется, все... Ну, что же? Адикъ! Вставай... Ну, милая... Ну, хорошая... Ну, я тебя умоляю!

Онѣ лежатъ на кроватяхъ. Аріадна читаетъ книгу, Софья Ивановна мочитъ водой лобъ, прикладывая къ вискамъ мокрый платокъ.

— На всякій случай... Не повредитъ... Что это? Владиміръ Ивановичъ?

— Кажется.

— Да. Его органъ. Погоди...

— Софья Ивановна!—слышится изъ гостиной голосъ Павлова.—Вы дома?

— Дома, миленькій, дома.

— И Аріадна Сергѣевна?

— Да. Вы простите, Владиміръ Ивановичъ, но не могу разговаривать. Въ спальнѣ лежу! Столбняка ожидаю!

— Развѣ пора? По моимъ разсчетамъ, у васъ, вѣдь, только четверть девятаго.

— Все равно! Миленькій, вызовите по окончаніи! Черезъ два часа. Я сейчасъ прячу голову подъ подушку!

Аріадна дѣлаетъ видъ, что читаетъ. Не опускаетъ книги. Но другъ за другомъ идутъ слова, фразы, страницы... А смысла нѣтъ.

... Все-таки безпокоится... Вызываетъ. Но если правда, что такъ сказалъ: примитивна, обыкновенна—она будетъ знать, какъ поступать въ будущемъ. Напрасно вызывала тогда, въ Берлинѣ. Навѣрно, торжествовалъ, считалъ, что сама первая не выдержала... И послѣ этого всего одинъ разъ вызвалъ! Такъ и нужно было тогда, послѣ Стрѣлки... сдѣлать видъ, что устала, а потомъ—забыть. Не напоминаетъ больше, ничего вчера не спросилъ...

... Какъ измѣнился за два года! Прежде—гордый, увѣренный въ силахъ. Теперь—садоводъ, помѣщикъ... Огнецвѣтники... Корни... Насколько сильнѣе Штральгаузенъ! Неужели—Диктаторъ? „Тяжкое бремя власти надъ земнымъ человѣчествомъ"... „Повелѣваю!" „Хотите знать, кто?.. Я..." Въ рукахъ одного человѣка—міръ. Всѣ народы... „У

васъ есть душа". Она, конечно, молчитъ... Не выдастъ. Но, можетъ быть, отреченіе — выше? „Лежу подъ манговымъ деревомъ... Муравей пытается взобраться."

Аріадна чувствуетъ, вдругъ: нѣжный токъ начинаетъ струиться по тѣлу. Руки дрожатъ. Выпадаетъ книга. Голова кружится...

— Адикъ, уже!

Это гдѣ-то далеко. Глухо. Неясно.

Точно сонъ. Нѣтъ, не сонъ. И не сонъ, и не бодрствованіе. И не смерть и не жизнь. Провалилась земля. Небо въ яркихъ лучахъ. Блескъ, сверканье, мерцанье. И навстрѣчу, оттуда,—разростается, ширится... Новое, странное. Жуткое, неизвѣстное.

Міръ весь—въ пламени. „Ars"—горитъ слово изъ звѣздъ. Обступаютъ цвѣты... Лепестки изъ огней, корни въ синей водѣ. Океанъ, океанъ! Шумъ волны... Гулъ на скалахъ. Это кто—среди звѣздъ поднимается, смотритъ?.. Глазъ—огромный вблизи. Голосъ странный... знакомый... Говоритъ.

Говоритъ:

— Я Диктаторъ Земли. Императоръ Земли. Мнѣ подвластны народы. Мнѣ подвластны цари. Всѣ свободные, сильные, всѣ ничтожные, слабые— всѣ внизу, у подножья. Я одинъ надъ живущими.

И гдѣ радость? Гдѣ счастье? Я не знаю, не слышу: любишь ли? Ждешь ли?

Люблю тебя!

Будутъ счастливы всѣ. Будутъ радостны всѣ. Путь для нихъ уготованъ, звѣзды въ небѣ указаны, солнце явится скоро, день придетъ послѣ ночи.

Но гдѣ звѣзды мои? Нѣтъ тебя! И гдѣ солнце? Тебя нѣтъ! Путь неясенъ, томителенъ. Любишь ли? Ждешь ли?

Люблю тебя! Люблю тебя! Аріадна!

. . . .

— Мама!

Било десять часовъ.

VI

Въ этотъ день въ Петербургѣ вспыхнули серьезные безпорядки. Огромныя толпы народа съ одиннадцати часовъ утра запрудили всѣ главныя улицы. На углахъ вокругъ ораторовъ стали образовываться непроницаемыя кольца изъ слушателей. Городовыхъ, именемъ конституціи просившихъ не нарушать порядка, не слушали. Безсильны были патрули. Ничего не могли сдѣлать отряды конныхъ жандармовъ.

Къ часу дня распространилось извѣстіе, что озлобленная толпа рабочихъ, разгромивъ базаръ на Петербургской сторонѣ, перешла Троицкій мостъ, направляясь къ Маріинскому Дворцу, гдѣ засѣдалъ Земскій Соборъ. Надъ Невскимъ Проспектомъ стали рѣять многочисленные летательные аппараты, къ которымъ были подвѣшены гигантскіе плакаты: „Вся власть Диктатору!" „Долой народныхъ избранниковъ!" Одинъ изъ запасныхъ батальоновъ, по ошибкѣ не расформированный послѣ недавней войны съ Китаемъ, вышелъ на улицу, смѣшался съ манифестаціей. Съ огромными бѣлыми знаменами, на которыхъ было начертано: „Граж-

даже, подчиняйтесь эдикту!" „Большая Охта изъявляетъ покорность", „Да здравствуетъ Диктаторъ Міра!"—шли процессіи за процессіями.

За Аріадной на автомобилѣ заѣхала взволнованная Наташа.

— Со мною уже пять дамъ, Ади,—торопливо говоритъ она, объяснивъ вкратцѣ цѣль своего посѣщенія.—Хотя ты и не состоишь членомъ „Лиги правъ женщины", но мы тебя проведемъ вечеромъ въ спѣшномъ порядкѣ... Единогласно. Поѣдемъ? Мѣстъ въ автомобилѣ двѣнадцать. Огромный... Намъ нужно заполнить... Согласна? Прежде всего—къ Николаевскому Мосту... Тамъ задержали манифестацію горничныхъ... Мы должны образумить ихъ, Ади! Мы должны успокоить ихъ, Ади!.. Вѣдь, если прислуга не перейдетъ на нашу сторону, ты представляешь, что будетъ? Не перейдутъ матросы. Не перейдутъ пожарные... Городовые дрогнутъ. Солдаты... Мы потеряемъ представительный строй, Ади! Мы потеряемъ гарантіи, Ади! Ади, что же ты смѣешься? Не хочешь? Ади! Неужели ты не наша? Неужели ты за него?.. Ади!

— За Диктатора? Да, Ната. Конечно. Я — за Диктатора.

— За узурпатора? За насиліе надъ земнымъ населеніемъ? Ади, подумай, что ты говоришь! Ади, постыдись! Ну, что же, ѣдемъ? Послушай, вѣдь, мы же, въ концѣ-концовъ, подруги! Одѣвайся... Потомъ будемъ спорить! Принципіально!

— Нѣтъ, Ната. Я, вѣдь, сказала тебѣ. Ясно, кажется.

Корельскій зашелъ къ Аріаднѣ позже — около пяти. Предложилъ проѣхаться по городу.

— Лучше сиди дома,—тревожно уговариваетъ дочь Софья Ивановна. — Куда на улицу въ такое время? Слышишь, крики, гулъ. Еще подстрѣлятъ.

— Не безпокойтесь, Софья Ивановна,—возражаетъ Корельскій. — Нигдѣ никто не стрѣляетъ. Я буду остороженъ, въ случаѣ чего... Обѣщаю.

До угла Каменноостровскаго и Большого Проспекта кое-какъ добрались, нерѣдко останавливаясь и пропуская процессіи. Но черезъ площадь нельзя и думать проѣхать. Живой стѣной стоитъ густая толпа. Посреди, надъ ней, паритъ въ воздухѣ на легкомъ автоптерѣ какой-то рыжій молодой человѣкъ, размахиваетъ руками, выкрикиваетъ:

— Граждане! Мы не имѣемъ нравственнаго права повиноваться! Граждане, мы не имѣемъ соціальнаго права подчиняться! Граждане, протестуйте! Граждане, объединяйтесь!

— Бей провокатора! — раздается въ отвѣтъ нѣсколько голосовъ.—Бей! Бей!—гудитъ площадь. Въ автоптеръ летятъ палки и шапки. Молодой человѣкъ поднимается выше, кричитъ что-то. Поднимается еще выше, опять кричитъ. И, потрясая кулаками, скрывается, наконецъ, за ближайшей крышей. А изможденная женщина въ бѣломъ платкѣ машетъ возлѣ Аріадны костлявой рукой и неизвѣстно по чьему адресу вопитъ, вращая головой во всѣ стороны:

— Правильно! Правильно!

— Дорогіе друзья! — говоритъ, стоя на грузовомъ автомобилѣ, какой-то почтенный господинъ,

тщательно выбритый, съ золотымъ пенснэ на носу.—Я понимаю ту нервную атмосферу, которая создалась среди васъ, благодаря необычнымъ условіямъ двигательнаго и чувствительнаго паралича, созданнаго неизвѣстнымъ таинственнымъ насильникомъ...

— Ты самъ—неизвѣстный!

— Въ нашъ вѣкъ гигантскаго прогресса во всѣхъ сторонахъ соціальной жизни, мы не въ силахъ повернуть колесо исторіи назадъ, какъ того требуютъ эдикты № 1 и № 2. Анализируя государственныя правовыя нормы настоящаго времени и считая, что формальный правовой моментъ въ благоустроенномъ государствѣ всегда гармонически связанъ съ содержаніемъ жизни, мы должны неизбѣжно прійти къ заключенію, что требованіе незнакомца чистѣйшій нонсенсъ. Насъ, конечно, можно подвергнуть столбняку, каталепсіи, вызвать параличъ. О, да. Но что отсюда слѣдуетъ? Что мы должны отказаться отъ идеаловъ общественности? Отъ свѣтлаго будущаго? Нѣтъ, друзья! Намъ не по дорогѣ съ Диктаторомъ! Будемъ терпѣть. Будемъ лежать. Будемъ спать. Одинъ часъ, двѣ недѣли, годъ, пять. Не въ этомъ дѣло...

— Въ этомъ!

— Не въ этомъ дѣло, а...

— Въ этомъ! Въ этомъ! Никита, тащи его съ машины!

— Пять лѣтъ! Я-те полежу, бездѣльникъ!

— Спи самъ, чертъ!

— Довольно!.. Довольно!..

— Братцы! — вскакиваетъ на автомобиль ка-

кой-то парень въ картузѣ.—Послушайте меня! Имъ, этимъ господамъ, хорошо говорить! Имъ, барамъ, хорошо поспать годикъ, другой! Онъ лежитъ, а проценты текутъ! А нашему брату? Рабочему? Мастеровому? Гдѣ у насъ проценты? Гдѣ у насъ капиталы? Для него, въ канцеляріи, на засѣданіи, столбнякъ—какъ съ гуся вода. Впадетъ—и спитъ. Никакого различія! А какъ мнѣ, маляру? Или штукатуру и каменщику? Съ четвертаго этажа—трахъ на улицу? Шею ломать? Жизнь губить? Я предлагаю исполнить приказанія господина Диктатора! Они свое дѣло понимаютъ! Они насъ не обидятъ! Въ честь его сіятельства, уважаемаго Диктатора Міра, ура!

— Урррa!.. — гремитъ на площади. — Урра! — несется по улицамъ. — Ура!—осторожно киваетъ изъ окна сосѣдняго дома какой-то интеллигентъ съ тревожнымъ лицомъ.

Засѣданія въ этотъ день шли повсюду: въ „Клубѣ мануфактуристовъ-прогрессистовъ“, въ „Союзѣ возрожденія соціализма“, въ „Лигѣ борьбы съ новымъ средневѣковьемъ“, во всѣхъ профессіональныхъ, политическихъ, научныхъ и спортивныхъ объединеніяхъ. Въ „Американской гостиницѣ“ спѣшно былъ назначенъ банкетъ „Франко-русско-славянскаго Общества“, на которомъ долженъ былъ обсуждаться вопросъ о помощи со стороны Россіи Парижу, Прагѣ, Бѣлграду и Софіи отъ угрожающаго союзнымъ столицамъ столбняка. Въ Город-

ской Думѣ постановлено было экстренно образовать для борьбы съ двигательнымъ параличемъ санитарно-медицинскую комиссію. Что же касается Земскаго Собора и отвѣтственнаго передъ нимъ Кабинета министровъ, — то совмѣстное засѣданіе съ правительствомъ открылось въ половинѣ одиннадцатаго и сразу же приняло бурный характеръ.

Крайними правыми уже въ самомъ началѣ засѣданія былъ поставленъ вопросъ о довѣріи. До сихъ поръ, около двухъ лѣтъ, всѣ вопросы рѣшались въ Соборѣ въ строгой очереди — то лѣвымъ блокомъ, то правымъ. Благодаря равному числу депутатовъ въ обоихъ блокахъ, перевѣсъ всегда давали три представителя одной изъ многочисленныхъ новыхъ православныхъ сектъ—секты „Братьевъ-Молчальниковъ“. По уставу секты, вступавшіе въ нее члены не должны были заниматься мірскими вопросами; но суровый законъ 1943 года о принудительномъ избирательномъ правѣ не дѣлалъ ни для кого изъ россійскихъ гражданъ исключенія. Сидя молча въ Соборѣ, не обмѣниваясь мнѣніями и не выступая съ рѣчами, фракція „Братьевъ-Молчальниковъ“, чтобы не обидѣть никого, давала свои голоса въ четныя числа мѣсяца — лѣвымъ, а въ нечетныя—правымъ. Сегодня, 22-го, слѣдовало ожидать, что молчальники будутъ голосовать съ лѣвыми и поддержатъ правительство. Но вопросъ о довѣріи, однако, неожиданно не получилъ разрѣшенія: отъ баллотировки молчальники воздержались. И когда депутаты шумными криками справа и слѣва потребовали, чтобы воздержавшіеся мотивировали свой отказъ отъ голосова-

нія въ такой отвѣтственный для жизни государства моментъ, старшій братъ-молчальникъ взошелъ на трибуну, поднялъ взоръ къ небу, кивнулъ головою налѣво, кивнулъ направо, махнулъ рукой и спустился внизъ при негодующемъ шумѣ парламента.

Не получивъ, такимъ образомъ, ни большинства, ни меньшинства, правительство къ тремъ часамъ пополудни заявило устами министра-президента о своемъ уходѣ въ отставку и отбыло. На площади возлѣ Маріинскаго Дворца вѣсть объ этомъ прокатилась въ несмѣтной толпѣ гуломъ грознаго одобренія. Толпа стала напирать на Дворецъ. Отрядъ конной полиціи едва сдерживалъ озлобленную массу, по всей площади громче и ярче раздавались призывные крики:

— Впередъ, братцы!

— Распустить ихъ!

— Да здравствуетъ Диктаторъ Міра!

— Засѣданіе Россійскаго Парламента продолжается, — торжественно говорилъ, между тѣмъ, во Дворцѣ предсѣдатель Собора послѣ того, какъ члены Правительства покинули свои мѣста. — Господа народные представители! Въ настоящій моментъ судьба Россіи въ нашихъ рукахъ. Отъ мудрости нашей зависитъ спасти отечество отъ грозящей опасности, или ввергнуть его въ пучину бѣдствій, бросивъ подъ ноги неожиданнаго міроваго тирана. Отъ городовъ и земствъ мною уже получены со всѣхъ концовъ необъятной родины многочисленныя привѣтствія отъ городскихъ думъ, земскихъ управъ, различнаго рода общественныхъ

организацій. Они вдохновятъ насъ на дальнѣйшую работу. Разрѣшите огласить?

— Просимъ! Просимъ!

— Отъ московскаго городского самоуправленія: „Московская городская Дума, придерживаясь славныхъ традицій своего великаго прошлаго, горячо протестуетъ противъ насильственнаго акта, въ видѣ эдиктовъ № 1 и № 2, попирающихъ всѣ права человѣка и гражданина, сводящихъ на нѣтъ достиженія Великой Французской Революціи. Гордая россійская общественность никогда не примирится съ чьими бы то ни было попытками посягнуть на суверенную волю русскаго народа. Народные избранники, вся Россія смотритъ на васъ! Будьте сильными до конца, будьте смѣлыми до послѣдняго шага. Москва съ вами! Городской голова Иванъ Лодочкинъ.“

— Урра!..

— Послать благодарность!

— Просимъ!

— Отъ тверского губернскаго земства: „Только республиканскій строй, основанный на высшихъ началахъ гуманности, справедливости, прогресса, морали, науки, техники, литературы, поэзіи, музыки, спорта и эмансипаціи женщинъ можетъ привести нашу дорогую родину къ свѣтлому и счастливому неизвѣстному будущему. Не уступайте насилію! Предсѣдатель губернской земской управы князь Тигровскій.“ Изъ Гомеля отъ Союза аптекарскихъ учениковъ: „Мы, аптекарскіе ученики города Гомеля, заслушавъ на общемъ собраніи возмутительные эдикты узурпатора, категорически всѣмъ су-

ществомъ, протестуемъ и требуемъ немедленнаго прекращенія насильственныхъ дѣйствій противъ вселенной. Предсѣдатель союза Абрамъ Ципельманъ." Отъ харьковскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ...

— Просимъ огласить, кто за Диктатора!—раздался, вдругъ, возгласъ съ крайней правой.—Профессора и студенты согласны на роспускъ!

— Не мѣшайте предсѣдателю читать!

— Просимъ огласить! Это нечестно!

— Оскорбленіе предсѣдателя! Недопустимо!..

— Отъ кустарей прочтите! Отъ кустарей!

— Прошу высокое собраніе... — звонитъ предсѣдатель. — Прошу...

— Долой!

— Позоръ! Позоръ!

— Долой!

Къ половинѣ десятаго вечера залъ засѣданія превратился въ бурно-кипящій котелъ изъ человѣческой массы, потрясавшей руками, стучавшей пюпитрами, что-то кричавшей. Предсѣдатель непрерывно звонилъ, пристава сновали по залу, стараясь не допустить рѣзкихъ эксцессовъ. И въ это самое время на площади, глухо рычавшей въ виду приближенія зловѣщей ночи, судьба народовластія была рѣшена. Бодрымъ, привычнымъ шагомъ, къ площади подошелъ гвардейскій экипажъ въ полномъ составѣ для изъявленія покорности Диктатору Міра, и осмѣлѣвшая толпа ринулась во дворецъ, проломивъ тяжелыя двери.

— Долой народную волю! — кричалъ бравый радіотелеграфистъ, измѣнившій сегодня утромъ

своей партіи и ставшій во главѣ проникшаго во Дворецъ вооруженнаго отряда. — Немедленно распуститься!

Этотъ крикъ гулко раздавался вокругъ, такъ какъ депутатовъ въ залѣ уже не было. Только за центральными тремя пюпитрами спокойно сидѣли три брата-молчальника и молча смотрѣли на вошедшихъ.

— Депутаты? Составляй телеграмму! Живо!

Младшіе братья закивали въ отвѣтъ головами, радостно показывая руками на старшаго. А старшій поднялся на предсѣдательское мѣсто, досталъ изъ кармана карандашъ, бумагу, посмотрѣлъ счастливыми глазами на зіяющія депутатскія мѣста, облегченно поднялъ глаза кверху, перекрестился и написалъ:

„Его Міровому Величеству
Диктатору Міра.

Отъ имени двухсотмилліоннаго населенія Россіи изъявляю покорность.

Фаддей Чубуковъ,
депутатъ бугурусланскій.“

VII

Жуткіе дни наступили въ западной Европѣ.

Представительныя учрежденія, существовавшія повсюду въ видѣ уступки правящей соціалистической партіи старымъ европейскимъ демократическимъ принципамъ, въ вопросѣ о подчиненіи эдиктамъ таинственнаго Диктатора слились съ соціалистами въ общемъ порывѣ негодованія. Были забы-

ты принципіальныя несогласія, оппозиціонныя настроенія, расхожденія во взглядахъ на ограниченія права собственности, права торговли, на національзацію крупныхъ предпріятій, которую соціалистическія правительства изъ года въ годъ проводили въ порядкѣ систематической постепенности.

День 22-го мая прошелъ тревожно во всѣхъ столицахъ. Какъ и въ Петербургѣ, всюду были многочисленные митинги, засѣданія, собранія. Огромныя толпы манифестировали на улицахъ. Многочисленные ораторы — на автоптерахъ, на автопланахъ, въ аэробусахъ, на улицахъ, на подземныхъ дорогахъ—призывали народъ сплотиться, не уступать насильнической власти узурпатора.

Но, въ противоположность Петербургу, гдѣ противъ народныхъ избранниковъ выступили рабочіе, .армія, флотъ и монархически настроенная молодежь,—здѣсь, въ Европѣ, уличная толпа вела себя сдержанно, неопредѣленно, не высказываясь ни за Диктатора, ни противъ него. Въ Берлинѣ произошло нѣсколько несчастныхъ случаевъ изъ за давки автоплановъ возлѣ Рабочаго Дворца; въ Парижѣ оказались растоптанными нѣсколько человѣкъ на центральномъ рынкѣ, куда парижане съ утра бросились закупать пищевые продукты.

Къ двѣнадцати часамъ ночи, ни одинъ европейскій парламентъ не сдался. Рейхстагъ и Рабочій Государственный Совѣтъ закрыли совмѣстное засѣданіе въ часъ дня, постановивъ оказывать пассивное сопротивленіе насилію. Французская Палата Депутатовъ, совмѣстно съ Рабочимъ Сенатомъ, вынесла резолюцію о передачѣ вопроса на арбит-

ражъ Лиги Націй. Что же касается англійской Палаты Общинъ и Палаты Рабочихъ, то члены обоихъ учрежденій днемъ спокойно разошлись по домамъ, а къ позднему вечеру вернулись обратно въ Палаты, въ глубокомъ молчаніи расположились на своихъ мѣстахъ, безъ пяти минутъ двѣнадцать погасили свои трубки и, пропѣвъ „никогда, никогда, никогда англичанинъ не будетъ рабомъ“,—впали въ глубокій сонъ.

Прошло двѣ недѣли. Въ Петербургѣ—оживленіе, жизнь идетъ своимъ чередомъ. Интеллигенція быстро приспособилась къ новой политической конъюнктурѣ. Крайніе лѣвые, лишенные возможности заниматься политикой, принялись за составленіе мемуаровъ и собираніе архивовъ; крайніе правые, лишенные той же политической возможности, стали свободные часы посвящать детальному изученію россійской исторіи, географіи, этнографіи.

Въ Россіи укрѣпилась твердая власть, населеніе вернулось къ обычной мирной трудовой жизни. А въ Европѣ—смятеніе. Глубоко спятъ столицы, глухо ропщутъ провинціи. Каждый день, въ часъ пополудни, по гринвичскому времени, оживаютъ Берлинъ, Парижъ, Лондонъ, Римъ. Пользуясь двухчасовымъ перерывомъ, многіе бѣгутъ вглубь страны, захвативъ что можно изъ домашняго скарба. Въ аэробусахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, начинающихъ дѣйствія къ этому времени, мѣста берутся съ боя, пассажиры сидятъ на крышахъ вагоновъ, висятъ ухватившись за подножки поѣздовъ-цеппелиновъ.

Идти пѣшкомъ рѣшаются немногіе. Районъ паралича не ограничивается только территоріей сто-

лицъ. На полтораста километровъ вокругъ—всѣ города и села испытываютъ участь центра: каждый день впадаютъ въ сонъ, каждый день возвращаются къ жизни только на два часа. Постепенно пустѣютъ столицы, наглухо заколачиваются оставляемыя жильцами квартиры. Но сотни тысячъ—все-же упорно держатся, не желая оставлять громоздкаго имущества, продолжаютъ переносить бѣдствіе, лихорадочно снуютъ по улицамъ, стараясь успѣть въ перерывѣ закончить самыя необходимыя свои дѣла. Бойко торгуютъ магазины, базары. Спѣшно жарятъ и варятъ хозяйки, чтобы накормить дѣтей и мужей. На французскихъ бульварахъ происходитъ торопливый флиртъ съ разсчетомъ на прекращеніе къ тремъ часамъ дня. На площадки лондонскихъ спортивныхъ обществъ слетаются молодые люди, дѣлаютъ быстрыя физическія упражненія, перебрасываются мячами и несутся обратно, чтобы поспѣть домой къ началу паралича.

Наиболѣе состоятельные обитатели столицъ, имѣющіе собственные летательные аппараты, пытались вначалѣ приспособиться къ новымъ условіямъ. Отлетая послѣ часа дня далеко за предѣлы зловѣщей зоны, они возвращались въ городъ значительно позже трехъ часовъ, когда все уже было погружено въ сонъ. Но уловка оказалась безцѣльной. Какъ бы въ предвидѣніи этого, ежедневно, въ разное время, на столицы добавочно направлялась неожиданная волна столбняка, не измѣнявшая состоянія уснувшихъ, но повергавшая въ сонъ всѣхъ вновь прибывшихъ въ столицу. И обстоятельство это не только ликвидировало попыт-

ки обойти наказаніе, но сразу остановило наплывъ на спящіе города праздныхъ любителей зрѣлищъ, сократило налеты газетныхъ корреспондентовъ.

На третьей недѣлѣ сдались всѣ небольшія державы, за исключеніемъ Швейцаріи. Изъявили покорность и согласились на условія обоихъ эдиктовъ: Чехословакія, Румынія, Давія, Швеція, Норвегія, Югославія, Болгарія, всѣ южно-американскія республики. Греція, признавшая Диктатора уже въ концѣ первой недѣли, въ началѣ второй, благодаря смѣнѣ правительства, отказалась отъ даннаго слова; въ концѣ второй—снова признала, къ началу третьей опять отказалась и окончательно согласилась подчиниться только на пятой недѣлѣ. Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, Римъ, Вашингтонъ продолжали сопротивленіе. Правительства, для руководства политической жизнью, перебрались въ провинціальные центры; но члены Палатъ, Совѣтовъ и Сенатовъ оставались въ столицахъ, опасаясь своимъ переѣздомъ навлечь столбнякъ на новыя мѣста и вызвать этимъ взрывъ негодованія во всей странѣ.

Однако, пока европейскіе и американскіе народные избранники упорно пребывали въ состояніи оцѣпенѣнія, научная мысль въ провинціальныхъ городахъ лихорадочно работала надъ раскрытіемъ тайны невѣдомаго мірового тирана. Изъ наблюденій надъ находившимися въ параличѣ столичными гражданами было строго установлено, что явленіе это аналогично каталептическому состоянію во время гипноза и получается отъ дѣйствія на организмъ какого-то невѣдомаго физическаго раздражителя.

Установлено было также, что излученіе неизвѣстной энергіи, приводящей къ каталепсіи, происходитъ въ направленіи съ юго-востока на сѣверо-западъ; случай съ Миттенвальде, гдѣ сѣверо-западная часть города была погружена въ сонъ, въ то время какъ юго-восточная оказалась незатронутой, съ очевидностью доказывалъ это. Кромѣ того, знаменитые французскіе психофизіологи Жанъ Мартэнъ Леско и Альфредъ Биге, засыпая на противоположныхъ окраинахъ Парижа и отмѣчая моментъ потери сознанія при помощи самопишущихъ приборовъ, нашли, что дѣйствіе неизвѣстнаго раздражителя постепенно начинается въ юго-восточной части города и передвигается на сѣверо-западъ, охватывая всю столицу только по истеченіи нѣсколькихъ секундъ, а именно: minimum—3,1545 сек., maximum —7,0024.

Приблизительно тѣ же результаты относительно направленія радіотелеграфной волны были получены нѣмецкими физиками Гуго Мерцомъ и Беннэ Мейеромъ, сдѣлавшими по способу Штольцмана одновременныя засѣчки во время полученія эдикта № 2 на радіостанціи въ Ганноверѣ и въ Мюнхенѣ. Какъ и французскіе психофизіологи, Мерцъ и Мейеръ утверждали, что мѣстопребываніе самозваннаго Диктатора находится на юго-востокѣ отъ Европы, а именно—въ Тихомъ Океанѣ, около Маріанскихъ Острововъ. Но въ то время, какъ радіотелеграфная волна шла въ Берлинъ по линіи—Фюрстенвальде, лабораторія „Ars“, Кіевъ, Тибетъ, Формоза, Маріанскіе Острова,—каталептическая волна двигалась на Парижъ со стороны острововъ Фиджи,

нигдѣ на востокѣ не пересѣкаясь съ направленіемъ Маріанскіе Острова—Берлинъ. Возникшій на этой почвѣ споръ между французскими и нѣмецкими авторитетами былъ горячъ и упоренъ, такъ какъ нельзя было допустить, чтобы узурпаторъ власти телеграфировалъ съ Маріанскихъ Островов, а производилъ каталепсію съ Островов Фиджи, удаленныхъ другъ отъ друга болѣе чѣмъ на 4000 километровъ. Не много ясности внесла въ этотъ споръ и примирительная прагматическая гипотеза англійскаго психолога Джемса Купера, согласно которой самозванныхъ диктатора было два.

VIII

Настроеніе у Софьи Ивановны весь этотъ мѣсяцъ было радостное, праздничное. Несмотря на свои 65 лѣтъ, она участвовала въ торжественныхъ крестныхъ ходахъ, устроенныхъ петербургскимъ духовенствомъ по случаю принятія Императоромъ всей полноты самодержавной власти, ходила встрѣчать Царя, переѣхавшаго изъ Ливадіи въ Петербургъ и принятаго восторженной столицей съ небывалымъ энтузіазмомъ.

Въ связи съ событіями Аріадна, какъ будто, тоже немного повеселѣла. Все, что произошло, вполнѣ совпадало съ ея мечтами о возстановленіи былого могущества Россіи, о возвращеніи родины къ прочнымъ историческимъ традиціямъ. Въ личной жизни Аріадны за это время произошло также нѣсколько пріятныхъ событій: генералъ Горевъ устроилъ ее диктофонисткой въ Главный

Штабъ; Корельскій, раздражавшій своей назойливостью и прозрачными намеками на нѣжныя чувства, улетѣлъ по дѣламъ въ Парижъ. И, наконецъ, что, можетъ быть, самое главное—она нѣсколько разъ наединѣ говорила съ Владиміромъ, который самъ вызывалъ, долго задерживалъ у телефона, жаловался, что настроеніе у него сейчасъ почему-то тяжелое, подавленное.

Говорили о политикѣ, о посторонних вещахъ... Но по тону голоса видно: дѣйствительно грустить. Дѣйствительно тоскуеть... А это такъ хорошо!

Послѣ службы, за вечернимъ чаемъ, Аріадна читаетъ вслухъ газеты. Софья Ивановна слушаетъ. Часто проситъ разрѣшенія присоединиться къ нимъ во время чтенія и Владиміръ Ивановичъ. Никогда еще въ печати не бывало свѣдѣній столь любопытныхъ, сенсаціонныхъ, захватывающихъ. Во Франціи, Германіи и Англіи, въ связи со стобнякомъ, стали выходить новыя газеты: „Le Sommeil“, „L'homme dormant“, „Kataleptische Zeitung“, „Sleeping News“. И все, что печаталось въ нихъ, было жутко, загадочно, таинственно.

Однажды вмѣстѣ съ Владиміромъ читали вечерній выпускъ „Крестьянина“. Въ отдѣлѣ, посвященномъ заграничной жизни, была помѣщена замѣтка подъ заглавіемъ: „Страшная смерть въ Тихомъ Океанѣ.“ Въ ней говорилось, что около середины іюня японское товаро-пассажирское судно „Симбунъ“, вышедшее изъ Нагасаки въ Австралію, не пришло согласно своему расписанію въ Сидней и, въ виду свирѣпствовавшаго въ районѣ Каролин-

скихъ Острововъ тайфуна, считалось погибшимъ. 22 іюня, однако, англійскій крейсеръ „Уоркеръ“, подходя къ острову Эндербери въ Полинезіи, встрѣтилъ „Симбунъ“, качавшійся на волнахъ въ открытомъ океанѣ безъ признаковъ управленія. Оказалось — вся команда и всѣ пассажиры судна были мертвы. Никакихъ признаковъ насильственной смерти обнаружить не удалось. Матросы найдены почти въ томъ положеніи, въ какомъ находились во время работы. Окоченѣвшіе пассажиры сидѣли за столомъ въ каютъ-компаніи, нѣкоторые найдены утонувшими въ холодномъ бассейнѣ во время купанія, большая группа приняла смерть въ залѣ фонокинематографа во время демонстраціи фильмы...

— Можетъ быть, Диктаторъ? — испуганно прерываетъ дочь Софья Ивановна.—Дальше не говорится, Адикъ?

— Сейчасъ... Погоди.

Аріадна смотритъ въ газету, отыскиваетъ мѣсто, на которомъ остановилась, внезапно блѣднѣетъ.

— Я такъ и знала... Арестованъ!..

— Кто арестованъ? Что съ тобой? Адикъ!

— Штральгаузенъ!..

— Штральгаузенъ? — съ любопытствомъ переспрашиваетъ Владиміръ Ивановичъ. — За что? Интересно! Прочтите, Аріадна Сергѣевна... Если не очень разстроены.

— Разстроена? Да, мнѣ, конечно, непріятно. Мы съ докторомъ большіе друзья.

— Ну, вотъ еще, друзья! Читай, Адикъ, читай. Въ чемъ дѣло? А?

Огромная корреспонденція... Изъ Франкфурта на Одерѣ. Въ началѣ—подробности ареста. 25 іюня, около 4 часовъ дня, на своемъ аэропланѣ послѣ почти полуторамѣсячнаго отсутствія вернулся въ лабораторію „Ars“ докторъ Штральгаузенъ. Видъ у него былъ измученный, жалкій; на вопросы помощника и служащихъ отвѣчалъ разсѣянно, безсвязно; по прибытіи тотчасъ же отправился къ себѣ въ кабинетъ, заперся на ключъ.

Милиція прибыла черезъ двадцать минутъ на служебномъ аэробусѣ изъ Франкфурта и окружила лабораторію, занявъ всѣ входы и выходы. Отвезенный во Франкфуртъ, Штральгаузенъ былъ подвегнутъ допросу, держалъ себя сначала презрительно-спокойно, затѣмъ вдругъ, въ рѣзкомъ припадкѣ заявилъ, что его никто не смѣетъ задерживать, такъ какъ въ его власти уничтожить населеніе всего Земного Шара и, наконецъ, разрыдался, заявивъ, что никакого отношенія къ Диктатору Міра онъ не имѣлъ и ие имѣетъ.

Улики противъ Штральгаузена оказались, однако, очень серьезными. Въ слѣдственномъ матеріалѣ, собранномъ за послѣдній мѣсяцъ, находилось, между прочимъ, указаніе, что еще въ ноябрѣ прошлаго 1949 года, недалеко отъ лабораторіи „Ars“, въ мѣстечкѣ Шлабенъ, мѣстные жители съ удивленіемъ наблюдали у себя ежедневно, въ разное время дня и ночи, странное нервное недомоганіе, временами переходившее въ состояніе легкаго паралича. Извѣстіе это, сообщенное франкфуртскими газетами, не обратило на себя достаточнаго вниманія остальной періодической печати. Однако,

нынѣ, свидѣтельскими показаніями установлено, что именно въ эти дни докторъ Штральгаузенъ безъ всякаго повода посѣщалъ Шлабенъ, велъ бесѣды въ мѣстными жителями, интересовался всѣмъ, что касалось ихъ жизни.

Отсутствіе арестованнаго во время появленія эдикта № 2 и нежеланіе дать отвѣтъ о своемъ мѣстопребываніи въ послѣдніе полтора мѣсяца, усугубляло подозрѣнія властей. Подъ сильнымъ конвоемъ докторъ Штральгаузенъ былъ перевезенъ изъ Франкфурта въ Мюнхенъ, гдѣ находится въ настоящее время бѣжавшее изъ Берлина германское правительство. Но, къ всеобщему удивленію, послѣ секретнаго допроса, произведеннаго самимъ Прокураторомъ Республики, арестованный былъ немедленно освобожденъ и, въ сопровожденіи германскаго верховнаго Комиссара по морскимъ дѣламъ, вернулся въ лабораторію „Ars". Всю ночь съ 26-го іюня на 27-ое верховный Комиссаръ провелъ въ кабинетѣ доктора. А 27-го іюня, рано утромъ, сѣвъ въ свой аппаратъ, докторъ снова внезапно исчезъ, окутавъ весь прилежащій къ лабораторіи районъ газомъ небулиномъ, чтобы избѣжать погони аэроплановъ многочисленныхъ газетныхъ корреспондентовъ.

IX

Въ началѣ іюля въ Петербургъ вернулся Корельскій. Очевидно, обиженный чѣмъ-то, онъ зашелъ къ Аріаднѣ только черезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія и пробылъ недолго, всего около часа.

— Ну, какъ въ Европѣ?—спрашиваетъ Софья Ивановна. — Я читала, что Испанія приняла условія. Говорятъ, большія междуусобія были?

— Да, въ Мадридѣ ежедневно шелъ бой на улицахъ, — сухо отвѣчаетъ Корельскій. — Просыпались къ часу дня, схватывались за оружіе и дрались, пока не засыпали... А что у васъ новаго, Аріадна Сергѣевна? Я, между прочимъ, вызывалъ васъ нѣсколько разъ по нашему телефону. Но почему-то никогда не заставалъ.

— Да, я теперь служу. Возвращаюсь только къ шести. Устаю.

— Все-таки служите? Охота вамъ! А мнѣ предстоитъ на-дняхъ опять поѣздка. На тайный съѣздъ европейскихъ физіологовъ въ Лейпцигѣ. Будемъ обсуждать возможныя мѣры борьбы съ каталепсіей. Этому насилію, дѣйствительно, нужно положить конецъ.

— Конецъ?—обидчиво удивляется Софья Ивановна.—Совершенно напрасно, дорогой мой. Нужно, наоборотъ, благодарить Бога, что все это началось, а вы говорите—конецъ.

— Насколько я помню, вы стояли раньше за абсолютизмъ, Глѣбъ Николаевичъ...—говоритъ Аріадна, насмѣшливо взглядывая на Корельскаго.— Откуда, вдругъ, такая перемѣна? Вѣдь, не такъ давно это было...

Корельскій краснѣетъ.

— Да, это было, Аріадна Сергѣевна. Но я стоялъ не за подобное возмутительное обращеніе съ людьми. Я предполагалъ естественный внутренній переходъ къ самодержавію, а не насильствен-

ный, извнѣ. У человѣчества, согласитесь, все-таки, должно быть какое-то достоинство.

— У человѣчества?—восклицаетъ Софья Ивановна, не давъ Аріаднѣ возможности возразить.— Никакого! Я вамъ скажу, миленькій: теперь въ наше время, даже отдѣльный человѣкъ, и тотъ часто не понимаетъ, гдѣ у него достоинство, а гдѣ простое свинство. А вы... ишь куда хватили: человѣчество! Нѣтъ, нѣтъ. Дай Богъ ему здоровья, Диктатору. Молодчина онъ!

Когда Корельскій ушелъ, Софьѣ Ивановнѣ стало неловко, что спорила она слишкомъ рѣшительно, пожалуй, даже, нѣсколько рѣзко. И стала упрекать Аріадну.

— Ты слишкомъ холодна съ нимъ, Адикъ. Къ чему такой насмѣшливый тонъ, пренебреженіе? Я понимаю, онъ можетъ тебѣ не нравиться. Да. Я сама сильно разочаровалась. Но не забывай, сколько онъ сдѣлалъ для насъ тогда, въ Берлинѣ. И при переѣздѣ сюда. Нужно быть вообще снисходительнѣе, Адикъ, терпимѣе.

— Что же дѣлать, мама, если онъ мнѣ противенъ? Я оффиціально съ нимъ вѣжлива... Достаточно этого.

— А въ Народный Домъ отказалась идти? Пойди, Адикъ, Богъ съ нимъ! Тѣмъ болѣе, сама хотѣла, а одной все равно неудобно... Провожатый будетъ.

Аріадна улыбнулась, ничего не отвѣтила. Но когда на слѣдующій день вернулась со службы, Софья Ивановна объявила, что Корельскій черезъ часъ заѣдетъ.

— Вѣдь, я же отказалась вчера?—хмурится Аріадна.—Какъ же такъ?

— Ты не сердись, Адикъ... Но знаешь, виновата, въ сущности, я. Я сказала, что ты не идешь со мной къ Горевымъ и согласна послушать ораторію... Адикъ, не дѣлай такихъ глазъ! Мы обязаны быть вѣжливыми съ тѣми, кто къ намъ хорошо относится... Ну, Адикъ... Прости! Въ послѣдній разъ, честное слово! Вѣдь, вотъ языкъ... Сама не знаю, кто меня тянулъ? Ахъ, Господи, Господи!..

На территоріи Народнаго Дома, вглубинѣ, тамъ, гдѣ нѣкогда была обширная пустая площадь, отведенная подъ балаганчики, рестораны, открытыя сцены, бараки для танцевъ, теперь красуется величественное зданіе съ громадными залами, съ зимнимъ садомъ, съ аудиторіями для устройства докладовъ и диспутовъ. Тутъ помѣщается спеціальный театръ безъ сцены для слушанія европейскихъ радіоконцертовъ и радіозасѣданій; здѣсь находится темный залъ подъ названіемъ „Шумы Земли", куда передаются звуки радіотелефона со всѣхъ концовъ земного шара, гдѣ въ ослабленномъ видѣ можно услышать одновременно жуткій гулъ земныхъ столицъ, прибой морей, свистъ вѣтровъ, пѣсни, музыку, богослуженія, ревъ народныхъ скопленій, крикъ о помощи съ тонущихъ въ океанѣ судовъ.

Тутъ же, въ центрѣ зданія, и спеціальный амфитеатръ для духовныхъ собраній. Днемъ, обычно,

происходятъ диспуты проповѣдниковъ всевозможныхъ религіозныхъ сектъ, отчасти недавно возникшихъ, отчасти возродившихся изъ глубинъ первыхъ вѣковъ христіанства. По вечерамъ—идутъ духовные концерты, охотно посѣщаемые петербургскою публикой.

Корельскій, къ неудовольствію Аріадны, взялъ отдѣльную ложу. Глухія перегородки отдѣляютъ ее отъ сосѣднихъ; впереди, надъ барьеромъ, тяжелыя портьеры, спускающіяся въ обѣ стороны, подхваченныя наверху шнуромъ съ массивною кистью.

Она чувствуетъ: сегодня будетъ что-то рѣшающее. Онъ готовится говорить... Видно по напряженному выраженію лица, по непріятной задумчивости глазъ. Но отчасти хорошо. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Пусть узнаетъ разъ навсегда. Пусть услышитъ, если самъ до сихъ поръ не догадывается.

— Послѣдній разъ!—твердо рѣшаетъ про себя Аріадна. Она отодвигаетъ отъ Корельскаго кресло, садится ближе къ барьеру, осматриваетъ огромный круглый залъ театра. Со всѣхъ сторонъ, выше и выше,—притихшіе слушатели, тысячи застывшихъ фигуръ. Скоро начало. Идетъ ораторія „Вѣрую“.

Наверху, гдѣ обрывается послѣдній рядъ,—вмѣсто плафона—круто поднимающійся къ центру гигантскій балдахинъ, скрывающій хоры и мѣста для оркестра. Постепеннымъ закатнымъ угасаніемъ меркнетъ свѣтъ. Яркими звѣздами просвѣчиваютъ сквозь балдахинъ многочисленные огоньки невидимыхъ оркестровыхъ пюпитровъ.

. . . Вѣрую.

Все въ хаосѣ, въ смятеніи. Въ страхахъ жизни —вселенная. Вздохъ морей, гулъ огня, крикъ вѣтровъ. Кто-то мрачный и злобный, проклинающій смертью, взывающій бурей, тяжкой поступью переходитъ бытье, погружается въ тьму.

— Вѣрую...—наверху раздается неясно, безсвязно. Хоръ младенческихъ лепетовъ, дрожь родившихся голосовъ. Гдѣ-то тамъ: среди гаснущихъ молній, вслѣдъ уходящей грозѣ. На пришедшихъ волнахъ тихо плещущихъ струнъ.

— Вѣрую, вѣрую!—поднимаются въ разныхъ концахъ громкіе возгласы.—Вѣрую, вѣрую,—присоединяются окрѣпшіе, новые.—Вѣрую!—ширится всюду, стихійно, ликующе. Звуки радости, стона, умиленія, трепета, мѣдь восторженныхъ кликовъ, величайшій аккордъ колѣнопреклоненнаго ужаса и просвѣтленной любви.

. . . . „Во единаго Бога Отца!..“

Разверзается небо. Въ диссонансѣ распада, въ созвучьяхъ творенья, въ треляхъ звѣздъ, въ метеорныхъ каденцахъ, въ неугаданныхъ, смутныхъ, безначальныхъ мелодіяхъ, все—безчисленно, множественно, едино, могущественно...

. . . . „Вседержителя!“

— Въ послѣдній разъ...—шепчетъ сзади Корельскій.

Въ послѣдній разъ! Она вздрагиваетъ: ея слова!

— Въ послѣдній разъ, Аріадна Сергѣевна... Я не буду больше говорить. Никогда. Быть можетъ, не увижусь. Не встрѣчу. Но сегодня—сегодня выслушайте.

. . . . „Творца Неба и Земли!“

— Я, вѣдь, знаю... Вы ко мнѣ холодны. Равнодушны. Я даже вижу иногда брезгливость... Отвращеніе. Но это пройдетъ. Вы не знаете, кто я. Вы не догадываетесь. Вы, какъ женщина, преклонитесь. Васъ побѣдитъ—сила... Могущество... Слава...

. . . . „Видимымъ же всѣмъ и невидимымъ...“

— Я сейчасъ для васъ—ничто. Тотъ, которыхъ милліоны. Безразличныхъ. Ненужныхъ. Я васъ знаю. Не прельститъ васъ богатство. Я могу собрать горы драгоцѣнныхъ камней. Дать все золото міра. Приказать положить къ ногамъ все, чѣмъ гордится земля... Но, мало, мало... Не нужно. Необходимо другое. Аріадна, я дамъ вамъ величіе. Безсмертіе. Какого не бывало въ исторіи. Вы будете первая... Среди живущихъ. Среди всѣхъ славныхъ, ушедшихъ... Вы будете повелительницей. Всей земли. Земного Шара. Передъ вами падутъ на колѣни короли. Императоры. На васъ будутъ молиться народы. Жизнь и смерть человѣчества въ вашихъ рукахъ. Счастье и горе его—въ вашихъ глазахъ. Аріадна, вы будете моей. Аріадна, вы будете со мной. Я васъ люблю. Я не въ силахъ побороть себя. Скажите... Одно слово... Скажите—да. Я раскрою всю тайну.

Аріадна блѣдна. Дрожатъ руки. Притаилось дыханіе. Она негодуетъ, молчитъ, ждетъ концаораторіи, послѣднихъ звуковъ.

Тамъ—поднимаются изъ гробовъ стучащія кости. Оживаютъ мертвецы, зажигаются блескомъ

радостныхъ пѣсенъ провалы глазъ. Встаютъ, выростаютъ, толпятся, трепещутъ... И грозныя трубы, и пѣнье безплотныхъ, и славословіе ангеловъ...

. . . . „И жизни будущаго вѣка..."

— Я ухожу. Вы—останетесь здѣсь,—говоритъ Аріадна. Лицо—неподвижно. Въ глазахъ презрѣніе. —Мы больше никогда не увидимся. Помните. Мнѣ стыдно и больно. Вы могли говорить безъ обмана. Безъ всей этой лжи. Прощайте.

Она направляется къ выходу. Корельскій схватываетъ ручку двери, смотритъ въ упоръ.

— Не вѣрите?

— Оставьте, прошу васъ.

— Не вѣрите? Да? Такъ вы узнаете! Повѣрите! Скоро! Отвѣчайте: не любите? Не полюбите? Аріадна... Сжальтесь... Аріадна... Не оставляйте... Любимая... Моя...

— Ступайте прочь!

X

Софья Ивановна еще не вернулась отъ Горевыхъ. Аріадна сняла пальто, шляпу, прошла въ гостиную.

За окномъ бѣлая ночь. Въ раскрытыхъ даляхъ —колокольни, купола, остроконечія крышъ. Наверху, въ оправѣ нѣжнаго неба, голубая звѣзда. Сѣверъ тихо сіяетъ. Подъ зеленой каймою золотой горизонтъ.

Аріадна сидитъ въ креслѣ, уронила голову на бархатъ, закрыла глаза. Пусто, жутко, ненужно...

. . . „Горы драгоцѣнныхъ камней. Золото міра... Вы будете первая!" Какъ смѣшно — въ этихъ

пошлыхъ устахъ, въ этой мѣщанской душѣ!.. „Среди всѣхъ живущихъ. Среди ушедшихъ...“ А, быть можетъ, — не ложь? А если вдругъ — онъ? Нѣтъ, нѣтъ! Штральгаузенъ! „Вы?“ „Я.“ Ужасный смѣхъ. И тогда было страшно. Генiй! Великiй мозгъ. Только почему же слова: „жизнь и смерть человѣчества въ вашихъ рукахъ?.. Счастье его въ вашихъ глазахъ?..“

Въ сознанiи переплелись пути смѣшавшихся мыслей. Стучитъ болью въ вискахъ, тяжело дышитъ грудь. Все не то, все не то, все не то!..

— Владимiръ Ивановичъ!

Она держитъ въ рукахъ микрорадiотелефонъ. Ждетъ отвѣта. Гдѣ-то — неясные звуки. Шаги...

— Я не слышалъ, простите.. Софья Ивановна?

— Я

— Арiадна Сергѣевна!.

Голосъ, раньше глухой и сонный, быстро проясняется. Владимiръ мгновенiе ждетъ.. Говоритъ:

— Вы меня вызвали Наконецъ-то За все время — второй разъ.

— Да, второй.

— Мало, неправда-ли?

— Мало.

Она держитъ телефонъ на колѣняхъ Смотритъ на пятно мембраны, окруженной сiянiемъ. Не отводитъ глазъ.

— Вы... одна?

— Одна.

— Хотите, разскажу вамъ новости про своего Аноа?

— Нѣтъ.

— А про Бабирузу?

Молчаніе

— Ну, въ такомъ случаѣ, у меня есть для вашего вниманія любопытное наблюденіе надъ птенцами Амадины...

— Не нужно, Владиміръ Ивановичъ.

— Не нужно?

Ироническій тонъ исчезаетъ. Неожиданно слышится заботливость, участіе.

— Не нужно... дрогнувшимъ голосомъ повторяетъ Павловъ. — Хорошо... Но, можетъ быть, тогда...

— Я хочу молчать. И чтобы вы — молчали. Нѣтъ, впрочемъ, нѣтъ. Говорите. Говорите. Мнѣ нужно. Ахъ, я сама не знаю, что нужно! Я ничего не знаю!.. Мнѣ тяжело... Я устала. Устала!..

— Аріадна!

Тихо

— Аріадна! Ади!

Молчаніе.

— Ты вернулась!.. Я чувствую! Ты вернулась. Скажи... Вернулась? Ади!

— Владиміръ!..

— Любовь моя!.. Счастье! Наконецъ... Ади! Ади! Любимая... Свѣтлая... Родная...

— Говори!.. Я хочу... О себѣ... Обо мнѣ... Голосъ твой...

Она поднимаетъ яркій никкель. Держитъ возлѣ лица, обвиваетъ нѣжными пальцами. И въ глазахъ — все въ туманѣ. О блескъ бѣлой ночи въ слезахъ.

— Два мучительныхъ года, два томительныхъ года,—шепчетъ у лица Аріадны счастливый голосъ Владиміра. — Я хотѣлъ все забыть, я хотѣлъ все порвать... И нельзя. Невозможно. Вѣдь, это — ты! Вѣдь, это ты — мечта моя, моя жизнь, до конца, до дна, до послѣдняго вздоха! Я не видѣлъ тебя — ярче свѣтились глаза. Я не слышалъ тебя — громче вспоминались слова. Ади, два года, каждый день, я съ тобою вдвоемъ, только съ тобою, половъ тобою. Я, вѣдь, вѣрилъ, я зналъ: ты будешь опять. Будешь снова, какъ раньше. Но какая боль — это время! И какое страданіе — вдали!

Я здѣсь, въ храмѣ Бога, посреди океана. И красота міра—мучительная рана послѣ твоей красоты. Ясный день — хмуръ и сѣръ безъ улыбки... Въ звѣздномъ небѣ тусклы безъ взгляда ночные огни... И вотъ, снова,—счастье мое! Опять—радость моя! Ты любишь, Ади? Ты плачешь? Ади! Ты плачешь?

Она молчитъ. Но Владиміръ слышитъ: боль прерывистыхъ вздоховъ, подавленный стонъ... И шепотъ счастливыхъ лепечущихъ губъ:

— Какъ я измучилась... Какъ измучилась!

XI

Приближался конецъ іюля. Уже два мѣсяца, какъ въ непреклонномъ упорствѣ спятъ столицы, не идя на уступки таинственному захватчику власти. Была сдѣлана попытка въ Италіи перевести Парламентъ и Рабочую Комору изъ Рима въ Ми-

ланъ. Удалось устроить торжественное засѣданіе, вынести вторичное постановленіе о неподчиненіи насилію. Но на слѣдующій день Римъ, вдругъ, вернулся къ нормальной жизни, вмѣсто него впалъ въ тяжелое оцѣпенѣніе Миланъ.

Спятъ столицы... А въ провинціи — напряженный покой, зловѣщая тишина передъ чѣмъ-то роковымъ, неизбѣжнымъ. Каждый день засѣдаютъ правительства; совѣщаются въ глубокой тайнѣ съѣхавшіеся въ глухое мѣстечко Фольфгангъ, въ Швейцаріи, президенты непокорныхъ европейскихъ республикъ. И, какъ будто случайно, каждую ночь изъ Бреста, Тулона, Плимута, Нью-Іорка, Вильгельмсгафена и другихъ европейскихъ и американскихъ портовъ уходятъ куда-то одинъ за другимъ военные корабли, направляясь въ различныя моря, въ различные океаны.

На германскомъ гидролизъ-суперъ-дреднотѣ „Францъ Мерингъ“, уже пять дней тому назадъ вышедшемъ изъ Киля, въ просторной, уютно обставленной каютѣ, возлѣ стола на полукругломъ диванѣ сидятъ трое: вице-президентъ Рейхстага докторъ Штейнъ, извѣстный германскій географъ профессоръ Шмидтъ, директоръ потсдамской обсерваторіи знаменитый астрономъ, открывшій находящуюся за Нептуномъ планету Плутонъ, — профессоръ Гагенъ.

Штейнъ выѣхалъ по личной просьбѣ самого Прокуратора. Прокураторъ потребовалъ отъ него во имя блага Республики покинуть Берлинъ, гдѣ Рейхстагъ до сихъ поръ продолжалъ пассивное сопротивленіе, и безъ объясненія причинъ, обѣщая

раскрытіе плана только черезъ нѣсколько дней, просилъ отплыть на „Францъ-Мерингѣ".

Профессора Шмидтъ и Гагенъ, какъ не пользовавшіеся депутатской неприкосновенностью, были перевезены сюда неожиданно, послѣ внезапнаго и тайнаго ареста на своихъ квартирахъ. Въ газеты были даны свѣдѣнія, будто оба профессора обвиняются въ заговорѣ противъ Республики и сосланы въ одну изъ новыхъ африканскихъ колоній. Относительно доктора Штейна газеты были информированы также неправильно. Штейнъ самъ передъ отъѣздомъ сообщилъ корреспондентамъ о томъ, будто онъ ѣдетъ на совѣщаніе въ Вольфгангъ.

Дверь каюты заперта снаружи на ключъ. Каждый день приносятъ изысканный завтракъ, обѣдъ, кофе, ужинъ. Иногда заходитъ командиръ судна, самъ встревоженный, недоумѣвающій, такъ какъ три нумерованныхъ, запечатанныхъ пакета вручено ему для выполненія маршрута. Первый вскрытъ уже на тридцать седьмой параллели южной широты, вблизи острововъ Тристанъ да Кунья. Въ этомъ пакетѣ слѣдующимъ пунктомъ указаны Южные Оркнейскіе Острова, на юго-западъ отъ Тристанъ да Кунья. А дальше? Эта неосвѣдомленность командира успокаиваетъ самолюбіе доктора Штейна и обоихъ профессоровъ. Всѣ трое—соціалисты; но нѣмецкая дисциплина во имя Республики побѣждаетъ остальное. Они спокойны, не протестуютъ.

— Южный Крестъ стоитъ надъ горизонтомъ выше, чѣмъ на сорокъ пять градусовъ,—задумчиво говоритъ Гагенъ, подойдя къ иллюминатору и вглядываясь послѣ яркаго электрическаго свѣта въ

темноту ночи.—Профессоръ, на какой широтѣ Южные Оркнейскіе?

Этотъ вопросъ обращенъ къ Шмидту. Тотъ не выпуская журнала изъ рукъ и трубки изо рта, мрачно бормочетъ:

— Смотря какой островъ. Сѣверная оконечность Фрейинзеля—60 градусовъ 43 минуты. А секунды различны. По Джону Паркеру — 25. По Фридриху Цельнеру—27.

— 60? — испуганно произноситъ Гагенъ, поднимая воротникъ пиджака и слегка отступая. — А я не зналъ, что здѣсь такъ холодно! Зима!..

Онъ закрываетъ иллюминаторъ, садится. Начинаетъ снова допытываться у Штейна, не говорилъ-ли ему Прокураторъ, хотя бы намеками, о цѣли путешествія.

— Если это противъ Диктатора,—разсуждаетъ онъ,—то къ чему идти на юго-западъ? Вѣдь, доказано, что радіо излучается Маріанскимъ Архипелагомъ!

— Даю вамъ слово, профессоръ, что я знаю о цѣли поѣздки не больше, чѣмъ вы?

— Да, да... Ну, а случай съ „Симбуномъ“?..—продолжаетъ Гагенъ.—Или недавно съ „Коммонъ-Сенсомъ“? Вѣдь, это все—одно къ одному. Читали про исчезнувшую китайскую эскадрилью?

— Читалъ

— То-то и оно!

Гагенъ встаетъ, снова подходитъ къ иллюминатору, круто поворачивается, начинаетъ нервно ходить изъ угла въ уголъ.

— Я, во всякомъ случаѣ, думаю, докторъ, что

путешествіе наше не безопасно,—упавшимъ голосомъ говоритъ онъ.—Я даже думаю, если хотите знать, что оно очень опасно!

— Возможно, профессоръ,—спокойно соглашается Штейнъ. И беретъ со стола „Simplicissimus“.

Южные Оркнейскіе отошли къ Германіи по Цюрихскому договору 1943 года, послѣ Великой Газовой Европейской Войны. Всѣ острова сейчасъ въ глубокомъ снѣгу. Справа, сквозь бѣлую сѣть метели, видна громада главнаго острова; слѣва плоскій небольшой островокъ. На берегу нѣсколько европейскихъ построекъ, дальше—деревня изъ коническихъ шалашей, тѣсно примкнувшихъ другъ къ другу.

— Опустить трапъ!

Ѣдущій на суднѣ адмиралъ Штраусъ, стоя въ передней боевой рубкѣ, видитъ въ бинокль снующія возлѣ стоящаго на снѣгу аэроплана фигуры. Въ аппаратъ садятся два человѣка. Толпа разбѣгается. Аэропланъ быстро идетъ вертикально наверхъ, подъ прямымъ угломъ мѣняетъ направленіе, летитъ къ дредноту.

— Отставить трапъ! Подать гидропланъ-планумъ!

Грохочутъ цѣпи, гудитъ машина. И у лѣваго борта развертывается на упругихъ шарнирахъ, выдвигаясь въ море, громадный плоскій металлическій листъ. Адмиралъ самъ отдаетъ распоряженія; командиръ судна стоитъ рядомъ, съ удивленіемъ слѣдитъ за летящими.

— Вамъ извѣстно, кто долженъ прибыть, господинъ адмиралъ?—почтительно спрашиваетъ онъ.

— Такъ же извѣстно, какъ любому дельфину!

Аппаратъ замедляетъ ходъ. Остановившись вверху, замираетъ на мгновенье, начинаетъ тихо садиться.

— Адмиралъ Штраусъ,—говоритъ изумленному адмиралу, оставшись съ нимъ наединѣ, сошедшій съ аэроплана германскій морской комиссаръ Гельмъ.—Согласно постановленію Верховнаго Совѣта въ Вольфгангѣвамъ ввѣряетсякомандованіе всѣми вооруженными морскими и воздушными междусоюзными силами въ дѣйствіяхъ противъ самозваннаго Диктатора. Разрѣшите вручить документъ.

А черезъ нѣсколько минутъ въ каюту, гдѣ сидятъ докторъ Штейнъ, Гагенъ и Шмидтъ, входитъ укутанный въ мѣха кто-то измученный, злобный, бросается въ кресло, шепчетъ въ отчаяніи:

— Не могу... Не могу... Ничего не могу!..

Это—Штральгаузенъ.

XII

Планъ всеобщей морской и воздушной мобилизаціи, разработанный германскимъ морскимъ комиссаромъ Гельмомъ, оказался выполненнымъ съ блестящимъ успѣхомъ, съ соблюденіемъ строжайшей тайны, въ которую были посвящены только президенты и военно-морскіе министры великихъ державъ.

10-го августа, около полдня, къ острову Каро въ архипелагѣ Гильберта подошли, вдругъ, со

всѣхъ сторонъ сѣрые массивы боевыхъ кораблей. 1200 судовъ въ продолженіе часа поднялось у горизонта изъ безконечныхъ далей Великаго Океана. Болѣе 20000 газовыхъ истребителей неожиданно слетѣлось къ острову, застыло въ небѣ сомкнутыми рядами зловѣщихъ крыльевъ.

Корабли прибыли въ одиночномъ порядкѣ, не зная ничего другъ о другѣ, пройдя предварительно, согласно строго даннымъ маршрутамъ, сложный запутанный путь по океанамъ и по прилежащимъ морямъ. Военные летчики, до перехода къ архипелагу, безцѣльно сновали у береговъ Австраліи и Азіи, не вызывая ничьихъ подозрѣній, сами не понимая, почему каждый часъ, согласно расписанію въ приказѣ, имъ предписано измѣнять направленіе.

По прибытіи морскихъ и воздушныхъ союзныхъ силъ, по всѣмъ кораблямъ и летательнымъ машинамъ во избѣжаніе шпіонажа былъ отданъ приказъ: вынуть всѣ ключи передающихъ аппаратовъ, даже у рейдовыхъ радіостанцій, и сдать ихъ особой комиссіи на флагманскомъ кораблѣ „Францъ Мерингъ". Вокругъ линіи судовъ, далеко во всѣ стороны, были выдвинуты сторожевые посты субмаринъ, захватывавшихъ проходящія мимо торговыя суда, уничтожавшихъ ихъ радіоаппараты, уводившихъ къ острову въ качествѣ плѣнниковъ. Нѣсколько неизвѣстныхъ аэроплановъ, появившихся неожиданно на горизонтѣ и заподозрѣнныхъ въ принадлежности къ издательствамъ австралійскихъ и азіатскихъ газетъ, было немедленно уничтожено вмѣстѣ съ пилотами и пассажирами.

Командирамъ судовъ и начальникамъ воздушныхъ отрядовъ дежурные гидропланы Главнокомандующаго передали точныя инструкціи предстоящихъ на этотъ день дѣйствій. Въ виду исключительности обстановки, въ которой должна была вестись кампанія, связь между судами, вмѣсто обычнаго радіотелеграфированія, устанавливалась особыми, выработанными для этого случая, свѣтовыми сигналами и сигнализаціей флагами.

Не было еще двухъ часовъ, какъ о берегъ пустыннаго Каро забились внезапныя тревожныя волны. Взметнулась вокругъ, точно въ дни шторма, голубая вода. И полнымъ ходомъ, взрывая сталью океанъ, 1200 сѣрыхъ чудовищъ широкимъ фронтомъ въ 50 кильватерныхъ колоннъ ринулось ураганомъ на сѣверо-востокъ. Въ воздухѣ грозовой тучей, затмевающей небо, неслись аппараты. Все на пути уничтожалось, сметалось: торговыя суда, рыбачьи лодки, одинокіе воздушные путники. Никто на корабляхъ не зналъ, когда будетъ бой, гдѣ будетъ бой. Но всѣ знали, чувствовали: сегодня рѣшается судьба человѣчества.

— Ха-ха!—закинувъ назадъ обнаженную голову, скользя руками по прорѣзи рубки, смѣялся Штральгаузенъ.—Ха-ха! Будетъ весело! Будетъ!

Адмиралъ Штраусъ съ молчаливымъ негодованіемъ смотрѣлъ на знаменитаго ученаго. Комиссаръ Гельмъ снисходительно улыбался, стараясь подчеркнуть свое хладнокровіе.

— А вы увѣрены, господинъ комиссаръ, что

докторъ далъ точную широту и долготу? — недовѣрчиво кивнулъ адмиралъ головой на Штральгаузена.—Талантливымъ людямъ въ такихъ случаяхъ еще кое-какъ можно вѣрить. Но геніальнымъ—опасно.

— Комиссія изъ 258 ученыхъ и политическихъ дѣятелей подтвердила правильность выводовъ, господинъ адмиралъ.

— Въ группѣ Барбера не мало мелкихъ острововъ, господинъ комиссаръ, — продолжалъ, нахмурившись при напоминаніи о комиссіи, Штраусъ. — Я, во всякомъ случаѣ, не буду базироваться только на Арди. Для большаго спокойствія уничтожу всѣ острова на четыреста миль въ окружности.

— А моральная отвѣтственность передъ жителями, господинъ адмиралъ? — испуганно воскликнулъ Гельмъ.

Штраусъ сложилъ лицо въ презрительную гримасу. Снисходительно посмотрѣлъ на собесѣдника.

— Если вы мнѣ дадите опредѣленнаго врага, въ опредѣленномъ мѣстѣ и съ опредѣленной боевой сопротивляемостью, тогда я вамъ скажу, что такое мораль,—холодно произнесъ онъ.—А теперь, простите, я начинаю развертываніе фронта.

— Докторъ! Идемте! — громко произнесъ Гельмъ. — Докторъ! Пора!

— Будемъ драться? — со счастливой улыбкой обернулся Штральгаузенъ.—Будемъ драться! — добавилъ онъ, подойдя ближе, и одобрительно, вдругъ, хлопнувъ по плечу вздрогнувшаго отъ изумленія Штрауса.—Что вамъ, Гельмъ? Мы дру-

зья!—хитро подмигнулъ онъ Главнокомандующему. — Я — Диктаторъ, онъ—мой помощникъ. А васъ всѣхъ отправимъ на тотъ свѣтъ. Къ черту!

Произошло это поздней ночью. Еще на горизонтѣ нѣтъ признаковъ первыхъ островов Барбера. Но ближайшій изъ нихъ, Орсъ, уже почти въ предѣлахъ дальнобойныхъ орудій, на разстояніи 300 километровъ. Развернувшись гигантской дугою, застопоривъ машины, прекративъ переговоры чуть замѣтными искрами, остановились суда, прильнувъ къ темной груди океана, прячась въ мглистыхъ горизонтахъ безлуннаго неба.

Неподвижна вода. Недвижимъ воздухъ. Величава, торжественна океанійская пустыня. И, вотъ, на флагманскомъ кораблѣ—зеленая вспышка...

Безшумная аттака двадцати тысячъ аппаратовъ, внезапно поднявшихся съ воды, неожиданно ринувшихся въ темноту... Только гдѣ то вверху вздохнулъ воздухъ, пробудившійся отъ глубокаго сна. Странный вѣтеръ, неизвѣстно откуда, зашелестѣлъ водною гладью.

Адмиралъ Штраусъ стоитъ у микрофотоскопа, дающаго возможность наблюдать темныя дали. Онъ смотритъ... Ждетъ, пока аэропланы исчезнутъ совсѣмъ. И изъ груди — вдругъ неожиданный бѣшеный крикъ:

— Падаютъ!

Они перемѣшались. Столкнулись... Чернымъ дождемъ, съѣдающимъ звѣзды, рушатся внизъ,

исчезая въ водѣ. И въ ярости ударяетъ адмиралъ педаль сигнала:

— Островъ Орсъ! Готовиться къ бою!

— Адмиралъ! — кричитъ, вскакивая въ рубку Гельмъ.—Микрофотоскопъ .. Мы открыты! Назадъ!

— Нѣтъ! Впередъ!

Вторая педаль.

— Что вы дѣлаете? Адмиралъ!

— Я — Главнокомандующій!

Третья педаль.

— Пли!

И въ телефонъ:

— Полный ходъ!

Замелькали красныя искры... Пошли по всему горизонту. Взвыла отъ боли снарядовъ раненая тишина. Загудѣла.

— Сигналъ: полный ходъ! Всѣмъ фронтомъ!

— Назадъ! Именемъ Республики!

— Всѣмъ фронтомъ!

— Назадъ!!!

На верхней палубѣ, на бакѣ, гдѣ поручни срублены, стоитъ докторъ Штральгаузенъ, качается отъ ударовъ мятущагося воздуха, опьяненный радостью, восклицаетъ

— Я побѣдилъ!

А вокругъ—дыбится океанъ, брызжетъ фонтанами, поднимаетъ бѣлые факелы. Приказомъ безумнаго адмирала, мстящаго за гибель воздушныхъ соратниковъ, открытой аттакой идутъ на островъ суда. Исполосовано небо лучами прожекторовъ, рѣжутъ тьму стрѣлы боевыхъ молній, гигантскими арками стоятъ пути снарядовъ метеоритныхъ ору-

дій. Рычитъ, стонетъ развороченный воздухъ, пламенѣетъ ночь, ярится водная глубь.

Но — вдругъ — невѣрное движеніе машины... Хлестъ всплеснувшей волны... Въ языкѣ измученнаго океана исчезаетъ Штральгаузенъ.

И одно за другимъ стихаютъ орудія. Гаснутъ арки на небѣ. Слѣпыми глазами застыли прожекторы... Прорвавъ невидимую шаровую завѣсу смерти, безсмысленно мчатся впередъ, сжимая кольцо, одухотворенныя однѣми машинами безжизненныя стальныя чудовища-кладбища.

XIII

Извѣстіе о гибели международнаго флота пришло въ Европу только черезъ нѣсколько дней.

Верховный Совѣтъ объединенныхъ правительствъ въ Вольфгангѣ, не получая 11-го августа донесеній изъ Тихаго Океана, напрасно запрашивалъ поочередно всѣхъ морскихъ комиссаровъ, всѣхъ отдѣльныхъ командировъ судовъ и воздушныхъ эскадръ. Ни одного отвѣтнаго радіо, ни одной отвѣтной волны. Стали поступать, вмѣсто этого, жуткія сообщенія различныхъ телеграфныхъ агентствъ съ Сандвичевыхъ Острововъ, съ Филиппинъ, изъ Японіи. Въ этихъ сообщеніяхъ говорилось о таинственныхъ встрѣчахъ съ бѣшенно мчавшимися по океану дредиотами, не отвѣчавшими на салюты, не уклонявшимися отъ прямой линіи движенія въ мѣстахъ, густо усѣянныхъ островами.

Десятки кораблей съ мертвымъ экипажемъ бы-

ли уже обнаружены выбросившимися на берега Минданао. Нѣсколько сотъ найдено остановившимися за Гаваями, вдали отъ береговъ Калифорніи. Нѣсколько подошло къ самой Аляскѣ.

Катастрофа обнаружилась, наконецъ, во всѣхъ своихъ ужасающихъ размѣрахъ. Большинство кораблей исчезло. Вся воздушная армада стала добычею океана. Въ небывалой за всю исторію европейской цивилизаціи экспедиціи погибло около милліона моряковъ и летчиковъ; нѣсколько сотъ извѣстныхъ европейскихъ и американскихъ ученыхъ, тайно отправленныхъ на судахъ для участія въ экспертныхъ комиссіяхъ,—приняли смерть вмѣстѣ съ моряками. Та же участь постигла политическихъ дѣятелей, командированныхъ въ экспедицію Верховнымъ Совѣтомъ.

Въ Россіи гибель могущественнаго чужого флота, какъ всегда это бываетъ, не произвела большого впечатлѣнія ввиду чрезмѣрной своей грандіозности. Но въ Западной Европѣ и Америкѣ поднялась буря негодованія противъ правительствъ. Во всѣхъ крупныхъ центрахъ начались уличные бои, представители власти умерщвлялись. Усмирявшія безпорядки войска всюду переходили на сторону возставшихъ. Революція росла, ширилась.

И двадцатое августа стало историческимъ днемъ: радіостанція Вольфганга передала таинственнымъ островамъ Барбера согласіе великихъ Республикъ безпрекословно подчиниться эдиктамъ Диктатора.

„Дѣти мои, любезные Князья, Короли, Императоры!—говорилось въ опубликованномъ 25 августа эдиктѣ № 3.—Отнынѣ, въ дружномъ сотрудничествѣ съ Вами, приступаю я къ оздоровленію общественной жизни на нашей планетѣ.

Тяжела эта задача. Два милліарда человѣческихъ жизней ввѣрено нашему попеченію Волею Господа... Два милліарда испорченныхъ послѣдними столѣтіями душъ требуютъ очищенія отъ вредныхъ мыслей, пагубныхъ чувствъ, извращенныхъ желаній.

Но, безъ сомнѣнія, въ благодарность за снятую съ ихъ плечъ заботу о пріисканіи власти, всѣ народы любовно пойдутъ намъ навстрѣчу, охотно откажутся отъ политическихъ своихъ суевѣрій. Пусть они твердо знаютъ отнынѣ, что мы не посягнемъ на ихъ суверенное стремленіе къ порядку, никогда не бросимъ въ пучину безпредметной свободы, въ которой гибнутъ любовь къ Небу, вѣра въ Землю, просвѣтленная надежда на приближеніе къ Богу.

Мы не погребемъ ихъ въ гробахъ мертваго равенства. Освободимъ отъ рабской боязни быть честнѣе преступника, быть мудрѣе глупца. Мы не потребуемъ братства въ соревнованіи жизни. Соединимъ всѣхъ—въ братствѣ, свободѣ и равенствѣ передъ Благодатью Всевышняго.

Тяжела наша задача, любезные Князья, Короли, Императоры! А посему, предоставляя Вамъ срокъ—съ сего дня по 1 января 1951 года,—повелѣваю осуществить на протяженіи этого времени слѣдующія первыя благостныя мѣры:

I. По регистраціи лицъ, принадлежащихъ къ соціалистическимъ партіямъ, принудить зарегистрированныхъ немедленно покинуть предѣлы отечества. Мѣстомъ поселенія для всѣхъ соціалистовъ міра назначаю Австралію. Австралійцы, несогласные съ соціализмомъ, переселяются на другіе материки при поддержкѣ спеціально организованнаго международнаго фонда. Эвакуація соціалистовъ должна происходить планомѣрно. Частное имущество ихъ конфискуется, передается лидерамъ для равномѣрнаго распредѣленія по прибытіи въ Австралію. Съ перваго января 1951 года австралійскій материкъ, включая Новую Гвинею, оцѣпляется кордономъ боевыхъ сторожевыхъ судовъ. Всѣ попытки отдѣльныхъ соціалистовъ и соціалистическихъ группъ покинуть Австралію должны нещадно подавляться. Виновные—разстрѣливаться.

Примѣчаніе. Всѣ расходы по эвакуаціи и по снабженію соціалистовъ инвентаремъ, оплатить капиталами тѣхъ банкирскихъ домовъ, въ коихъ хоть одинъ директоръ или членъ правленія принадлежитъ къ соціалистической партіи или сочувствуетъ соціализму.

II. Къ концу декабря сего 1950 года замѣнить рабочихъ во всѣхъ предпріятіяхъ міра новобранцами всеобщей трудовой повинности. Уставъ повинности разработать сообразно съ мѣстными условіями, представить на утвержденіе мнѣ. Срокъ службы считаю достаточнымъ не болѣе года. Льготы — соотвѣтственно образовательнымъ цензамъ.

Всѣ уволенные профессіоналы-рабочіе перево-

дятся на земледѣльческій трудъ. Государство отводитъ уволеннымъ участки изъ особаго земельнаго фонда. Уволенные снабжаются инвентаремъ.

Примѣчаніе. Земельный фондъ для переселенцевъ образовать изъ недвижимости тѣхъ землевладѣльцевъ, кои состоятъ членами соціалистическихъ партій или сочувствуютъ соціализму.

III. Количество органовъ періодической печати сократить до наименьшихъ размѣровъ. Редакція одной газеты должна находиться отъ редакціи другой на разстояніи не менѣе 300 километровъ. Издатель каждаго печатнаго органа испрашиваетъ на свое дѣло благословеніе духовнаго главы государства. Редакторъ и сотрудники утверждаются въ своихъ правахъ, обязанностяхъ и способностяхъ — высшимъ церковнымъ учрежденіемъ страны, Академіей Наукъ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и министерствомъ народнаго здравоохраненія. Редакторовъ журналовъ и авторовъ книгъ подчинить тому же порядку.

Съ вѣрою въ правоту своего дѣла, въ Вашу помощь и въ ликованіе народныхъ толпъ, я обнародываю сей эдиктъ № 3, послѣ котораго ваше общеніе будетъ происходить въ частномъ порядкѣ, безъ участія общественнаго мнѣнія вселенной.

Дано въ крѣпости Аръ, 25 августа 1950 г."

XIV

Конецъ октября... На аэровокзалѣ въ Коломягахъ Софья Ивановна и Аріадна ждутъ прилета Владиміра. Поднявшись на лифтѣ, по ажур-

нымъ мосткамъ подъ платформами онѣ проходятъ туда, гдѣ останавливаются частные аппараты, по винтовой лѣстницѣ взбираются на перронъ.

— А ты увѣрена, что здѣсь?—суетливо оглядывается Софья Ивановна.—Тутъ написано „Петербургъ—Нью-Іоркъ", Адикъ!

— Это сосѣдняя, мама. А наша платформа № 12. Видишь, плакатъ: „Прибытіе микстъ".

— Ага. Но я, все-таки, спрошу, лучше, служащаго. Это будетъ вѣрнѣе.

На перронѣ, огороженномъ высокой рѣшеткой, мало народа. Нервно сжимая въ рукѣ огромный букетъ, взадъ и впередъ ходитъ мимо Софьи Ивановны какой-то взволнованный юноша, время отъ времени взглядывая на небо. Флегматично покуривая папиросу, сидитъ на пустой вагонеткѣ носильщикъ, читаетъ газету. Два господина южнаго типа, стоятъ вблизи въ грустныхъ позахъ. Слышно, какъ одинъ негодующе говоритъ:

— Нѣтъ, вы скажите мнѣ, что это за порядокъ? Если сынъ соціалистъ, такъ и отецъ обязанъ ѣхать въ Австралію? Я буду жаловаться, Самуилъ Марковичъ! Я добровольно не поѣду, Самуилъ Марковичъ!

— А кому вы будете жаловаться, Абрамъ Соломоновичъ? Диктатору?

— Хотя бы Диктатору! Левинсонъ, вѣдь, посылалъ ему радіо! Приставъ приходитъ, понимаете, показываетъ: „по предписанію господина министра вся семья Абрама Каценельбогена подлежитъ отправленію съ группой № 26, 3-го ноября"... Почему, спрашиваю я, съ группой № 26? Почему

спрашиваю, 3-го ноября? И почему, спрашиваю, вообще семья? Ну, Миша, предположимъ, соціалистъ. Допустимъ это, хотя у него плохое здоровье. Но Ревека? Соня? У Сони есть оффиціальный билетъ, гдѣ прямо сказано, что она членъ партіи полу-соціалистовъ индивидуалистовъ. Значитъ, она соціалистка не полная? Значитъ, у нея есть половина, которая не подходитъ къ условіямъ? Такъ что бы вы думали? Какъ дерево! Уперся! „Мы соціалистическую половину обязаны выслать, а съ другой вы дѣлайте, что вамъ угодно". Что вамъ угодно! Какъ вамъ понравится эта постановка вопроса?

Софья Ивановна подходитъ къ автоматическимъ кресламъ, опускаетъ монету, садится. Аріадна идетъ вдоль перрона, останавливается у самаго конца, гдѣ нѣтъ уже публики, оглядывается по сторонамъ, наклоняется къ сумочкѣ:

— Владиміръ!

— Я, Ади... Лечу!

— Гдѣ ты? Далеко еще? Милый!

— Надъ Ильменемъ, Ади. Уже внизу Новгородъ. Ты, что: на вокзалѣ?

— Да... Мама торопилась. Надъ Ильменемъ! Ужасъ!.. Это сколько? Часъ?

— Я далъ всю скорость... Черезъ 40 минутъ.

— Не нужно всей скорости, Владиміръ. Я боюсь!.. Почему-то мнѣ страшно... Я не мѣшаю управлять? Я закрою телефонъ, хочешь?

— Нѣтъ, нѣтъ. Что съ тобой! Нисколько. Вотъ Новгородъ—позади. Волховъ уходитъ направо. Какое счастье, Ади! Еще сорокъ минутъ..

Только сорокъ минутъ... И снова — глаза! Твои глаза!

Вблизи что-то зашумѣло. На перронъ упала длинная тѣнь. Величественно, медленно подходилъ къ платформѣ № 11 прибывшій изъ Нью-Іорка товаро-пассажирскій Илья Муромецъ. Засуетились носильщики, молодой человѣкъ съ огромнымъ букетомъ забѣгалъ мимо оконъ каютъ, вытягивая шею.

— Ади, это ты?

Аріадна смутилась, подняла голову.

— Здравствуй, Ната.

Съ конца іюля, съ того историческаго дня, въ который произошелъ роспускъ Земскаго Собора, Аріадна не видѣла Наташи, считала, что та охладѣла къ ней изъ-за несогласія въ политическихъ убѣжденіяхъ.

Но Ната, хотя и не весела, однако, какъ всегда, разговорчива.

— Ты кого ждешь? Знакомыхъ?

— Да... — Аріадна краснѣетъ. — А ты?

— Я? Мужа. Какое безобразіе, подумай: на весь городъ всего два аэровокзала! За-границей гдѣ-угодно можно спуститься. На каждомъ кварталѣ къ услугамъ публики площадки, зонты... А тутъ—отправляйся въ Коломяги, чтобы встрѣтить изъ Двинска. Остроумно? Воображаю, какъ ты задыхаешься здѣсь, въ этой азіатчинѣ, Ади! Послѣ Берлина, гдѣ все нарядно, гдѣ все культурно, гдѣ все изысканно, и вдругъ... Погоди, онъ?

Наташа поднимаетъ бинокль, внимательно смотритъ. Аріадна блѣднѣетъ. Но нѣтъ, еще рано.

Изъ аппарата выходитъ какой-то господинъ въ котелкѣ, беретъ у служащаго квитанцію, сдаетъ аэропланъ на храненіе въ вокзальный ангаръ.

— А мы переѣзжаемъ на-дняхъ въ Двинскъ,— продолжаетъ съ презрительной гримасой Наташа.— Сначала Митя хотѣлъ принять участіе въ этомъ глупѣйшемъ сліяніи петербургскихъ газетъ. Но на совмѣстномъ засѣданіи редакторовъ ему дали въ общей газетѣ только мѣсто второго хроникера. Ты понимаешь: второго хроникера! Митѣ! Ты, конечно, съ Митей еще не знакома, не можешь судить. Но когда познакомишься, увидишь, какъ это предложеніе могло его оскорбить. Мы теперь открываемъ газету въ Двинскѣ, то-есть, не открываемъ, а покупаемъ старую, мѣстную. Разрѣшеніе отъ Патріаршаго Совѣта есть, отъ министерства здравоохраненія есть, осталось только отъ внутреннихъ дѣлъ и Академіи Наукъ. Ну, а Софья Ивановна? Дома? Здорова? Какъ ты себя чувствуешь?

Аріадна съ радостью показываетъ Наташѣ, гдѣ сидитъ Софья Ивановна, идетъ по перрону вмѣстѣ, возвращается затѣмъ одна.

— Владиміръ, меня прервали... Гдѣ ты?

— Вижу уже Петербургъ, Ади!

— Видишь?

Голосъ Аріадны дрожитъ.

— Близко... Близко... Исаакій! Смольный! Пять минутъ. Только! У меня дрожитъ въ рукѣ руль, Ади!

— Ради Бога! Владиміръ! Осторожнѣй! Покажи... Гдѣ? Ты виденъ? Нѣтъ? Я могу замѣтить? Въ бинокль?

— Смотри къ Царскому. Я поднимаюсь выше... Видишь?

Аріадна не говоритъ. Бьется въ сердцѣ смятенная кровь. Дрожитъ бинокль въ рукѣ. Долго нѣтъ ничего, кромѣ осенней холодной прозрачности. Гдѣ-то стрѣлою вонзились въ воздухъ птицы. Исчезли. На горизонтѣ бѣлое облако, поворачиваетъ сѣдую круглую голову, улыбается ласковыми золотыми морщинами.

Черный штрихъ! Наконецъ! Не обманъ? Не миражъ? Будто—нѣтъ. Снова есть. Показался. Растаялъ. Есть, есть! Четкій, ясный, увѣренный... На дрожащемъ слезами безконечномъ нѣжномъ просторѣ...

. . . .

— Владиміръ!

XV

Они въ первыя минуты почти не говорили другъ съ другомъ. Нѣсколько отрывистыхъ словъ, долгіе, нѣмые, съ болью отрывавшіеся, взгляды. Но Софья Ивановна безъ умолку выражала свою радость, изъ всѣхъ — казалась самой счастливой.

— Какъ вы загорѣли! Какъ поздоровѣли! Что значитъ природа! Вы у насъ сегодня обѣдаете... Непремѣнно. И помолодѣли! Не потеряйте только квитанціи... Похорошѣли, право, похорошѣли!

Владиміръ довезъ дамъ до дому, самъ направился съ вещами въ ближайшую гостиницу, обѣщавъ быть черезъ часъ. Аріадна, ничего не замѣчая вокругъ, точно въ забытьи, вошла въ квартиру,

направилась въ гостиную, машинально взяла въ руки первую попавшуюся книгу, стала перелистывать, положила. Взяла другую.

— Адикъ!

— А? Что?

— Я уже третій разъ... Смотри: посылка изъ Берлина.

— Мнѣ?

Аріадна даже обрадовалась. Въ самомъ дѣлѣ: это развлечетъ... Скорѣе пройдетъ время. Цѣлый часъ!

— Отъ кого? А ну, покажи. Ого, какъ будто оффиціальное! Судебное? Министерство... Да. Что же ты не распечатываешь? Ади!

Это было, дѣйствительно, отъ германскаго императорскаго министерства юстиціи. Нѣсколько бумагъ съ печатями, копіи съ протоколовъ. И внутри блестящій металлическій ящичекъ. Какой-то странный небольшой аппаратъ, а на немъ, сверху, письмо.

Оказалось — прислано согласно завѣщанію Штральгаузена, найденному въ лабораторіи „Ars" послѣ смерти владѣльца.

„Frau Аріадна!—начиналось написанное нервной неясной рукой. — Вы прочтете это только въ томъ случаѣ, если я погибну. А это можетъ быть, легко можетъ быть. Мы рѣшили его уничтожить. Но онъ великъ, онъ могуществен. Это величіе было бы моимъ. Это могущество принадлежало бы мнѣ. Но я шелъ не той дорогой. Я пробовалъ не тѣ сочетанія. Гелій не въ силахъ. Водородъ жалокъ. Легче! Легче! Нужно найти эманацію!

„ . . Я боленъ. Я сильно боленъ. Иногда

бываютъ просвѣтленія... Сознаю ничтожество, ужасъ положенія. А послѣ — снова. Не я. Будто живу, но—другой. Который ходитъ, смѣется надо мною. Лжетъ другимъ.

„... Говорилъ я вамъ, что я—онъ? Тотъ самый? Не вѣрьте, если было. Хочу передъ вами быть честнымъ. Я васъ любилъ. Я буду спокоенъ тамъ — гдѣ тамъ? — если буду знать, что уважаете. Не презираете. Теперь знаю — да, знаю. Только душа. Душа—главное. Она взбунтовалась, она опрокинула мозгъ. Я смѣшонъ. Такъ нужно. Какъ былъ самовлюбленъ! Самодоволенъ! Какъ будто чего-то достигъ. Почетъ. Слава... Было мало, мало. Ненасытность новаго, жадность побѣды!

„... Онъ меня опередилъ. Не знаю, кто. Все равно. Я работалъ надъ этимъ. Пять лѣтъ. Идея давила. Дразнила во снѣ. Если казался спокоенъ—неправда. Страдалъ, плакалъ. Мысли сплетались какъ змѣи. Я зналъ: распутать только—и кончено. Только распутать! Въ нихъ все готово, все есть. Но какъ? Точно ядовитыя—не могъ подойти. Рѣшался, схватывалъ — выскальзывали. И другія накидывались... Борьба. Какая борьба!

„... Боленъ, да. Давно боленъ. Всегда. И все это—болѣзнь. Это не то. Не человѣч[illegible]е. Не отъ Бога, Аріадна. Слышите: Штральгаузенъ сказалъ—Богъ! Мнѣ важно, чтобы слышали вы, слышалъ Онъ. Все равно—остальные. Я поклялс[illegible] я уничтожу его. Уничтожу „Ars“, покончу со всѣмъ. Не будетъ больше болѣзни. Среди природы стану молиться. Выздоровлю. Изъ мозга уйдутъ тучи, небо появится. Голубое, ясное. Радость появится.

Тихая, нѣжная. Оставитъ дьяволъ, сгинетъ. А я скажу Богу: прости. Я, вѣдь, не зналъ. Я не понималъ, которое отъ Тебя, которое отъ него... Я пришелъ къ Тебѣ, видишь!

„... Ждетъ уже аппаратъ. Черезъ часъ исчезну. Можетъ быть, не вернусь. Я знаю: если онъ владѣетъ такими разстояніями для сна, онъ можетъ убивать вблизи. Намъ не нужно только выдать себя. Нужна тайна, страшная тайна. Если подойдемъ на сто километровъ, попробую умертвить. У него волны, у меня новыя молніи. Мнѣ осталось немного: одна поправка, одинъ коэффиціентъ. Я получу черезъ нѣсколько дней. Опыты, опыты, опыты!.. Это послѣдніе, клянусь. Я сдержу, Богъ повѣрилъ, намняхъ мы въ тучахъ бесѣдовали... Я обѣщалъ...

„... Теперь, прощайте. Не вспоминайте съ насмѣшкой: я былъ несчастенъ. Я знаю теперь: вы не могли полюбить, вы не должны были любить. Душой вашей владѣлъ Богъ, меня толкалъ дьяволъ. Это онъ кричалъ: еще, еще!.. Я боюсь только за мозгъ. Простилъ-ли Господь? Вернетъ ли небо? Вотъ, сейчасъ, ясно, отчетливо... А завтра? Прощайте, Аріадна. Вы—единственный огонь во мракѣ. Но безразлично вамъ.. Не нужно. Прощайте!..“

Приборъ оказался стереопортретомъ Аріадны. Къ нему прилагалось подробное объясненіе относительно полученія снимковъ.

XVI

Это было и мило и трогательно, но, все-таки, не такъ ужъ необходимо. Софья Ивановна всецѣло завладѣла Владиміромъ, говорила о Петер-

бургѣ, о послѣднихъ событіяхъ, о Диктаторѣ, высказывала мнѣніе о характерѣ волнъ, производящихъ параличъ, разсказала подробности о выброшенномъ на японскій берегъ дредноте „Францъ Мерингъ", на которомъ былъ найденъ трупъ доктора Штейна.

И иногда только, во время передышки, вспоминала о гостѣ, удивленно произносила:

— Ну, а что же вы? Ничего не говорите о вашей Явѣ. Какъ тамъ?

Такъ прошелъ весь обѣдъ. Приблизительно такъ же обстояло дѣло и послѣ обѣда, въ гостиной. Аріадна и Владиміръ обмѣнивались смущенными улыбками по адресу Софьи Ивановны; но приближался уже вечеръ, а старушка продолжала вспоминать Берлинъ и сравнивать: какимъ былъ генералъ Горевъ тогда, и каковъ онъ теперь. Только на нѣсколько минутъ прервалъ этотъ монологъ телефонный вызовъ Корельскаго. Но, по просьбѣ Аріадны, Софья Ивановна отвѣтила, что никого дома нѣтъ, что Владиміръ еще не прибылъ, замкнула аппаратъ и снова вернулась къ своимъ воспоминаніямъ.

Софья Ивановна говоритъ, Владиміръ слушаетъ, вставляетъ шутливыя замѣчанія. А Аріадна смотритъ на него, слѣдитъ за каждымъ движеніемъ. И чувствуетъ:

Не тотъ!

Все какъ будто по-прежнему. И знакомая любимая улыбка, и та же складка между бровями, и профиль такой же: четкій, строгій... Но глаза — другіе. Иногда, вдругъ, точно сверкнетъ въ нихъ

далекій испугъ, откликнется возлѣ губъ нервнымъ сжатіемъ, — и послѣ какая-то усталость взгляда, скрытая подавленная грусть.

— Остаться въ Петербургѣ? — улыбаясь, переспрашиваетъ онъ. И въ глазахъ опять — новое, затаенное, прикрытое внѣшней веселостью.—Нѣтъ, Софья Ивановна, у меня другой планъ. Мы лучше всѣ улетимъ на Яву. Неправда-ли?

Онъ смотритъ на Аріадну, не зная, какъ называть ее при Софьѣ Ивановнѣ — просто по имени, или оффиціально. Правда, Софья Ивановна уже изъ послѣднихъ бесѣдъ по телефону знаетъ главное объ ихъ рѣшеніи. Хотя и не въ прямыхъ выраженіяхъ, но Владиміръ на-дняхъ говорилъ ей о будущемъ. Однако...

— На время я согласна, — краснѣетъ Аріадна — Вотъ только уговорите маму... Можетъ быть, если не по воздуху, то по крайней мѣрѣ на гидролиходѣ. Мамочка, хочешь?

— На гидролиходѣ? Господь съ тобой. Чтобы тайфунъ захватилъ. Или отнесло къ проклятому Барберу. Нѣтъ, нѣтъ, дѣти. Ни за что!

— На моемъ аэропланѣ я гарантирую полную безопасность, Софья Ивановна,—смѣется Владиміръ.—У меня, во-первыхъ, закрытая каюта. Есть спальня. Спустимъ шторы, задернемъ полъ. Вы даже не будете чувствовать. А машина работаетъ на медленномъ распадѣ урана. Можемъ держаться въ воздухѣ при моемъ запасѣ цѣлыхъ три мѣсяца. И никакой абсолютно опасности.

— Все равно... Не поѣду. Да вы мнѣ скажите: отчего вамъ самому не остаться? Если хочется

жить въ теплѣ, на берегу моря,—пожалуйста: Кавказъ у насъ есть, Крымъ. Вотъ туда я бы съ удовольствіемъ поѣхала.

— Но у меня, вѣдь, имѣніе... Хозяйство. Садъ. Много рабочихъ.

— Ахъ да! Въ такомъ случаѣ, конечно. Вамъ виднѣе, голубчикъ,—измѣняетъ, вдругъ, тонъ Софья Ивановна, почувствовавъ неловкость отъ вмѣшательства въ чужія дѣла.—Я, вѣдь, про себя только. Вы, вотъ, поѣзжайте лучше вдвоемъ. Поживите, а я подожду. У меня есть знакомые. Курочкины недавно переѣхали изъ Берлина. Наташа...

Голосъ Софьи Ивановны дрожитъ. Вѣки нервно подергиваются.

— Мама,—цѣлуетъ Софью Ивановну Аріадна. —Не надо, милая!

А Владиміръ смущенно цѣлуетъ руку, грустно смотритъ въ глаза.

— Мы что-нибудь придумаемъ, Софья Ивановна. Что-нибудь придумаемъ!

— Владиміръ...—говоритъ вечеромъ Аріадна, когда Софья Ивановна, будто вспомнивъ о какомъ. то неотложномъ дѣлѣ, ушла на короткое время къ Горевымъ.—У тебя что-то новое...

Она всматривается въ лицо. Нѣжно проводитъ рукой по его волосамъ.

— Что новое, милая?

Онъ отводитъ взглядъ, улыбается.

— Не знаю. Посмотри въ глаза... Ты прежній? Правда?

— Прежній.

Онъ снова цѣлуетъ. Долго, мучительно. Затѣмъ, вдругъ, роняетъ голову къ ней на грудь. Молчитъ.

— Владиміръ!

— Ади...

Онъ произноситъ глухо, почти шепотомъ.

— Что-то есть, Владиміръ... Да. Я сразу почувствовала. Я знала раньше. Уже мѣсяцъ. Еще не видѣла глазъ, по одному голосу. Я такъ чувствую голосъ. Такъ ясно чувствую все... Что случилось, Владиміръ?

Со стономъ онъ поднимаетъ голову. Смотритъ на нее пристально. Во взглядѣ страхъ. Страданіе.

— Они... Ади... Они... Преслѣдуютъ.

— Кто они?

Аріадна вздрагиваетъ.

— Застывшіе... Безжизненные... Я видѣлъ, Ади... Вокругъ. Много. Со всѣхъ сторонъ... Каждую ночь... Казалось. Встаютъ. Карабкаются на берегъ. Воютъ. Грозятъ. И въ окно стучатъ. Блѣдныя лица. Искривленныя...

— Владиміръ!

— Одно... Въ дорогѣ. Вчера. Ночью. Въ воздухѣ... Вдругъ. Смотритъ, смотритъ, смотритъ... Но, вѣдь, я хотѣлъ добра, Ади. Добра! Не для себя! Мнѣ ничего не надо, Ади!

— Милый... Любимый... Успокойся... Что было? Владиміръ! Радость моя! Счастье! Ты мнѣ разскажешь. Все... Будетъ легче. Будетъ хорошо. Я же люблю тебя. Я же твоя. Я съ тобой. Владиміръ!

— Да, да. Я разскажу... Я все разскажу. Правда. Будетъ легче. Вдвоемъ. Будетъ легче... Ты поможешь... Успокоишь...

— Опять онъ!

Аріадна хмурится. У телефона—снова нѣжный органъ. Что ему нужно?

— Не буду отвѣчать...—шепчетъ она.—Насъ нѣтъ. Мы ушли, не двигайся.

Владиміръ поднимается.

— Глѣбъ? Погоди. Онъ два дня не отвѣчалъ... Мнѣ нужно спросить...

— Владиміръ, послѣ! Онъ будетъ говорить. Спрашивать. Я не выношу...

— Вы поссорились? Да?

Онъ пытливо смотритъ. Лицо—блѣдное. И около губъ—опять складки.

— Нѣтъ, не поссорились... Но все равно... Ты все-таки хочешь?

— Нужно, Ади. На одну минуту... Погоди.

Владиміръ подходитъ къ аппарату. Беретъ въ руки.

— Глѣбъ?

— Я. Ты уже у нихъ?

— У Софьи Ивановны? Да.

— Аріадна Сергѣевна здѣсь?

— Да... А въ чемъ дѣло?

— Софья Ивановна дома?

— Нѣтъ...

— Значитъ, вы вдвоемъ?

— А въ чемъ дѣло? Какой у тебя странный тонъ, Глѣбъ! Скажи: что говоритъ Нубу? Черезъ три дня кончитъ?

— Хоронить твоихъ мертвецовъ? Ха-ха! Въ недѣлю хочешь! Сто тысячъ труповъ!

— Глѣбъ!

Владиміръ вскрикиваетъ, съ ужасомъ бросается къ аппарату, точно хочетъ его заслонить.

— Испугался? Раскроютъ? Не бойся, дорогой. Теперь ты не отвѣчаешь. Не ты Диктаторъ! И торопиться не надо: все равно не вернешься. Ни одинъ, ни съ Аріадной. Я тебя замѣнилъ!

Корельскій говоритъ торжествующе, нагло. Въ телефонъ звучитъ рѣзкій, умышленно громкій, голосъ.

— Не шути, Глѣбъ,—устало произноситъ Владиміръ.—Не шути... Это глупо. Тамъ ста тысячъ деревьевъ нѣтъ. Всего нѣсколько десятковъ. Но ты знаешь, что тайфунъ...

— Не тайфунъ!—кричитъ, вдругъ, Корельскій.—Не тайфунъ! Ты! Никакихъ деревьевъ! Никакого сада! Аріадна! Слышите? Скрываетъ! Отъ васъ скрываетъ! Это—любовь! Это—его дружба!

— Глѣбъ! Ты не смѣешь!

— Я смѣю! Я все смѣю! Ничтожество! Пыль! Такихъ, какъ ты—милліоны! Я надъ всѣми, надъ вами! Я—повелитель! Аріадна! Теперь вы отвѣтите: вамъ стыдно и больно? Да? За Диктатора Міра? Сказали? Посмѣялись? Ступайте прочь? Смотрите-же—какая ложь! Смотрите, какой обманъ! Одно мое слово—васъ бросятъ ко мнѣ подъ ноги! Отыщутъ. На днѣ моря! На тучахъ! Будутъ умолять, чтобы взялъ! Аріадна, за вами слово. Отвѣчайте!

Отвѣчайте Диктатору Міра: придете? Покоритесь Я жду, Аріадна! Диктаторъ ждетъ!

Она подходитъ къ телефону. Сломлены ужасомъ брови. Отъ негодованія участилось дыханіе.?

— Предатель! Никогда... Слышите?

— Объявляю, въ такомъ случаѣ, свою высочайшую волю. Если въ продолженіе часа по телефону не будетъ дано согласіе, я опубликовываю эдиктъ № 4. Аріадну Штейнъ покорное человѣчество доставитъ Диктатору!

— Негодяй!

Владиміръ въ изступленіи бросается къ телефону. Заноситъ руку.

— Аріадна! Женщина! Раба! Ты придешь!

Телефонъ жалобно стонетъ металломъ. Раздавленный ударомъ падаетъ на полъ.

. . . .

Она стоитъ на колѣняхъ передъ нимъ, хватаетъ руки, цѣлуетъ, смотритъ наверхъ, на страшное искаженное лицо.

— Онъ будетъ мстить... Бѣжимъ, Ади... Погибло все!..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Проходятъ черныя ночи, синіе и сѣрые дни. Восходитъ солнце изъ за туманныхъ далей, гаснетъ на необъятныхъ горизонтахъ запада.

Они летятъ.

Качаются созвѣздія, склоняясь на сѣверъ, на югъ. Поднимается Полярная къ зениту, когда внизу снѣга и морозы. Мутно смотритъ, прильнувъ къ землѣ, когда внизу благоуханіе цвѣтовъ, разрѣзная стрѣльчатость пальмъ. Южный Крестъ, точно въ молчаливой борьбѣ со своей сѣверной соперницей, взбирается на небо разбитымъ распятіемъ, благословляетъ ширь водныхъ пространствъ, снова вдругъ падаетъ, увлекая за собою Центавра.

Они летятъ.

Плывутъ лѣса, какъ зеленое море, проходятъ моря, какъ голубые лѣса. Туманъ и дождь, муть водяныхъ пузырьковъ, кристаллы снѣга. И ясныя пропасти воздуха, нѣжная ласка вѣтровъ, теплое дыханіе океана.

Уже, должно быть, двѣ недѣли. Владиміръ потерялъ точный счетъ. Онъ не хочетъ снижаться. Пока свѣтло—даже не переводитъ на неподвижное пареніе эманомоторъ. Такъ незамѣтнѣе, такъ безопаснѣе: вѣдь, дѣловые путешественники никогда не парятъ. А вообще—мало ли аппаратовъ бороздитъ воздухъ! Мало ли мирныхъ людей, недовольныхъ угомительной длиной земной окружности,

снуетъ взадъ и впередъ, догоняя свое счастье и горе, ускоряя свои заботы и хлопоты.

Если Корельскій привелъ въ исполненіе угрозу, издалъ эдиктъ,—всѣ государства уже давно принялись за поиски. Охотятся, стерегутъ. На третій, или четвертый день, напримѣръ, надъ Южной Америкой... Цѣлая эскадрилья почему-то поднялась, понеслась навстрѣчу. Быть можетъ, и не къ нему. Но — если къ нему?

Корельскій хорошо знаетъ аппаратъ: внѣшній видъ—темно синій, съ серебряными краями крыльевъ. И внутреннее устройство можетъ описать: на фабрикѣ Беркли спеціально заказано... Каюта изъ двухъ отдѣленій, кромѣ машиннаго. Изящно отдѣланный кабинетъ, спальня. Все на случай тропической жары, на случай морознаго перелета въ высотахъ: вентиляторы, калориферы, герметическая вторая прослойка стѣнъ съ безвоздушнымъ пространствомъ между двумя рядами фанеръ. Былъ, конечно, и радіотелеграфъ. Но, во время отлета съ острова Владиміръ забылъ принести изъ мастерской детекторъ.

Корельскій, конечно, могъ указать для успѣшности поисковъ всѣ эти особенности аппарата. Въ такомъ случаѣ, каждая встрѣча съ таможенными дозорами или съ международной воздушной полиціей—гибель.

Къ счастью, шелъ дождь тогда. Небо клубилось, откликъ равноденственныхъ бурь гналъ отъ Пернамбуко тяжелыя тучи. Достаточно было войти въ облака и вмѣстѣ съ вѣтромъ скрыться надъ океаномъ.

Эти первые дни... Ужасные дни! Въ тотъ же вечеръ, наспѣхъ, взявъ, что можно, бѣжали на аэровокзалъ. Нѣсколько словъ въ письмѣ къ матери... И съ тѣхъ поръ — ничего. Былъ ли эдиктъ? Не былъ? Если Корельскій издалъ,—какой позоръ для престижа Диктатора! Но онъ могъ, конечно. Владиміръ припомнилъ теперь—загадочныя улыбки, когда тотъ прибылъ на островъ, особеную вкрадчивость, подчеркиваніе нѣжности въ дружбѣ. Во время похоронъ жертвъ съ вонзившихся въ сушу кораблей — сколько проявилъ энергіи! Собралъ всѣхъ негритосовъ, самъ слѣдилъ за распоряженіями Нубу...

Аріадна больна. Неутихающая тревога, непрестанное движеніе, качаніе аппарата, иногда большая высота, рѣдкій воздухъ... Все это надорвало силы, сломило энергію. Она второй день лежитъ.

— Сколько уже дней, Владиміръ?

— Не знаю точно. Двѣнадцать... Пятнадцать. Тебѣ не лучше, родная?

— Я такъ устала! Хоть бы на часъ. На два. Твердую почву подъ ногами... Землю. Какъ я хочу земли, Владиміръ! Какъ я хочу земли!..

Онъ стоитъ на колѣняхъ возлѣ кровати, нѣжно цѣлуетъ, заботливо поправляетъ подушку.

— Хорошо, Ади. Мы спустимся. Скоро. Потерпи еще немного. Совсѣмъ немного.

— У насъ консервы кончаются. Воды мало...

— Воды много, Ади. Я, вѣдь, недавно... позавчера въ Енисеѣ набралъ.

— Все равно. Я не могу больше, Владиміръ! Я умру... Вѣдь онъ могъ только пригрозить. Но не

выполнить. Возможно, что никакого эдикта не было... Куда ты? Владиміръ!

— Погоди...

Онъ быстро встаетъ, смотритъ въ зеркало, отражающее горизонтъ впереди аппарата.

— Опять кто-то!

Владиміръ выходитъ въ машинное отдѣленіе берется за рычагъ, начинаетъ забирать высоту. Встрѣчный аппаратъ, идущій со стороны Сѣверной Америки, быстро приближается. Онъ значительно ниже, ближе къ океану, по крайней мѣрѣ, на пол километра. Но, вдругъ, точно замѣтивъ маневръ, тоже поднимается, выравниваетъ путь, тревожно ноетъ сиреной.

— Дозорный?

Владиміру извѣстны таможенные и полицейскіе англійскіе и американскіе аппараты. Со временъ республики у нихъ остались цвѣта—у англичанъ красныя и бѣлыя полосы, у американцевъ — все голубое, съ бѣлыми звѣздами на крыльяхъ. Но въ бинокль видно: черный цвѣтъ, а на крыльяхъ бѣлые зигзаги. Кромѣ американцевъ и англичанъ есть еще таможенные у японцевъ, но у нихъ— бѣлое съ желтымъ. Кромѣ того, на Атлантическомъ они не дежурятъ. Быть можетъ, испанскій? Французскій? Какіе цвѣта у испанскихъ?

Онъ стискиваетъ зубы, снова нажимаетъ рычагъ. Аппаратъ вздрагиваетъ, начинаетъ вертикально идти вверхъ. Встрѣчный уже близко. Видны безъ бинокля—черный остовъ и крылья съ бѣлыми молніями.

— Опять?

Изъ ящика появляется длинная ракетная трубка, кладется на аппаратный столикъ. Къ сожалѣнію, съ собою нѣтъ небулина, приходится прибѣгать къ удушливому газу. Но если понадобится— нельзя останавливаться ни передъ чѣмъ.

— Любимый! Что тамъ? Встрѣчные? — слышенъ слабый голосъ Аріадны.

— Да, Ади. Сейчасъ разойдемся. Одну минуту.

— Остановитесь! — на англійскомъ языкѣ кричитъ въ рупоръ, наклонившись надъ бортомъ, кто-то въ формѣ съ блестящими пуговицами. — Именемъ закона!

— Какого закона? — цѣдитъ сквозь зубы блѣдный Владиміръ.—Какого закона? Я не знаю закона...

Рука сильнѣе давитъ рычагъ. Но встрѣчный уже приблизился. На плечахъ узкіе плетеные погоны, на головѣ форменная фуражка съ золотымъ околышемъ. Незнакомецъ выдвигаетъ металлическій шестъ, взмахиваетъ краснымъ флагомъ.

— Ни съ мѣста!

Владиміръ беретъ въ руку трубку, прикладываетъ палецъ къ придѣланному у дна замыкателю. Еще мгновеніе... И слышитъ вдругъ:

— Циклонъ идетъ! Отъ береговъ Гвіаны зюдъ-вестъ! Центръ 748! Именемъ закона требую повернуть обратно!

Это былъ аэропланъ американской метеорологической инспекціи.

II

Оба аппарата бѣгутъ на сѣверо-востокъ, почти параллельно. Владиміръ не хочетъ показывать, что ему непріятно сосѣдство. Осторожность, однако, не мѣшаетъ: предательскія серебряныя оконечно-

сти крыльевъ! Сначала могли не обратить внимані́я. Но если будутъ долго видѣть, вспомнятъ...

Приходитъ въ голову мысль: спросить, нѣтъ ли газетъ. Хотя бы какой-нибудь старый номеръ, за послѣднюю недѣлю. Счастливый случай узнать, что происходитъ. И, затѣмъ, распрощаться. Повернуть на югъ, къ африканскому побережью.

— Алло!

— Слушаю?

— Нѣтъ у васъ чего-нибудь для чтенія, мсье?

— Есть. Могу дать пропагандную метеорологическую литературу. О происхожденіи циклоновъ, предвѣстникахъ, мѣрахъ предостереженія.

— А газетъ нѣтъ? Сегодняшняго номера?

— Я посмотрю, мсье. А вы откуда?

— Съ Балканскаго Полуострова. По торговымъ дѣламъ. Будьте любезны, мсье, дайте сегодняшній номеръ... Мнѣ нужна биржа.

Служащій метеорологической инспекціи оказывается обязательнымъ господиномъ. Не проходитъ и нѣсколькихъ минутъ, какъ онъ появляется у борта, размахиваетъ толстымъ пучкомъ бумаги, привязаннымъ къ длинной тонкой металлической нити.

— Держите конецъ!

На бортъ аппарата падаетъ свинцовая гирька. Владиміръ тянетъ нить, отвязываетъ „Washington, Times“, бросаетъ гирю обратно.

— Благодарю васъ, мсье. Прощайте. Иду на юго-востокъ!

Однако, говорить этого было не нужно. Вдали низко надъ океаномъ, со стороны сѣверной Европы

показался шедшій къ Америкѣ аппаратъ. Онъ былъ громоздкій, навѣрно, товаро-пассажирскій. На немъ, безъ сомнѣнія, есть свое радіо, извѣстіе о приближеніи бури онъ долженъ былъ получить непосредственно.

Но, по предписанію центра, инспекція предупреждаетъ всѣ безъ исключенія аппараты. И, давъ полный ходъ, добросовѣстный американецъ стремительно падаетъ внизъ, мчится къ неосторожному новому гостю.

— Ну, что: есть что-нибудь, Владиміръ? Есть?

Аріадна сидитъ, опираясь спиной на подушки. На щекахъ нервный румянецъ, въ глазахъ больной блескъ.

— Есть...

— Что? Читай! Читай все!

— Вотъ. „Оффиціальное сообщеніе. Отъ министерства юстиціи.“

— Ну?

— „Граждане!

Осталось только четыре дня до 10 ноября когда истекаетъ срокъ, данный Міровымъ Диктаторомъ всѣмъ пяти частямъ свѣта для отысканія лэди Аріадны Штейнъ.

Въ случаѣ ненахожденія означенной лэди, какъ извѣстно, съ воскресенья начинается параличъ всѣхъ столицъ, подобный тому, каковой имѣлъ мѣсто лѣтомъ сего года. Такъ какъ срокъ окончанія паралича не предуказанъ эдиктомъ № 4, то, согласно представленію министра финансовъ, Совѣтъ Мини-

babровъ Сѣверо-Американской Соединенной Имперіи спѣшно постановилъ:

I. Всѣ денежныя обязательства, выданныя частными лицами казеннымъ предпріятіямъ и обратно, пользуются мораторіумомъ вплоть до 3 часовъ пополудни того числа, которое наступитъ черезъ три полныхъ дня послѣ снятія съ Вашингтона паралича.

Примѣчаніе. Если въ этомъ трехдневномъ промежуткѣ окажется неприсутственный день, срокъ увеличивается на однѣ сутки.

II. Договоры, заключенные между частными лицами на территоріи Соединенной Имперіи, подвергаются тѣмъ же условіямъ пролонгированія срока, а взысканія по обязательствамъ...

— Владиміръ... Дальше! Неоффиціальное!

— Сейчасъ... „Американецъ долженъ использовать въ Вашингтонѣ загубленное параличемъ время“... „Граждане, сохраняйте спокойствіе!..“ „Какими способами бороться съ отростаніемъ бороды во время каталепсіи...“ „Упадетъ ли долларъ?“ Вотъ, погоди... Отъ петербургскаго корреспондента. О Софьѣ Ивановнѣ, Ади!

— О мамѣ?

Аріадна хватаетъ Владиміра за руку. Дрожитъ.

— О мамѣ?

— Успокойся. Сядь назадъ... Глубже...

— Жива? Ничего не сдѣлали? Владиміръ!

— Конечно, жива. Написано: „Интервью съ лэди Мюллеръ, матерью лэди Аріадны Штейнъ“. Видишь, все благополучно.

— Господи... Господи... Наконецъ-то!..

— Ну, довольно, Ади, не плачь. Слушай:

„Мы посѣтили почтенную лэди Мюллеръ въ роскошной квартирѣ, предоставленной ей петербургскимъ городскимъ самоуправленіемъ въ новомъ зданіи на Каменноостровскомъ Проспектѣ.

Несмотря на свой преклонный возрастъ, лэди производитъ впечатлѣніе бодрой энергичной женщины, хотя исчезновеніе дочери и постоянное посѣщеніе оффиціальныхъ лицъ и корреспондентовъ газетъ наложили, очевидно, на ея лицо отпечатокъ грусти и печали.

Когда вашъ корреспондентъ прибылъ въ послѣдній разъ къ лэди Мюллеръ, у ея дома стояло нѣсколько десятковъ автомобилей, принадлежавшихъ представителямъ петербургскаго высшаго свѣта. Среди присутствовавшихъ на пріемѣ мы замѣтили: супругу товарища министра торговли и промышленности, Mrs Сидорову; директора Международнаго Аэробанка, мистера Цыпкина; предсѣдательницу благотворительнаго общества „Глаза—слѣпымъ, уши—глухимъ", графиню Сѣверскую; широко извѣстную своимъ политическимъ салономъ, существовавшимъ до эдикта № 2, баронессу Гроссмихель, и множество другихъ лицъ, ожидавшихъ очереди въ обширной гостиной.

Намъ удалось бесѣдовать съ лэди Мюллеръ всего нѣсколько минутъ, такъ какъ, ссылаясь на нездоровье, почтенная собесѣдница категорически отказалась отъ всякихъ объясненій относительно исчезновенія своей дочери.

— Каково, въ такомъ случаѣ, ваше отноше-

ніе къ Америкѣ, милэди? — задали мы, все-таки наводящій вопросъ.

— Я люблю Америку,—отвѣчала лэди съ искренностью и трогательной простотой въ голосѣ. —Если у Россіи и былъ когда-нибудь дѣйствительный союзникъ, то это ваши бывшіе Соединенные Штаты, нынѣ Соединенная Имперія.

— Находите-ли вы, милэди, что новый строй укрѣпитъ соціальное благополучіе американцевъ?

— Я думаю, да,—немного помолчавъ, отвѣтила авторитетная собесѣдница.—Возможно, что количество долларовъ отъ новаго строя у васъ неувеличится. Но преступность въ городахъ, безъ сомнѣнія, уменьшится.

— Каково ваше мнѣніе объ нашихъ взаимоотношеніяхъ съ Мексикой?

— Я не терплю Мексики,—рѣзко произнесла лэди Мюллеръ.—За мою жизнь тамъ произошло, по крайней мѣрѣ, около ста революцій. Если считать, что при каждой революціи страна начинаетъ идти не впередъ, а назадъ, то, по моему мнѣнію, Мексика скоро перешагнетъ обратно черезъ Рождество Христово.

— Еще одинъ вопросъ,—сказали мы,—какъ вы смотрите на послѣднія міровыя событія въ связи съ появленіемъ Диктатора Міра?

— Я не могу отвѣтить вамъ на это,—уклончиво проговорила лэди Мюллеръ.

Мы принуждены были, къ сожалѣнію, на этомъ закончить нашу бесѣду, изъ которой, несмотря на ея краткость, съ несомнѣнностью видно, однако, чуткое пониманіе лэди Мюллеръ переживаемыхъ

нынѣ событій и глубокій анализъ въ разборѣ соціально-политическихъ проблемъ.“

. . . .

— Мама! Мама!—прильнула головой къ плечу Владиміра Аріадна,—какъ я рада! Какъ я рада! Теперь мнѣ легче... Теперь мнѣ легче, любимый мой!

III

Для спуска Владиміръ выбралъ пустыню Такла-Маканъ, между Тянь-Шанемъ и Куэнъ-Лунемъ. Эта мѣстность въ сторонѣ отъ воздушныхъ дорогъ. Путь въ Индію лежитъ западнѣе, черезъ Персію и Белуджистанъ; воздушная магистраль на Пекинъ проходитъ черезъ Алтай и Кобдо. Изъ всѣхъ пустынь міра эта пустыня въ настоящее время самая глухая, заброшенная. Сахара и Аравія давно стали проѣзжими дорогами; вся русская центральная Азія за послѣдніе десять лѣтъ превратилась въ цвѣтущую оживленную страну; австралійскій материкъ сейчасъ привлекаетъ вниманіе переселеніемъ соціалистовъ. Остаются нетронутыми пока полярныя области, Такла-Маканъ, Гоби, нѣкоторые острова Океаніи.

— Земля! Земля!

Аріадна стоитъ у берега Тарима съ наслажденіемъ продавливаетъ узкими туфельками лежащій подъ ногами песокъ. Вокругъ тихо, безлюдно. Точно друзья-гиганты, защищаютъ горизонтъ съ сѣвера обрывающіеся въ преддверье пустыни скалистые отроги Тянь-Шаня. Кое-

гдѣ, въ уходящихъ во мглу ущельяхъ, пламенѣетъ догорающій любовью къ солнцу лиственный лѣсъ. Отъ Тарима къ востоку—блеклая степная трава дерисунъ. Сѣрая галька. И холмы Курукъ-Тага вдали, черныя круглыя впадины въ нихъ, очевидно, пещеры.

Чистъ, недвижимъ воздухъ. Укрывшись отъ сѣвера каменной крѣпостью, нѣжится на солнцѣ Таримъ, набравшись силъ у предгорій, пересѣкая пустыню. По ночамъ, должно быть, холодно. Но день еще ласковъ. Задумчивъ прозрачными осенними далями.

— Какое счастье!—восклицаетъ Аріадна, опускаясь на застывшія волны золотистыхъ песчинокъ. —Никого, никого! Посмотри—и небо какое: строгое, мудрое. Не только людей... Ни одного облачка! Ни одной тучки! Мы здѣсь пробудемъ нѣсколько дней, правда, Владиміръ?

— Хорошо... Если хочешь...

Владиміръ тоже радъ спуску. Только теперь онъ чувствуетъ, какъ усталъ за послѣднее время. Но нужно, кромѣ отдыха, воспользоваться случаемъ: снять немедленно серебряную кайму съ крыльевъ аппарата. Если можно—счистить также синюю краску, какъ-нибудь измѣнить цвѣтъ.

Онъ стоитъ около аэроплана на приставленной къ крылу тонкой металлической лѣстницѣ отбиваетъ края. И чувствуетъ какое-то непонятное безпокойство. Время отъ времени взглядъ невольно обращается въ сторону холмовъ, гдѣ зіяютъ пещеры, молотокъ безсильно опускается въ рукѣ.

— А тутъ нѣтъ змѣй? — быстро произноситъ

Аріадна. Лицо, только что бывшее беззаботнымъ, счастливымъ, вдругъ становится строгимъ. Глаза тревожно оглядываютъ берегъ рѣки.

— Не знаю... — задумчиво отвѣчаетъ Владиміръ.—Намъ, во всякомъ случаѣ, нужно днемъ держаться поближе къ аппарату. А ночью лучше парить. Невысоко... Ну, какъ? Голова уже не кружится?

Онъ подходитъ къ ней, бросивъ на время работу, устало улыбается, садится рядомъ.

— Почти прошло... Только легкій туманъ. Поцѣлуй меня!

— Какъ я радъ за тебя, мое дитя! Ты такъ измучилась. Поблѣднѣла. Я, сказать по правдѣ, очень безпокоился, какъ бы ты серьезно не заболѣла. Слава Богу, теперь успокоишься, наберешься силъ.

Онъ почему-то оглядывается, опускаетъ голову.

— Да, мнѣ здѣсь такъ чудесно... Посиди со мной, Владиміръ. Поговоримъ. Доскажи, кстати, то, что началъ утромъ. Про генераторы.

— Про генераторы? Какіе?

— У тебя же, на островѣ. Что съ тобою? Ты такъ странно смотришь!

— Я? Нѣтъ. Ничего... Очевидно, просто реакція. Отъ утомленія. Да, ты спрашиваешь про генераторы. Да, да. Такъ вотъ, видишь ли... Первый изъ нихъ, какъ я тебѣ говорилъ, давалъ для паралича нервовъ обыкновенную волну. Распространявшуюся, какъ обычно, въ шаровой поверхности Да... Имъ я пользовался для дѣйствія на весь земной шаръ. Напряженіе было, конечно, градуиро-

вано. Согласно опытамъ: можно на часъ, можно на сутки... Больше 37 часовъ не дѣйствовало. Ади, посмотри, кстати, какая странная пещера... Самая ближайшая, у выступа. Будто не кругъ, а шестиугольникъ!

— А, по моему, кругъ. Ну, а второй? Владиміръ!

— Второй? Да, второй... Что касается второго, то онъ, видишь ли, былъ установленъ разъ навсегда. На постоянное разстояніе. Этотъ генераторъ давалъ шаровую завѣсу вокругъ Орса радіусомъ въ 300 километровъ.

Владиміръ вздохнулъ, помолчалъ.

— Здѣсь у меня получалось особенно сильное напряженіе. Достаточное, чтобы совершенно привести въ негодность нервную ткань. Когда было нужно, конечно, я выключалъ эманаціонный коньюнкторъ... Выходъ или входъ становился свободнымъ. Между прочимъ, если предоставить этотъ аппаратъ самому себѣ, завѣса смерти будетъ держаться около 200 лѣтъ. Пока не прекратится эманація. Наконецъ, третій генераторъ, былъ комбинированнымъ. Изъ двухъ. Къ генератору первому... Къ генератору первому...

— Владиміръ! Что?

— Ты не видишь? Правѣе солнца... На горизонтѣ...

Аріадна поднимается. Смотритъ.

— Господи! Да это птицы, Владиміръ!

— Птицы?

Онъ облегченно вздыхаетъ, беретъ ея руку, цѣлуетъ.

— Извини... Напугалъ. Да, да, теперь только вижу, какъ у меня расшатались нервы! Двѣ недѣли всего, а какъ будто я—и уже не я! Что-то надорвалось. Ушло. Если бы не ты, Ади, то...

— Не надо, милый! Не говори!..

— Все рухнуло. Да. Не только тамъ, во внѣшнемъ проявленіи, въ призрачной власти. Нѣтъ! Внутри. Во всемъ. Во всѣхъ углахъ души. Опьяненіе достигнутымъ, самоудовлетвореніе, гордость... Даже то, что вообще казалось въ мірѣ значительнымъ,— теперь все кажется дѣтской забавой, недостойной игрой передъ Богомъ, передъ природой. Если бы мы освободились отъ Корельскаго, Ади, я бы, дѣйствительно, бросилъ все. Я бы не притронулся ни къ одному аппарату, ни къ одной машинѣ. Я бы... Владиміръ обернулся. Вздрогнулъ.

— Кто это?

Лицо исказилось страхомъ. Въ глазахъ появилось что-то дѣтское, безпомощное.

— Ади... Кто-то посмотрѣлъ на меня! Ади!

— Владиміръ... Ради Бога!

— Посмотрѣлъ, Ади! Я чувствовалъ глаза!

— Милый... Успокойся... Я дамъ воды... Это нервы. Кто могъ смотрѣть? Видишь: кругомъ пусто. Только горы. Далеко. Сядь сюда. Ко мнѣ. Положи голову... Вотъ такъ... Такъ. Я буду гладить... Цѣловать. Это все съ тѣхъ поръ, мой любимый. Съ острова. Пройдетъ. Прекратится. Ты искупилъ уже... Посмотри, какъ хорошо вокругъ. Тихо. Спокойно. Солнце—нѣжное, хорошее. Небо—ясное, ясное... Владиміръ! Летятъ! Летятъ! Вставай!

IV

Это, дѣйствительно, были не птицы. Цѣлая эскадрилья международной полиціи неожиданно выросла въ воздухѣ. Часть ворвалась въ пустыню со стороны Кашгара, часть обошла съ сѣвера Тянь-Шань, внезапно показалась надъ ближайшими горами.

Уже при перелетѣ черезъ Аравію Владиміръ замѣтилъ, какъ со стороны Басры поднялось съ земли нѣсколько аппаратовъ, стало идти слѣдомъ за нимъ. Но вскорѣ всѣ, кромѣ одного, ушли на сѣверъ. Оставшійся мирно летѣлъ сзади, не стараясь нагнать, не дѣлая никакихъ подозрительныхъ попытокъ.

Онъ около Мерва тоже исчезъ, гдѣ-то снизился. Навстрѣчу, вмѣсто него, прошло два. Затѣмъ у Кашгара на горизонтѣ показался какой-то громоздкій, Владиміръ думалъ, что торговый...

— Ади, внутрь!

Она уже на борту. Онъ стоитъ въ аппаратной, держитъ руку на рычагѣ, быстрымъ взглядомъ окидываетъ небо, ища необходимаго мѣста для прорыва.

— Проклятіе! Поздно!..

Подниматься безсмысленно. Около двадцати аппаратовъ парятъ вокругъ, въ два яруса—по десяти. Стрѣлять не будутъ, конечно, имъ нужно не уничтожить, а захватить. Но у каждаго полицейскаго аэроплана есть омматинъ, производящій временную слѣпоту, асфиксіонъ, при вдыханіи котораго теряется сознаніе на нѣсколько часовъ. Они

пустятъ все въ ходъ. Кромѣ того, скорость движенія у нихъ не меньшая.

— Ну, какъ? Владиміръ!

— Безполезно!

Видя, что бѣглецы не движутся съ мѣста, два аппарата начинаютъ вертикально снижаться. Одинъ бѣлый, съ красными полосами,—англійскій. Другой —съ синими крыльями, бѣлой каютой и краснымъ остовомъ, очевидно, французскій. Достигнувъ поверхности земли, они мягко ударяются буфферами о песокъ, замираютъ. Съ борта каждаго соскакиваетъ по нѣсколько солдатъ въ серебряныхъ кэпи.

— Удушливымъ газомъ?—шепчетъ возлѣ плеча Аріадна.

— Пусть подойдутъ ближе...

— Потомъ полетимъ?..

— Посмотримъ...

Солдаты приблизились. Впереди каждаго отряда идетъ полицейскій чиновникъ. Одинъ изъ нихъ совсѣмъ недалеко. Поднимаетъ руку, кричитъ:

— Сдавайтесь!

— Пора...—тихо произноситъ Владиміръ.

Онъ беретъ трубку, выдвигаетъ впередъ. И рука, вдругъ, нѣмѣетъ. Будто внезапно превращенная въ дерево, безжизненно падаетъ на аппаратный столикъ, роняетъ трубку. Владиміръ наклоняется, дѣлаетъ усиліе, старается схватить... Пальцы не повинуются.

— Именемъ закона! Вы—мадамъ Штейнъ?

Около аппарата стоитъ французскій чиновникъ въ сверкающей серебрянымъ шитьемъ формѣ воз-

душной полиціи. Онъ держитъ руку у козырька кэпи, почтительно ждетъ.

— Да, я.

Аріадна наружно спокойна. Лицо только блѣдно. Расширены зрачки.

— Мерси,—любезно говоритъ французъ.— Согласно предписанію правительства, мадамъ, долженъ сообщить, что вы подлежите задержанію Очень прошу, только, смотрѣть на эту мѣру не какъ на арестъ, а какъ на временное почетное лишеніе свободы. Разрѣшите попросить васъ сойти съ аэроплана, мадамъ?

— Владиміръ!—вздрагиваетъ Аріадна.—Владиміръ!

Но Владиміръ неподвиженъ. Онъ стоитъ, прислонившись къ тонкому столбу аппарата, закрылъ глаза, молчитъ.

— Я не сойду, мсье,—спокойно произноситъ Аріадна.—Вы возьмете меня отсюда только силой.

— Я васъ прошу, мадамъ!

— Только силой!

— Вы мнѣ доставляете большое страданіе, мадамъ. Но если иначе невозможно, то что же дѣлать. Я принужденъ буду приказать вынести васъ на рукахъ. Вы не передумали, мадамъ?

Молчаніе.

— Берите!

Солдаты взобрались, окружили Аріадну кольцомъ. Осторожно обвиваютъ талію веревкой. Одинъ положилъ уже руки на плечи...

— Владиміръ! Я не могу!..

Владиміръ не движется. Онъ не видитъ ничего. Какой-то яркій туманъ проходитъ передъ нимъ, гдѣ-то раздается нѣжное пѣніе. Аріадна... Диктаторъ... Люди... Весь міръ... Нѣтъ никого. Все исчезло. Покой, покой, покой...

— Воздухъ горитъ!—отступаетъ, вдругъ, солдатъ, пытавшійся поднять съ пола лежавшую безъ сознанія Аріадну.—Воздухъ!—дико озираясь, восклицаютъ другіе.—Воздухъ! Воздухъ!—слышенъ тревожный крикъ вокругъ, среди обоихъ отрядовъ. Въ паническомъ страхѣ бѣгутъ солдаты. Одна минута, двѣ—оба аэроплана бросаются вверхъ.

А тамъ, въ небѣ, смятеніе. Точно въ бурю, разбѣгаются во всѣ стороны аппараты, гонимые ужасомъ. Тихъ, недвижимъ голубой воздухъ, осенняя даль по-прежнему нѣжна и прозрачна... Но никого наверху, до далекихъ сліяній съ землею.

. . . .

Владиміръ приходитъ въ себя, проводитъ пальцами по глазамъ, изумленно оглядываетъ пустыню.

— Что здѣсь было, Ади? Что было?

— Не знаю... Не понимаю...

— Ихъ нѣтъ?

— Ты видишь...

Владиміръ бросается къ аппаратному столику. Взвивается кверху.

— Нѣтъ, нѣтъ. Это уловка... Обманъ...—шепчетъ онъ.—Они стерегутъ. Они наблюдаютъ. Въ темноту! Въ темноту!

V

Было спокойно и безопасно тамъ, за полярнымъ кругомъ.

Правда, на западѣ, надъ Землей Франца Іосифа, круглый годъ дежурило нѣсколько воздушныхъ международныхъ метеорологическихъ станцій; къ нимъ разъ въ недѣлю изъ Европы приходили аппараты, привозившіе новыя смѣны наблюдателей, увозившіе отбывшихъ дежурство. На востокѣ, на такомъ же разстояніи, лежали Острова Ново-Сибирскіе. На нихъ работала арктическая физико-географическая комиссія Петербургской Академіи Наукъ.

Но здѣсь, на долготѣ мыса Челюскина,—никого. Никакого движенія, ни одного любопытнаго глаза. Была середина ноября, давно наступила полярная ночь. Въ первые дни послѣ прибытія, Аріадна съ тоскою слѣдила, какъ ежедневно, около того времени, когда долженъ быть полдень, южный небосклонъ, вдругъ, озарялся зарей, надъ фіолетовымъ снѣжнымъ полемъ протягивалась нѣжная полоса, вѣстникъ далекаго солнца. И затѣмъ—заря гасла. Съ каждыми сутками полоса становилась слабѣе. Вмѣсто солнца настойчиво, подолгу, небомъ начинала владѣть луна.

Эта луна!.. Послѣ періода паденія снѣга двѣ недѣли изъ-за нея пришлось провести почти у самаго полюса. Солнца нѣтъ, она царитъ надъ ледяными пространствами, превращаетъ ночь въ день, вырисовываетъ каждую глыбу, черня прорывы воды надъ струями теплыхъ теченій,

бросая сизыя тѣни. Только когда къ новолунью она ушла подъ горизонтъ, навстрѣчу невидимому солнцу,—можно было вздохнуть, передвинуть аппаратъ на югъ, къ восьмидесятому градусу.

Ночь теперь ясна и безлунна. Наверху только звѣздное небо, почти у зенита Полярная. И внизу —все во мракѣ, погружено въ ледяной мертвый сонъ. Но Владиміръ неспокоенъ. Переставивъ стрѣлку калорифера на максимумъ, гаситъ огни, опускаетъ у окна кабинета тяжелую штору.

— Я былъ бы совсѣмъ счастливъ, Ади, если бы не эти сѣверныя сіянія,—говоритъ онъ, садясь къ калориферу, въ которомъ отъ атомнаго распада барія раскалено желѣзо.—До сихъ поръ были только небольшіе лучи. А сегодня!..

Онъ хмурится, глядя на сѣверъ. Тамъ, дѣйствительно, какое-то нервное движеніе огней. Выросъ сверкающій лукъ съ тетивой у горизонта, прикрылъ темнымъ сегментомъ чью-то грозную руку. Одна за другой бѣгутъ къ зениту яркія стрѣлы, бросаются вверхъ, уходятъ назадъ, не достигнувъ призрачной цѣли. Сквозь нихъ еще видны звѣзды. Но ярче и ярче загорается небо. Отбросивъ всторону лукъ, кто-то невидимый показывается въ сіяющей мантіи, оправляетъ голубыя и розовыя воздушныя складки, задергиваетъ сѣверъ пылающимъ занавѣсомъ.

— Опять придется уходить дальше!—въ отчаяніи произноситъ Владиміръ.

— Намъ, вообще, нельзя больше оставаться здѣсь,—послѣ долгаго молчанія говоритъ съ дивана Аріадна. Она укрыла ноги подушками, закута-

лась вся въ большой кожаный плэдъ.—Все равно недѣля, двѣ, мѣсяцъ. А потомъ? У тебя всего на пять недѣль осталось препарата урана. Консервы кончились, однѣ только пилюли. Придется, въ концѣ концовъ, искать пристанища на землѣ.

— Да, это такъ... Но гдѣ?

— Все равно гдѣ, Владиміръ. Гдѣ угодно. Лишь бы въ теплѣ. Неужели ты думаешь, что въ воздухѣ легче скрываться? На землѣ—въ пустынѣ, на островѣ, такъ удобно. Никто не замѣтитъ, никто не увидитъ. Спрячемся въ пещерѣ. Если нужно, будемъ жить въ лѣсу... Я на все согласна. Я ко всему приготовилась. Но этотъ холодъ, Владиміръ! Это качаніе въ воздухѣ!

Она смолкаетъ. Владиміръ сидитъ, опустивъ голову, неподвижно смотритъ на калориферъ.

— Ты права. Да. Ты права, Ади, — говоритъ, наконецъ, онъ, поднимая на нее тоскливый взглядъ. —Я что-нибудь придумаю. Непремѣнно...

— Безъ пристанища, безъ убѣжища, видя въ каждомъ человѣкѣ врага...—тихо продолжаетъ Аріадна.—Какъ страшно! Ты тогда, помню, смѣялся. Говорилъ о муравьяхъ, строющихъ домъ. О сифонофорахъ, создавшихъ корабль... А какъ они счастливы, должно быть! И тутъ, внизу. Снѣгъ, льды, вѣчная ночь... И все-таки, въ глубинѣ, гдѣ-то у дна, ходятъ рыбы. И у нихъ—родной уголъ. И у нихъ общая радость...

— Ади! Не надо!

Владиміръ нервно сжимаетъ ручки кресла, встаетъ.

— Будто нарочно! — шепчетъ онъ, глядя въ

окно. Сѣверное сіяніе разростается, ширится. Вотъ уже нѣкоторые огни перебросились черезъ зенитъ. Точно пугливые призраки, бѣгутъ съ сѣвера во всѣ стороны, загораются на темныхъ провалахъ звѣзднаго неба, гаснутъ, снова вспыхиваютъ, сплетаются другъ съ другомъ въ безмолвной огненной пляскѣ.

— Это вродѣ луны... Этотъ яркій свѣтъ. Неизвѣстно когда, неизвѣстно надолго ли... Да, Ади! Я согласенъ. Нужно куда-нибудь... На югъ. На острова. Я выберу... Но намъ придется держаться вдали. Отъ всѣхъ, отъ всего. Это ужасно. Будетъ жизнь хуже первобытной. Хуже—послѣдняго дикаря. Ади, какъ я тебя измучилъ! Ади, любимая, сколько изъ-за меня горя!

Онъ опускается у ея ногъ, не отрываясь, цѣлуетъ руку. На глазахъ при свѣтѣ сѣвернаго сіянія блескъ появившихся слезъ.

— Владиміръ, ты плачешь?

Она порывисто обнимаетъ голову, осыпаетъ поцѣлуями. Онъ тихо вздрагиваетъ, скрывъ лицо на ея груди.

— Не могу видѣть...—слышенъ надломленный голосъ.—Не могу... Разрывается душа... Я вижу—терпишь. Не упрекаешь. Но, развѣ, не знаю? Я виноватъ. Я! Во всемъ! Ади: скажи. Скажи правду. Не бойся. Ади, ты, можетъ быть, хочешь покориться? Ади... Ты хочешь уйти?

— Владиміръ!

— Вѣдь, ты умрешь такъ, Ади. Я знаю. Еще немного—надломишься. Погибнешь. Я хочу тебѣ счастья, Ади. Я хочу, чтобы ты жила... Чтобы ве-

селы были глаза... Чтобы не было этихъ мукъ страха...

— Владиміръ!

Отблескъ радужнаго неба смѣшался съ лучами горящихъ восторженныхъ глазъ. Она цѣлуетъ неудержно, бурно, сжимаетъ въ объятьяхъ голову, давшую столько счастья, столько страданій.

— Только безъ тебя смерть!.. Только безъ тебя!.. До конца твоя. Вся твоя. Меня нѣтъ. Ты—одинъ. Одинъ ты!..

. . . .

Онъ вышелъ въ аппаратную. Сердце билось въ утихающей радости, въ душѣ стояла безотчетная ясность. Сквозь окна каюты и сквозь прозрачный полъ лился отовсюду разноцвѣтный огонь. Сіяніе уже охватило все небо, вмѣсто звѣзднаго темнаго купола колыхался вокругъ холодный пожаръ. Внизу, на мертвой равнинѣ, отвѣчая огнямъ, игралъ снѣгъ ковромъ самоцвѣтныхъ камней. Темныя пятна океана между ледяными разрывами свѣтились кровью и небесной лазурью. Безшумно, прозрачно, бушевала магнитная буря, завладѣвъ небомъ, оттолкнувъ испуганныя поблекшія звѣзды.

— Еще на нѣсколько дней... Только на нѣсколько дней...—говорилъ Владиміръ, взявшись за рычагъ, рѣшивъ идти къ полюсу.

Но рука почему-то, двинулась вправо. И аппаратъ понесся на югъ.

VI

Путь къ острову Св. Пасхи, который Владиміръ выбралъ для спуска, лежалъ черезъ Вос-

точную Сибирь и Японію. До Якутска морозный воздухъ былъ ясенъ, прозраченъ, и это внушало тревогу. Но при подходѣ къ Яблоновымъ Горамъ пришли навстрѣчу спасительныя снѣжныя тучи, съ востока задулъ вѣтеръ, аппаратъ вошелъ въ пронизанный кристаллами туманъ.

Если бы такъ до Кореи, и если бы дождь надъ Японіей! Надъ океаномъ уже менѣе людно...

Вокругъ бѣлая мгла. Сверху, снизу, по сторонамъ—слѣпая стѣна, сверкающая иглами рождающагося снѣга. Вмѣсто компаса у Владиміра надъ столикомъ индикаторъ: карта съ автоматически передвигающейся стрѣлкой, указывающей направленіе движенія и мѣстоположеніе надъ земною поверхностью. Надъ Яблоновымъ Хребтомъ пришлось подняться выше, вынырнуть по ту сторону тучъ, въ прозрачность морозныхъ высотъ. Затѣмъ опять спускъ.

Аріадна стоитъ рядомъ, смотритъ на бѣлую пустыню вокругъ, лицо радостно, спокойно. Это пустяки, что вѣтеръ качаетъ, набрасывается. Никакой вихрь не можетъ перевернуть аппаратъ системы Фурно: въ буфферахъ, замѣнившихъ старинныя хрупкія колеса, огромная тяжесть свинца, центръ тяжести почти въ самомъ низу, аппаратъ при всякомъ качаніи возвращается въ вертикальное положеніе.

— Надъ Японіей будемъ ночью?

— Да, я соразмѣрилъ ходъ.

— А теперь гдѣ?

— Скоро Хайларъ.

— Покажи-ка.

Аріадна наклоняется къ индикатору, смотритъ на стрѣлку. Поднимаетъ затѣмъ на Владиміра удивленные глаза.

— Какъ Хайларъ?—произноситъ она.—Хайларъ далеко налѣво. Мы надъ Кульджей, Владиміръ!

— Что ты говоришь, Ади. Посмотри: сзади Чита, впереди Цицикаръ. А тутъ ясно напечатано: Хайларъ.

— Это?

Она вздрагиваетъ. Пытливо смотритъ въ лицо.

— Тутъ по твоему напечатано—Хайларъ?

— А что же?

— Кульджа.

— Будешь спорить со мною, Ади!

— Владиміръ!—испуганно восклицаетъ Аріадна, переводя взглядъ съ карты на него и съ него на карту. — Ты шутишь. Никакого Хайлара здѣсь нѣтъ. И стрѣлка показываетъ не на Японію, а на Тянь-Шань. Смотри!

Владиміръ улыбается. Улыбка увѣренности въ своей правотѣ, но въ то же время какая-то странная, радостная. Онъ не смотритъ на Аріадну, поворачивается къ рычагу, начинаетъ поднимать аппаратъ на большую высоту.

— Горы,—озабоченно говоритъ онъ.

— Горы? Какія?

Онъ не отвѣчаетъ. Опять улыбается. И у нея внезапно страшная мысль: а вдругъ — не выдержалъ? Долгое напряженіе... Вѣчный страхъ .. Вѣдь, самъ говорилъ утромъ, что не знаетъ — почему взялъ курсъ на югъ...

— Тянь-Шань,—дрожащимъ голосомъ читаетъ Аріадна подъ стрѣлкой.

— Большой Хинганъ,—шепчетъ Владиміръ.

— Тянь-Шань, смотри! Видишь?

Онъ не смотритъ, молчитъ. Молочное море вокругъ валится въ пропасть. Опускаются бѣлые гребни, начинаютъ ходить подъ аппаратомъ освѣщенныя заходящимъ солнцемъ клубящіяся золотыя волны. Аріадна не говоритъ ничего, стоитъ рядомъ, съ замираніемъ сердца ждетъ неизбѣжнаго, рокового. Онъ не выдержалъ, да. Съ каждымъ часомъ—все радостнѣе и радостнѣе улыбка, взглядъ разсѣянъ, вниманіе постепенно уходитъ вглубь, всецѣло поглощено чѣмъ-то.

— Мы прилетѣли,—говоритъ, наконецъ, Владиміръ, послѣ долгаго жуткаго молчанія. — Я спускаюсь.

Аріадна дрожитъ, схватываетъ за руку, страдальчески смотритъ въ неузнаваемое любимое лицо.

— Куда? Куда спускаешься? Владиміръ!

— На Островъ Пасхи.

— На Островъ Пасхи? Да, да. Хорошо. На Островъ Пасхи. Мы только спустимся утромъ, когда будетъ свѣтло. Правда? Останемся здѣсь. Успокоимся. Тебѣ нуженъ покой. Владиміръ! Любовь моя! Посмотри на меня! Ты любишь? Ты видишь меня? Владиміръ!

— Какъ хорошо, Ади... Какъ хорошо... Кончается все... Исчезаетъ... Мы будемъ счастливы... Счастливы...

. . . .

Онъ въ забытьи. Заснулъ, какъ будто. Вокругъ непроницаемая холодная ночь. Ничего не видитъ глазъ. Будто нѣтъ міра, исчезъ, растворился во мракѣ, оставилъ черный провалъ. Аріадна сидитъ рядомъ, не спитъ, смотритъ на Владиміра, мучительно думаетъ.

... Утромъ нужно заставить спуститься, пойти вмѣстѣ къ пещерамъ. Можетъ быть, львы тамъ? Все равно... Есть двѣ карманныхъ митральезы. Удушливый газъ. И, кромѣ того, если конецъ, то— пусть тутъ. Безъ скитаній. Безъ новыхъ страданій. А, можетъ быть, никого? Они перенесутъ изъ аппарата все, что можно. Устроятся. Будетъ уютно... Онъ придетъ въ себя. Это—временное. Не на долго. Онъ такъ здоровъ. У него такой ясный, упорный мозгъ...

Что это? Какъ будто, мелькнуло въ воздухѣ за окномъ. Засвѣтилось. Точно фигура человѣка, окруженнаго нѣжнымъ сіяніемъ, пронеслась сквозь мракъ, ушла въ глубь ночи, погасла вдали.

... У нея тоже нервы разстроены. Да. Но теперь надо крѣпиться. Думать за двоихъ. Бороться... Не нужно окна. Для больныхъ нервовъ такъ ужасенъ непроглядный ночной мракъ.

Она задергиваетъ штору, встаетъ, подходитъ къ индиктатору. Чтобы отогнать страхъ, повторяетъ, глядя на карту возлѣ остановившейся стрѣлки:

— Такла Маканъ... Курукъ Тагъ... Таримъ... Таримъ...

VII

Аппаратъ опустился у самаго берега рѣки. Напоенный осенними дождями, Таримъ хмуро шеве-

лилъ сѣрыми водами, величественно плылъ въ берегахъ между щетинистыми зарослями дерисуна. Въ знойную лѣтнюю пору здѣсь сплетаются на ложѣ песка и гальки узкіе рукава, неизвѣстно гдѣ начинающіеся, неизвѣстно гдѣ исчезающіе, поглощенные раскаленной землею. Теперь нѣтъ рукавовъ—все слилось въ одну стальную змѣиную чешую. Далеко, къ сѣверу, стоятъ отроги Тянь-Шаня, вершины срѣзаны грузными тучами, хвойный лѣсъ подъ линіей облаковъ сверкаетъ снѣжнымъ нарядомъ. Безъ конца на востокъ и на западъ пустыня, притаившаяся, насупившаяся въ ожиданіи зимы. И только холмы Курукъ Тага прерываютъ унылую даль, гребнями камня идутъ отъ рѣки вглубь, теряясь въ пустынной мглѣ Гоби.

Аріадна стоитъ на палубѣ около Владиміра, умоляюще смотритъ на застывшее въ спокойной увѣренности лицо.

— Уничтожить аппаратъ?—съ дрожью въ голосѣ говоритъ она.—Это невозможно, Владиміръ! Это безсмысленно!.. Нужно сначала изслѣдовать. Осмотрѣть мѣстность. Если тутъ нельзя нигдѣ укрыться, мы полетимъ дальше. Въ Океанію.

— Мы никуда не полетимъ, Ади. Нашъ путь оконченъ. Мы у цѣли.

— У какой цѣли?

Она безпомощнымъ взглядомъ окидываетъ мутныя воды Тарима. Переводитъ взоръ на пустыню, надъ которой повисло тяжелое снѣжное небо.

— Я не знаю. Но мы у цѣли. Намъ ничего больше не нужно.

Онъ идетъ къ борту, достаетъ изъ ящика тотъ

самый топоръ, которымъ сбивалъ въ прошлый разъ серебряный ободъ у крыльевъ, подходитъ къ спущенной лѣстницѣ.

— Сойди на землю, Ади.

— Владиміръ!

— Сойди на землю, Ади.

Она не можетъ понять до сихъ поръ: что съ нимъ. Иногда—обыкновенная разумная рѣчь. Иногда забытье, чужой голосъ, чужія слова. Ей не вѣрится, что онъ осуществитъ этотъ дикій, безразсудный планъ. Все еще не покидаетъ надежда, что образумится, пожалѣетъ ее, себя. Безъ аппарата здѣсь вѣрная гибель.

Но Владиміръ уже въ аппаратной. Остановился у столика, на мгновеніе замеръ, будто въ раздумьи. И, вдругъ, взмахнулъ топоромъ.

Зазвенѣли стекла, рушась осколками на берегъ. Застонало дерево стѣнъ. Индикаторъ, рычаги, ключи, колеса, карты, трубки, калориферы, куски никкеля, стали... Одну часть за другой, спокойной рукой, точно дѣлалъ что-то обычное, естественное, Владиміръ выбрасывалъ, топилъ въ рѣкѣ. Затѣмъ, покончивъ съ аппаратной, оставивъ только упорныя трубы нагнетателя, производившаго у кормы смѣну воздушныхъ отталкиваній, спустился на песокъ.

— Погибли...—съ ужасомъ шептала, стоя вспоронѣ, Аріадна.—Теперь кончено... Кончено. Смерть...

Она успѣла кое-что вынести. Но не все ли равно? Къ чему? Какія-то мелочи, одежду... Что брала, сама не сознавала. Что попадалось подъ

руку, необходимое, незначительное, полезное, дорогое по памяти о прошломъ.

— Помоги, Ади!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ...

Онъ налегаетъ на аппаратъ плечомъ, желая столкнуть въ рѣку. Но тяжелые буффера не поддаются. Вздрагиваетъ остовъ отъ каждаго упорнаго толчка, трепещутъ крылья. Владиміръ обходитъ аэропланъ, становится у самой воды, начинаетъ выбивать изъ подъ двухъ крайнихъ буфферовъ отдѣльные камни. Немного только наклонить, перемѣстить центръ тяжести... И легко сбросить все въ воду.

День тянется мучительной нитью. Будто начался когда-то давно, нѣтъ конца ему, каждый новый часъ наполненъ безконечностью отчаянія. Ночь въ пустынѣ! Въ темнотѣ, на землѣ, гдѣ змѣи и звѣри, гдѣ можетъ пойти снѣгъ, начаться метель! Одна надежда теперь на пещеры. Аріадна жадно смотритъ, вглядывается... Разстояніе—пятнадцать, двадцать километровъ. Хотя въ пустынѣ разстоянія обманчивы.

Одна изъ нихъ, дѣйствительно, не круглая. Шестиугольная. Владиміръ правъ... Развѣ бываютъ въ природѣ такія симметричныя формы? Надъ пещерой, какъ будто, утесъ наверху, одинокій и странный, точно башня, развалины крѣпости.

Аріадна роется въ грудѣ принесенныхъ вещей, достаетъ бинокль. Теперь это не праздное любопытство, не любознательность. Вопросъ жизни и смерти. Да, утесъ. Никакой башни. Никакой крѣпости. На скалѣ, гладко обточенной, совсѣмъ пло-

скій камень. И наверху... Наверху что-то движется. Фигура! Человѣческая фигура! Стоитъ. Одна рука поднята къ небу. Двинулась. Идетъ... Переходитъ со скалы на скалу—будто перелетаетъ по воздуху.

Спасены?

Аріадна дрожитъ. Хочетъ крикнуть Владиміру, побѣжать. Но рука прикована къ биноклю.

— Что-то странное... Странное... — тихо шепчетъ она. — Человѣкъ?

VIII

Аппаратъ рухнулъ. Надъ сѣрыми водами Тарима видны темныя чашки буфферовъ, подъ ними пѣнятся натолкнувшіяся на препятствіе мутныя струи. Изъ чешуйчатой ряби рѣки острымъ угломъ выдвигается въ воздухъ колеблющійся обломокъ крыла.

— Человѣкъ! -задумчиво говоритъ Владиміръ, глядя въ сторону холмовъ Курукъ Тага. — Развѣ можно отсюда увидѣть, Ади.

— Я смотрѣла въ бинокль. Я ясно видѣла, Владиміръ! Посмотри самъ... На скалѣ. Выше пещеры... Возьми!

— Нѣтъ, нѣтъ...

Онъ, какъ будто, пугается. На лицѣ—брезгливость. Осторожно беретъ изъ ея рукъ бинокль, неожиданно бросаетъ въ рѣку.

— Не надо.

— Что съ тобой!

— Да, да, не надо. Мы скоро узнаемъ. Все. Идемъ, Ади. Я чувствую...

Былъ полдень. Но отъ хмураго неба пустыня

казалась погруженною въ сумерки. Тутъ, вблизи, у рѣки, изъ земли мертвенными иглами поднимались высокіе пучки дерисуна. За ними — чахлые кустарники дзака. Скоро, однако, заросли кончились. Далеко позади Таримъ, питающій ихъ корни въ солончаковой почвѣ. Теперь — мелкіе камни, точно дно опустошеннаго моря. Между камнями желто-сѣрый песокъ. И наверху, когда зарослей нѣтъ, рѣзкій, пронизывающій предснѣжный вѣтеръ.

— Тебѣ холодно, бѣдная... — нѣжно говоритъ онъ, поправляя соскользнувшій съ ея плечъ кожаный плэдъ. — Ничего... Ничего... Скоро кончится. Больно идти?

— Да...

— Потерпи. Хочешь, понесу? На рукахъ?

— Нѣтъ, я сама. Я могу. Лишь бы только до темноты! До ночи! Эти люди спасутъ. Кто бы ни былъ. Даже разбойники...

— Спасутъ. Да. Страннаго вида... Что было страннаго, Ади? Ты мнѣ не сказала.

— Человѣкъ? Ты же самъ не хотѣлъ... Не знаю... Быть можетъ, обманъ... Обманъ зрѣнія... Но показалось, будто — безъ одежды. И не ходилъ, перелеталъ. Со скалы на скалу...

— Перелеталъ?

Владиміръ смолкаетъ. Но на лицѣ нѣтъ удивленія во время этихъ словъ Аріадны. Наоборотъ — больше спокойствія. И все та же улыбка. Непонятная, странная.

Уже скоро вечеръ. Сгустились тучи, солнце склоняется къ горизонту. На юго-западѣ, сквозь стрѣльчатый разрывъ сверкаетъ высокое перистое

облако. Косой мутный лучъ упалъ внизъ, вонзился въ синій призракъ далекихъ, чуть замѣтныхъ изгибовъ Куэнъ-Луня. Половина пути отъ Тарима до Курукъ Тага пройдена. Но камни изрѣзали туфли. Съ каждымъ шагомъ все сильнѣе и сильнѣе въ ногахъ острая нестерпимая боль.

— Остановись, — говоритъ, изнемогая, Аріадна.—На минуту... Я не могу.

— Хорошо... Отдохни, — участливо соглашается онъ.

— Но мы успѣемъ?

— Не знаю.

— Вдругъ, будетъ поздно... Темно...

— Все равно, Ади.

— Нѣтъ, нѣтъ... Нужно. Нужно. Идемъ! Я не буду обращать вниманія... Еще часъ. Два. Я должна! Я иду!

Она, задыхаясь, дѣлаетъ нѣсколько порывистыхъ шаговъ. Почти бѣжитъ. И внезапно, вдругъ, останавливается.

— Не можешь? Болитъ?

Аріадна не отвѣчаетъ. Стоитъ, вытянувъ руки, со страхомъ перебираетъ въ воздухѣ пальцами.

— Владиміръ!

— Сейчасъ, Ади... Что?

Онъ подходитъ.

— Не могу! Понимаешь... Нельзя дальше! Нельзя идти! Не пускаетъ!..

Владиміръ не удивленъ. Будто зналъ раньше. Стоитъ рядомъ, протягиваетъ руку и чувствуетъ: затвердѣлъ воздухъ. Точно что-то непреодолимое, нерушимое, выросло впереди, отъ земли къ небу.

И упираются въ прозрачную стѣну безсильные пальцы, не можетъ перешагнуть занесенная для шага нога.

— Мы будемъ ночевать здѣсь,—радостно опускается на землю Владиміръ.—Теперь нѣтъ опасности. Теперь нѣтъ никакой опасности, Ади. Будь спокойна. Насъ охраняютъ.

— Кто?

— Не знаю.

И страхъ, и боль, и безисходный ужасъ — все побѣждено мертвящей усталостью. Въ безразличіи ко всему, потерявъ къ сопротивленію силы, Аріадна спитъ, уронивъ лицо на колѣни Владиміра, заботливой рукой прикрытая плэдомъ.

Кругомъ — холодная ночь, безъ просвѣтовъ вверху, безъ одного огня во всѣ стороны. Чуть блѣднѣютъ вблизи сѣрые камни, неясный кругъ около ногъ переходитъ въ черную бездну, нѣтъ горизонта, нѣтъ земли, нѣтъ неба. Ослѣпительное, грозное, невидимое Ничто.

Но Владиміръ ждетъ... Напряженно ждетъ. Обративъ взглядъ туда, гдѣ во babakѣ должны проходить холмы Курукъ Тага, пристально вглядывается. И знаетъ навѣрное: сейчасъ будетъ. Сейчасъ. Въ тишинѣ ночи — глухота небытія. Даже шорохи не нарушаютъ молчанья пустыни. Иногда, только, что-то вздохнетъ, больно ужалитъ покой. Но это песокъ подъ ногами... Дыханіе сна Аріадны.

— Слышу!—поднимаетъ, вдругъ, голову Влади-

міръ. Глаза наполняются благоговѣйнымъ восторгомъ.—Я слышу!

Онъ сидитъ—застылъ, замеръ. И чувствуетъ: чужая мысль вошла откуда-то въ мозгъ. Разбудила слова, сама сплетаетъ ихъ въ одно четкое цѣлое, говоритъ помимо слуха, говоритъ внутри, гдѣ-то внутри:

„Немного насъ на землѣ. Никому неизвѣстны имена наши. Въ странахъ мороза и зноя, въ лѣсахъ и пустыняхъ, на горахъ и въ равнинахъ, живутъ братья Арни. И только они знаютъ тайну богатства, дарованнаго Божествомъ человѣку.

Отъ печали душъ нашихъ ввергаются въ печаль не вѣдающіе причины народы. Отъ радости нашей ликуютъ слѣпыя безсчетныя толпы. Если гнѣвъ охватилъ кого-либо изъ Арни, или спорятъ Арни другъ съ другомъ, звенитъ тогда на землѣ оружіе, льется кровь, вскипаетъ борьба.

Но мы не жаждемъ власти надъ земнымъ человѣчествомъ. Власть сама собою приходитъ. Мы не осуществляемъ власти въ союзѣ съ вещами, несущими страхъ, дающими блага земли. Ни тяжести камня въ рукѣ, ни сверканія золота, ни обѣщанія суетныхъ случайныхъ даровъ.

Вы не знаете насъ. И потому мы властители. Вы не призываете насъ. И потому не возстаете противъ могущества нашего. Ни мы, ни вы—никто не ждетъ ничего, не идетъ навстрѣчу, не борется. И это скрѣпляетъ. И это не разлучаетъ во-вѣки.

Арни я, потомокъ древнихъ дивлиновъ. Безразличны для меня отдѣльные люди. Вся любовь удѣлена поровну каждому, расплавляется въ люб-

ви къ Божеству. Но былъ день, былъ странный день. Дрогнули Арни. Кто-то дерзкій, безумный, взялъ въ руки мертвую вещь, сказалъ всему живущему на землѣ: усни.

То былъ ты, человѣкъ!

Жалкій, грѣшный, безсильный. Безъ мертвыхъ вещей не умѣющій бороться съ морозомъ и зноемъ. Безъ мертвыхъ вещей не слышащій голоса далекаго ближняго.. Безъ мертвыхъ вещей не могущій преодолѣть силы тяжести, побѣдить пространство и время.

На короткій срокъ уснулъ міръ по твоему повелѣнію. Не спали одни мы, Арни, и мы увидѣли островъ. И тебя, опьяненнаго. И проклятіе ликующихъ, сотворенныхъ тобою, мертвыхъ предметовъ.

Мы увидѣли. Мы узнали. Ты желалъ только добра. Ты былъ чистъ, безкорыстенъ. Но невозможно стать Арни, замѣнивъ могущество духа могильной силой бездушія. Нельзя охранить себя, окутавъ убѣжище свое покровами смерти.

Мы люди сами. Мы смертные сами. Но другими путями идемъ къ совершенству. Отъ желанія духа —измѣняется тѣло. Отъ измѣненнаго тѣла—крѣпнетъ величіе духа. Все — у насъ, все — только въ насъ. Все, всегда, сплетенное зовомъ природы и Бога, путь безконечный къ могуществу Ангеловъ.

Ты наказанъ за дерзость. Вмѣсто Арни—червякъ. Вмѣсто повелителя—рабъ. Ты наказанъ, человѣкъ, но срокъ твой исчерпанъ. Въ мученіяхъ совѣсти, по велѣнію нашему, освободилъ врагъ тебя, разрушилъ орудія, ушелъ въ небытіе. Возвращайся назадъ, въ грѣшный міръ. Ты свободенъ.

Тамъ попрежнему будешь равенъ всѣмъ остальнымъ. Но однимъ краемъ души ты поднялся до насъ, до могущественныхъ Арни. Ты отнынѣ узналъ то, чего не знаютъ другіе. Не въ расцвѣтѣ призрачной силы, въ отрицаніи мертваго—просвѣтленіе твое.

Иди же въ свой міръ, человѣкъ. Не грѣши больше!“

IX

Громоздкій аппаратъ состоящей при Лигѣ Націй „Комиссіи по борьбѣ съ мистицизмомъ“ врѣзался буфферами въ мелкіе камни, закачался на упругихъ рессорахъ.

По спущенному съ палубы трапу сошло нѣсколько человѣкъ охотничьей команды, взятой на случай нападенія дикихъ звѣрей. За охотниками стали медленно спускаться на землю, судорожно хватаясь за боковыя веревки, ученые члены Комиссіи.

Профессоръ Жанъ Мартэнъ Леско, знаменитый французскій психофизіологъ, и извѣстный нѣмецкій физикъ профессоръ Гуго Мерцъ,—оба, въ сопровожденіи французскаго полицейскаго чиновника Поля Куртэ, осторожно стали осматривать мѣстность.

— Вы увѣрены, что это происходило съ вами именно здѣсь?—спрашивалъ профессоръ Леско Поля Куртэ.

— Я не могу вамъ съ точностью сказать, господинъ профессоръ,—нерѣшительно отвѣчалъ Куртэ, внимательно водя носомъ по всѣмъ сторонамъ горизонта.—Но, насколько мнѣ помнится, это именно тотъ районъ.

— А какъ было? Все казалось охваченнымъ огнемъ, или только опредѣленный участокъ?—уг-

рюмо поправилъ свои очки профессоръ Мерцъ, исподлобья глядя на пустыню.—Если весь, то я бы рекомендовалъ физическій отдѣлъ станціи установить не здѣсь, а на этихъ холмахъ. Они—доминируютъ.

— По моему, профессоръ, намъ необходимо придерживаться именно того мѣста, гдѣ происходило событіе,—мягко возразилъ профессоръ Леско. —Психофизическіе приборы могутъ дать совершенно другую картину, если мы установимъ ихъ не тамъ, гдѣ пожаръ воздуха наблюдался свидѣтелями.

— Отсюда, вѣдь, до холмовъ всего нѣсколько километровъ...—тяжело повернулъ короткую шею профессоръ Мерцъ.

— Все равно. И нѣсколько километровъ для психическихъ явленій имѣютъ значеніе. Если мы установимъ психофизіологическій отдѣлъ въ другомъ мѣстѣ, внѣшнія условія безъ сомнѣнія произведутъ аберрацію. Своего рода параллаксъ впечатлѣній.

— Хорошо. Мы обсудимъ это послѣ обѣда,—пробурчалъ профессоръ Мерцъ, не желая, стоя на неудобныхъ камняхъ, начинать научнаго спора.— Во всякомъ случаѣ, мы не будемъ выгружать пока ни желѣзо-бетонныхъ стѣнъ, ни всей обстановки.

Мерцъ поморщился отъ порыва холоднаго вѣтра, недовольно покосился на холмы Курукъ-Тага.

— Ваше дѣло, конечно, профессоръ, приписывать все происшедшее коллективной галлюцинаціи, —заговорилъ презрительно онъ.—Но я, со своей стороны, убѣжденъ, что здѣсь просто-на-просто происходилъ тихій разрядъ электричества. Ничего необыкновеннаго. Не такъ давно Фортлагеръ наблюдалъ подобный случай въ Центральной Африкѣ.

Затѣмъ, если хотите, могу привести литературу вопроса: Робертъ Кранцъ: „Vorlesungen über den Blitz“, Band II. Францъ Мюрингъ: „Die Elektrizität in den Wüsten“. И, кромѣ того, Майеръ, Фишеръ, Локкъ.

— Тихій разрядъ?—недовѣрчиво повторилъ слова Мерца профессоръ Леско, садясь на камень. —Я не спорю, возможно. Но только почему, въ такомъ случаѣ, скажите пожалуйста, находившіеся наверху полицейскіе, не спускавшіеся на землю, никакого огня нигдѣ не видѣли? Почему они говорятъ только о какомъ-то неопредѣленномъ ужасѣ, заставившемъ ихъ разлетѣться въ разныя стороны? Вы не читали, напримѣръ, путешествія Дарвина по Кордильерамъ... А тамъ ясно говорится о безотчетномъ страхѣ, который охватываетъ въ горахъ путешественниковъ. Прочитайте также работы изслѣдователя Средней Азіи Скасси. Онъ съ такимъ же явленіемъ столкнулся во время путешествія по Туркестану. Вообще, у насъ, психологовъ, есть для подобныхъ случаевъ спеціальные термины: орофобія—горный испугъ, и эремофобія—пустынный страхъ. А это, какъ никакъ, указываетъ, что вопросъ уже поставленъ на твердую почву. Погодите... Что тамъ такое?

— Нашлись! Нашлись!

Поль Куртэ радостно машетъ рукой, поднявшись на каменный бугоръ. Затѣмъ спускается съ камня, исчезаетъ на время и появляется снова съ двумя незнакомыми медленно идущими спутниками.

— Frau Штейнъ?—переспрашиваетъ профессоръ Мерцъ, изумленно выслушивая прерывистое объясненіе подбѣжавшаго Куртэ.—Та самая зна-

менитая Штейнъ? Профессоръ, что вы скажете по данному неожиданному вопросу?

— Я думаю, намъ нужно идти навстрѣчу... Непремѣнно. Мадамъ Штейнъ! Послѣ эдикта № 5 и отреченія Диктатора она въ Европѣ теперь самая модная женщина! Слѣдовало-бы, пожалуй, произвести и привѣтственную рѣчь. Можетъ быть, произнесете, профессоръ?

— Ну, нѣтъ, извините. Если говорить, то говорите вы. Вы французъ.

Аріадна лежитъ на постели въ каютѣ аппарата „Комиссіи по борьбѣ съ мистицизмомъ“. Каюта просторная, уютная, отдѣланная съ комфортомъ. Холодная ночь, проведенная въ пустынѣ, не прошла безнаказанно. Состоящій при Комиссіи докторъ нашелъ легкую простуду, прописалъ эманаціонный массажъ легкихъ, полный покой, усиленное питаніе. Владиміръ утомленъ, блѣденъ, будто перенесъ долгую тяжелую болѣзнь. Но въ глазахъ бодрость, обычный ясный, спокойный взглядъ. Онъ сидитъ у постели, держитъ руку Аріадны, смотритъ въ счастливое любимое лицо.

— Обѣщали отвезти въ Петербургъ? — радостно спрашиваетъ она, сжимая руку Владиміра. — Когда? Скоро? Скорѣе бы!..

— Когда установятъ станцію, навѣрно послѣзавтра. Усни, Ади. Тебѣ необходимо. Усни, любимая!

— А ты будешь здѣсь? Рядомъ?

— Да. Рядомъ. Вотъ такъ...

За тонкой стѣной — служебная каюта Комиссіи. Чей-то громкій голосъ говоритъ:

— Профессоръ проситъ окончить передачу до вечера. У васъ все готово?

— Пожалуйста.

— Тогда начнемъ. Пять барометровъ?

— Пять.

— Три барографа?

— Три.

— Два барометрографа?

— Два.

— Шесть термографовъ?

— Шесть.

— Четыре термометрографа?

— Четыре.

— Вы надѣетесь, успѣемъ мы къ вечеру? Ну, я читаю, отмѣчайте у себя просто. Два психрометра, два электроскопа, три электрографа, три электрометрографа, два аэроэлектроконденсатора, тринадцать индукціонныхъ катушекъ, восемь электрорадіаторовъ, четыре громоотвода, девять фотометровъ...

— Усни и ты, милый!

— Нѣтъ, нѣтъ. Я — такъ.

— По психофизіологической секціи: двадцать пять вращающихся барабановъ для записей... Сфигмографовъ—восемь, сфигмоманометровъ—семь, иннервометрографовъ — одинъ, кардіографовъ — одинъ, тахистоскоповъ—два... А клѣть съ морскими свинками есть? Ахъ, да. Простите... Живой инвентарь отдѣльно. Читаю дальше!

Аріадна спитъ. Владиміръ, сидя у постели, подъ баюкающее чтеніе сосѣда уснулъ тоже. А на палубѣ въ это время профессоръ Мерцъ, на пра-

вахъ предсѣдателя Комиссіи приказавъ одному изъ служащихъ созвать на аппаратъ всѣхъ участниковъ экспедиціи, начальническимъ тономъ говоритъ машинисту:

— Выгрузки не будетъ, Herr Гомперцъ. Прошу васъ немедленно взять маршрутъ: Петербургъ, Берлинъ, Женева.

— Не будетъ выгрузки?—изумленно восклицаетъ стоящій рядомъ профессоръ Леско.—Позвольте, профессоръ! Какъ же такъ? Невозможно! Вѣдь, на основаніи постановленія общаго собранія Комиссіи...

— Я за все отвѣчаю! Мѣстность не представляетъ никакого интереса! Herr Гомперцъ, прошу васъ: немедленно.

— Но это самодурство, профессоръ!

— У меня есть свои убѣжденія!

Аппаратъ тихо оставляетъ пустыню, поднимается выше, выше, поворачиваетъ къ Тянь-Шаню, несется на сѣверо-западъ. А Мерцъ, не обращая вниманія на громкое возмущеніе Леско, хмуро смотритъ внизъ, на исчезающіе холмы Курукъ Тага, тихо шепчетъ:

— Да, да... Никакого смысла—бороться здѣсь съ мистицизмомъ. Никакого...

КОНЕЦЪ